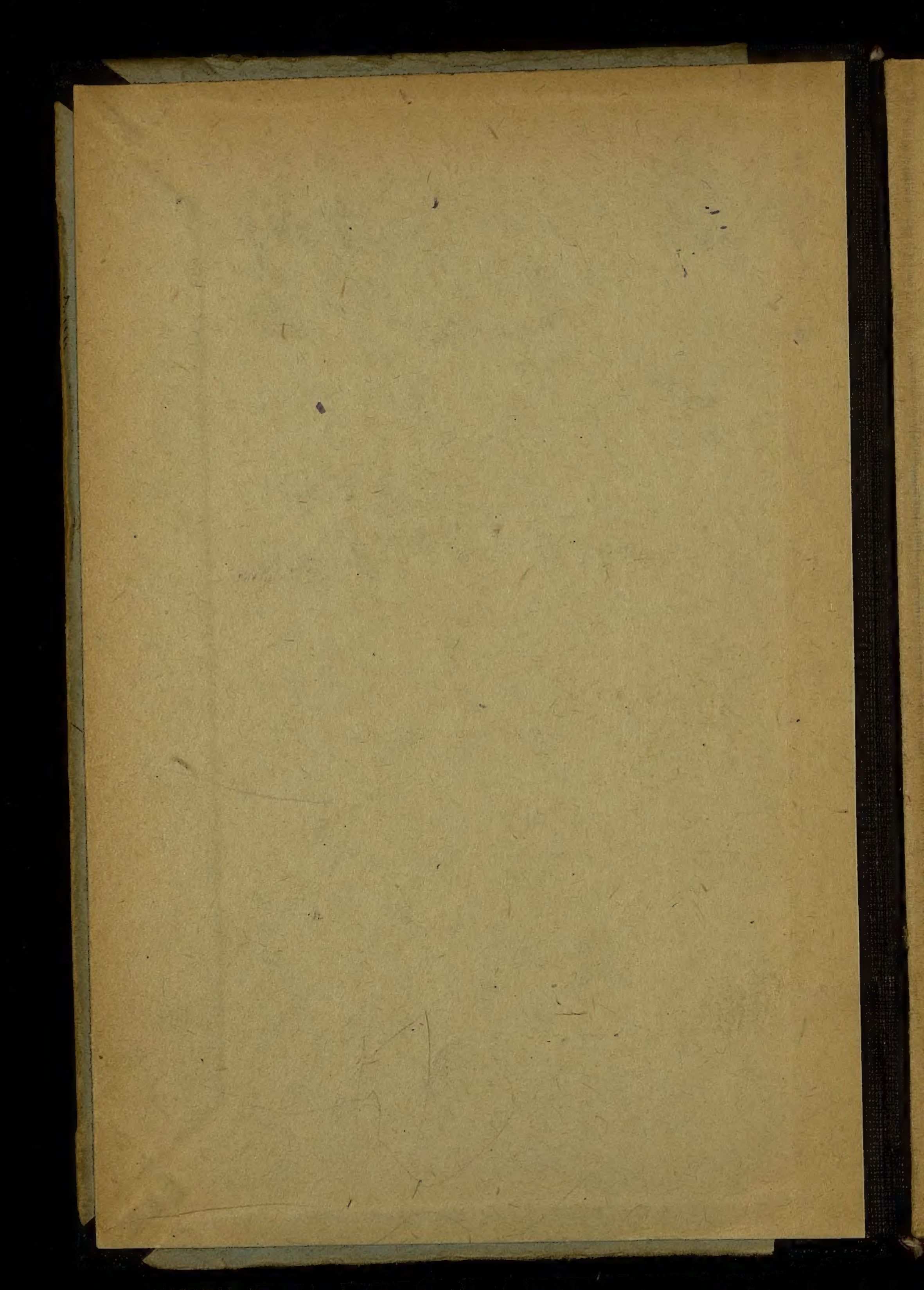
ШАХМАТОВ



Шахматов А.А.

Очерк современного литературного языка

изд. 3 1936

А. А. ШАХМАТОВ. МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЕГО ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА [1].

1.

Автор книги, ныне предлагаемой читателям в третьем издании, академик Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), является одним из самых замечательных представителей русской филологии в целом и русского языкознания в частности. Редко встречаются в истории науки примеры подобной устойчивости научных интересов, такой широты охвата и неуклонной последовательности в постановке проблем, казалось бы, разнородных и в то же время органически связанных в единую цепь.

Тематическое ядро этой многосторонней исследовательской работы на протяжении сорока лет остается неизменным. Основную проблему, наполнившую собой всю жизнь Шахматова, можно определить как проблему исторического развития русского народа и его культуры с древнейших времен — развития, отраженного в языке и письменности. Результатом деятельности Шахматова является ряд составивших эпоху трудов по истории и диалектологии русского языка, по русской грамматике, по истории древней русской литературы, по сравнительной грамматике славянских языков, по исторической этнографии Восточной Европы [2].

---

[1] Автор имел случай ознакомить с рукописью статьи нескольких товарищей и с благодарностью воспользовался указаниями Р. И. Аванесова, К. А. Алавердова, Г. О. Винокура, Е. Б. Курило и Р. О. Шор.

[2] Основные труды А. А. Шахматова, в которых содержатся последние обобщения его исследований:

а) по истории русского языка в связи с диалектологией, сравнительной грамматикой славянских языков и древнейшей историей славянства и русского племени: «Курс истории русского языка» (Литогр.; ч. I, изд. 2-е, СПБ 1910—1911; ч. II, изд. 2-е, СПБ 1911—1912; ч. III, СПБ, без года); «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Пг. 1915; составляет вып. 11₁ «Энциклопедии славянской филологии», издание Отделения русского языка и словесности Академии наук); «Введение в курс истории русского языка», ч. I (Пг. 1916); «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг. 1919);

б) по грамматике современного русского языка: «Очерк современного русского литературного языка» (курс, читанный в СПБ университете в 1911/12 уч. г.; литогр. изд., СПБ 1913; 1-е печатное изд. — Лг. 1925; 2-е — М. 1930); «Синтаксис русского языка» (посмертно: вып. I — Лг. 1925; вып. II — Лг. 1927);

в) по изучению русских летописей: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПБ 1908); «Повесть временных лет», т. I (Пг. 1916).

Характеристике личности и оценке научного наследия Шахматова посвящены следующие книги и статьи: «Известия Отделения русского языка и сло-

Необычайно рано, уже в десятилетнем возрасте, наметив с полной определенностью основную тему своих научных изысканий, Шахматов не изменял ей ни на час в последующие сорок шесть лет своей жизни. Истоком его научного развития послужил зародившийся еще в детстве интерес к древнейшей русской истории, к проблеме происхождения русского народа и возникновения русской государственности. Сразу же он усмотрел связь между этими вопросами и сравнительным языкознанием, открывающим язык в качестве исторического источника. Интерес к истории языка становится у него доминирующим. Он приступает к систематическим занятиям по языкознанию под руководством виднейших лингвистов; среди его руководителей — московские профессора В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш и, главным образом, Ф. Ф. Фортунатов — первый в русской науке представитель «младограмматического» направления, возникшего в Германии в конце 70-х годов и быстро занявшего господствующее положение в европейской лингвистике, крупнейший специалист по сравнительной грамматике и основатель целой школы русского языкознания (так называемой «московской» или «сравнительно-исторической» школы, конкурировавшей с «казанской», «психологической» школой И. А. Бодуэна-де-Куртенэ). Шахматов становится ближайшим учеником Фортунатова, методология которого наложила яркую печать на всю его научную деятельность. К этому же раннему периоду относится начало его знакомства с И. В. Ягичем — авторитетнейшим славистом, петербургским академиком и редактором издававшегося в Берлине журнала «Archiv für slavische Philologie».

Первые научные выступления Шахматова относятся еще к гимназической поре его жизни. Гимназистом VI класса, в 1881 г., он печатает в V томе «Archiv'a» Ягича результаты своих наблюдений над языком древнерусских памятников. В VI томе этого журнала (1882 г.) напечатана вторая его работа в той же области, а в VII томе (1883 г.) — его рецензия на магистерскую диссертацию А. И. Соболевского, на защите которой в Московском университете он выступил неофициальным оппонентом.

В 1887 г., по окончании университета, Шахматов был оставлен при кафедре русского языка и словесности. В 1890/91 учебном году он получил звание приват-доцента и приступил к чтению курса истории русского языка, однако в том же году прекратил преподавательскую деятельность и возобновил ее только через 17 лет в качестве профессора Петербургского университета (1908—1920 гг.). В 1894 г. он защитил в Московском университете диссертацию («Исследования в области русской фонетики») и получил докторскую степень, минуя

весности Российской академии наук», т. XXV, 1920 (Пг. 1922); «А. А. Шахматов» (вып. VIII серии «Очерки по истории знаний», издаваемой Академией наук СССР, Лг. 1930); В. В. Виноградов, А. А. Шахматов (Пг. 1922); Б. М. Ляпунов, Памяти акад. А. А. Шахматова (Обзор его лингвистических трудов) («Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», т. XXVIII, 1923; т. XXIX, 1924); Е. А. Масальская, Повесть о брате моем А. А. Шахматове, ч. I (М. 1929). В первых двух из указанных изданий помещен полный перечень трудов Шахматова, а во втором из них — также и перечень литературы о нем.

степень магистра. В том же году избран адъюнктом Академии наук, а в 1897 г. — академиком.

Избрание в Академию расширило круг деятельности Шахматова, включив в него организационные задачи, число которых непрерывно возрастало и которые тем не менее не отвлекали его от интенсивной исследовательской работы. Сюда относится редактирование академического «Словаря русского языка» (с 1894 г.)[3], «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук» (с 1896 г.), «Материалов для изучения великорусских говоров» (с 1896 г.), ряда томов «Полного собрания русских летописей» (в издании Археографической комиссии) и ряда других изданий, заведование первым отделением академической библиотеки (с 1899 г.), председательство в Отделении русского языка и словесности (с 1906 г.), организация диалектологических исследований, составление программы для собирания особенностей русских говоров и многое другое. Особо следует упомянуть о роли Шахматова в реформе орфографии: он принимал ближайшее участие в работах Орфографической комиссии и подкомиссии при Академии наук (1904 г. и 1910—1912 гг.) и защищал реформу в печати[4]; 11 мая 1917 г. под его председательством в Академии наук состоялось совещание, окончательно установившее пункты вслед за тем осуществленной реформы. Эта кипучая и неутомимая деятельность, исследовательская, организационная и преподавательская, сделала Шахматова одной из центральных фигур русской филологии и организатором научной разработки русского языка на протяжении четверти столетия.

2.

К тому времени, когда Шахматов начинал свою исследовательскую деятельность, в европейском языкознании обозначились два различных направления интересов, в основе которых лежало (правда, не всегда осознанное) различие концепций языка.

Одна часть лингвистов замыкалась в области сравнительной грамматики и либо отрицала, либо игнорировала (если не в принципе, то на деле) проблему связи языка с его субстратом — с социальным коллективом (племенем, народом), носителем языка. Типичными представителями этого направления явились лингвисты «младограмматической школы», выступившие сомкнутым строем незадолго до появления первых работ Шахматова («Morphologische Untersuchungen» Бругмана и Остхофа в 1878 г., «Prinzipien der Sprachgeschichte» Пауля в 1880 г.). Их точка зрения по данному вопросу разделялась и другими исследователями, стоявшими в оппозиции к ним во многих

[3] См. составленную Шахматовым записку о плане «Словаря» в «Сборнике Отделения русского языка и словесности», т. 64 (СПБ 1899, «Извлечения из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности за 1895 г.», стр. XII—XVI), и его предисловие к вып. I второго тома «Словаря» (СПБ 1897), а также его заметку в «Сборнике Отделения», т. 67, № 1 (СПБ 1899), стр. 28—33.

[4] См. его статью «Audiatur et altera pars» в газете «Русь» от 10 мая 1904 г.; в основной части перепечатана в книжке В. И. Чернышева «Упрощение русского правописания» (по 3-му изд., Тверь 1913, стр. 61—65).

других отношениях. С наибольшей яркостью сформулирован этот взгляд как-раз одним из их противников, Ф. де-Соссюром, в заключительной фразе его «Курса общей лингвистики»: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»[5].

Противоположное направление представляли Якоб Гримм, Пикте, Ген, Фик, Шрадер, капитальный труд которого «Sprachvergleichung und Urgeschichte» («Сравнительное языкознание и первобытная история») вышел первым изданием в 1883 г. Принципиальную и яркую формулировку этого взгляда дал Якоб Гримм: «Я хотел не только строить дома, но и жить в них», — писал он в предисловии к «Истории немецкого языка»; — мне представлялась заслуживающей внимания попытка... извлечь пользу для истории из исследования языка»[6].

Из этих двух диаметрально противоположных принципов исследования первый предполагает взгляд на язык как на некую обособленную сферу явлений, допускающую изучение в отрыве от других областей социальной жизни. Этот принцип стоит в прямом противоречии с замечанием Маркса и Энгельса: «Ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства; они суть только проявления действительной жизни»[7].

В русском языкознании представителем первого направления был Фортунатов: правда, он отмечал, что «изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями»[8], но в своей исследовательской работе не выходил за пределы сравнительной грамматики.

Представителем второго взгляда был Буслаев, который, по словам Шахматова, в одном из своих ранних трудов «раскрывал широкую картину исторического развития русского народа»[9].

Замечательно, что Шахматов, ученик Фортунатова, испытавший сильнейшее методологическое влияние со стороны своего учителя, во многом разделявший вместе с ним взгляды «младограмматиков», в кардинальном вопросе о взаимоотношении истории языка и истории общества последовал не за ним, а за Буслаевым. Основной методологический принцип Шахматова, обусловивший также и тематический размах его исследований, утверждает неразрывную связь между историей

---

[5] Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики. Перевод с франц. А. М. Сухотина под ред. Р. И. Шор, М. 1933, стр. 207. Это — посмертный труд де-Соссюра, вышедший первым изданием в 1916 г. Здесь он излагает принципы, лежавшие в основе всей его деятельности. Первый его капитальный труд, сыгравший видную роль в разработке сравнительной грамматики индоевропейских языков («Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes»), вышел в 1879 г.

[6] J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, Lpz. 1848, стр. XIII.

[7] Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат 1934, стр. 435.

[8] Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение (Общий курс). Лекции, читанные в 1901/02 ак. году. Литогр., М. 1902, стр. 5.

[9] «Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым, И. Н. Ждановым и В. А. Воскресенским», СПБ 1898, стр. 10—11. Шахматов имеет в виду «Материалы для русской грамматики и стилистики», составляющие приложение к первому изданию книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», М. 1844.

языка и историей народа. «В своих лингвистических построениях, в своей работе над восстановлением языка прошлых эпох, — пишет он, — историк языка должен искать постоянную опору в истории изучаемого им народа. Жизнь языка протекает параллельно и согласно с другими явлениями из жизни народной... Историк языка в праве отождествлять открытое им явление с соответствующим явлением народной жизни. Факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа» [10].

Такой выбор был для Шахматова естественным, если не единственным возможным: к языкознанию он пришел от истории; история языка была для него лишь частью общей проблемы исторических судеб русского народа и в известной мере орудием изучения этой проблемы. При помощи усвоенных им от Фортунатова виртуозных приемов сравнительной грамматики, он реконструирует не засвидетельствованный письменными памятниками «общерусский» и далее — «общеславянский праязык»; на основании как языковых данных, так и сведений, почерпаемых у греческих, римских, арабских историков и географов, наконец — из Несторовой летописи, подвергая перекрестному допросу языковые и литературные источники, он исследует вместе с тем «древнейшие судьбы» носителей этих языков — «общеславянского» и «общерусского пранарода». Он пытается установить общеславянскую и общерусскую прародину, переселения пранародов, их этнографическое окружение, хронологию их распадения, процесс образования наций и их племенной состав. Правда, он не касается тех вопросов, которые, например, для Гримма и Буслаева стояли на первом месте, — вопросов о культуре и быте пранародов и их первых потомков. Но все же следует признать, что Шахматов широко пользовался лингвистическими данными для освещения вопросов истории. В сущности, именно об этом — о том, чтобы, согласно завету Гримма, «извлечь пользу для истории из исследования языка», — и говорит только что приведенная программная формула Шахматова.

Конечно, он старался и данные истории общества использовать для истории языка. Если диалектальные различия в языке служат для него отражением исконных племенных различий в этническом составе нации — различий, во многих случаях затушеванных позднейшими смешениями и объединениями, то, с другой стороны, от засвидетельствованных историческими источниками племенных различий он делает заключения о стершихся впоследствии различиях диалектальных; из данных о соседстве, схождении и связях племен он вполне обоснованно заключает о схождении и взаимовлиянии диалектов. Он исследует влияние на язык таких исторических фактов, как образование Киевского государства, татарское нашествие и возвышение Москвы [11]. Однако

---

[10] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11 и 13. См. также «Введение в курс истории русского языка», стр. 8–9.

[11] Ярче всего выступает у Шахматова представление о характере связи между историей народа и историей языка в «Введении в курс истории русского языка». См. также введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» и «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—30, 207—209. Менее отчетливое отражение этих взглядов — в вводной главе к «Очерку современного русского литературного языка».

использование данных истории для языкознания ограничено у него довольно тесными рамками: самый механизм языка и его изменений Шахматов рассматривает вне связи с историей народа и социальными формами его жизни. Правда, в этой области языкознание и сейчас не может похвастать большими успехами, но Шахматов не делал даже и попыток в направлении установления такой связи.

3.

Движущие силы социального процесса, которые Шахматов учитывает в восстановлении прошлого народов, — это, главным образом, колонизационные движения, насильственные переселения под влиянием вторжений иноземцев, экономические и культурные связи между племенами и народами, оборонительные и наступательные объединения племен, образование и перемещение культурных, административных и политических центров [12]. Экономические процессы фигурируют у него в качестве импульсов к колонизационным движениям, вторжениям и объединениям племен [13]. Наряду с ними он ставит «национальное» и «религиозное самосознание» [14]. На вопрос о взаимоотношении всех этих факторов мы не найдем у Шахматова ясного ответа. С одной стороны, он рассматривает идеологические факторы как производные: упомянутое укрепление «национального, в особенности же религиозного самосознания» приводится как следствие татарского нашествия. Еще более определенный характер носит указание, что «во всякие времена и при всяких условиях» «культура проникает во всякую страну через ее городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются ее распространителями» [15]. А с другой стороны, он утверждает, что «нация определяется общим языком и общими культурными и политическими учреждениями» [16], упуская признак «общности экономической жизни» [17]. Таким образом, общая концепция социального развития остается у Шахматова идеалистической и эклектической.

Шахматов уделяет известное внимание социальному расслоению языка. Так, в Киеве XI в. он различает (хотя и предположительно) «язык господствующих классов» и «язык образованных классов» (духовенства), причем тот и другой отличаются от говоров сельского населения Киевской земли [18]. В более позднюю эпоху, в конце XIV в.,

---

[12] См. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12; введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка»; «Введение в курс истории русского языка».

[13] Ср. «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XXI, XXVI; «Введение в курс истории русского языка», стр. 66.

[14] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 13. Ср. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 207; «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII.

[15] «Введение в курс истории русского языка», стр. 79.

[16] «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII.

[17] См. И. В. Сталин, статья «Марксизм и национальный вопрос» в его книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос», М. 1934, стр. 6.

[18] «Введение в курс истории русского языка», стр. 80—83.

он останавливается на стремлении к реформе церковного языка, возникшем в среде духовенства, «понимавшего, что почва ускользает из-под его ног» под напором светских культурных элементов — «подьячих съезжей избы» [19]. Как видим, Шахматов говорит даже о «классах». Но само собой разумеется, что в его употреблении этот термин лишен строго очерченного содержания. Не подвергая анализу природу социального развития, он не способен уловить сущность общественного класса, определяемую по признаку отношения к средствам производства. Очевидно, что и его «господствующие классы», и его «образованные классы», и подьячие — все это группировки внутри единого господствующего класса древнерусского феодального общества. Таким образом, под классом Шахматов разумеет всякую общественную группу, выделенную по любому признаку. Искать у него понимания классовой природы феодального и капиталистического общества было бы бесцельно.

4.

Лингвист и историк одновременно, Шахматов трактует и «пранарод» и «праязык» как исторические величины, которые путем реконструкции могут быть описаны во всей конкретности их былого существования. Ему было чуждо ограничительное толкование понятия праязыка в качестве методологической абстракции — толкование, с начала 70-х годов доминирующее в западноевропейской лингвистике (Шухарт; младограмматики: И. Шмидт, Дельбрюк, Пауль и др.) и представленное в русской науке И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. Эта скептическая концепция, единственно приемлемая при современном состоянии наших знаний, четко сформулирована, между прочим, виднейшим представителем современной сравнительной грамматики индоевропейских языков Мейе. «Единственный объект, с которым она [сравнительная грамматика] имеет дело, — пишет он, — это — соответствия между известными языками. Соответствия предполагают общую основу, но эта общая основа остается неизвестною, и представить ее себе возможно только путем гипотез, и гипотез недоказуемых. Поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык... Однако для краткости выражения позволительно обозначать одним знаком каждый определенный ряд соответствия звуков» [20]. Индоевропейский праязык в его понимании есть не более как «совокупность рядов соответствий» (там же, стр. 381).

Еще определеннее высказан взгляд на праязык как на научную фикцию в принадлежащей Дельбрюку оценке праязычных форм как «формул, выражающих преходящие взгляды ученых на объем и характер языкового материала, унаследованного отдельными языками из праязыка» [21].

---

[19] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 205—206.

[20] А. Мейе, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Перевод с франц. Д. Кудрявского, изд. 2-е, Юрьев 1914, стр. 40.

[21] B. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, 4. Aufl., Lpz. 1904, стр. 124.

Само собой разумеется, что сказанное здесь об индоевропейском праязыке в равной мере относится и к другим праязыкам, не оставившим письменных памятников и восстанавливаемым путем сравнения родственных языков.

Подобные формулировки явно противоположны взглядам Шахматова. Он стоит гораздо ближе к концепции Шлейхера, виднейшего представителя предшествующего периода развития лингвистики (умер в 1868 г.) — ученого, построившего «родословное древо» индоевропейских языков, утверждавшего, что индоевропейский праязык «сделался нам известен с некоторою точностию» [22], и даже написавшего, хоть и в шутку, басню на этом языке [23]. Недаром острил по адресу Шахматова А. И. Соболевский: «Как будто общеславянский праязык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, и все эти *ö*, *ä*, *ie* могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд» [24].

Метод реконструкции сводится у Шахматова примерно к следующей схеме. Если живые или засвидетельствованные письменными памятниками языки a, b, c, d, e, f обнаруживают ряд общих явлений, отличающих их от других языков, то эти языки родственны, т. е. являются продолжателями одного и того же праязыка M. Если, далее, языки a, b, c обнаруживают ряд дополнительных сходств, отличающих их от языков d, e, f, то это свидетельствует о более близкой степени их родства, т. е. о том, что в течение известного периода времени они составляли единый язык N, выделившийся из праязыка M и выработавший ряд признаков, сохранившихся в его продолжателях a, b, c; стало быть, эти языки выделились из праязыка M при посредстве промежуточного праязыка N; таким же образом может обнаружиться между языками d, e, f ряд дополнительных сходств, вынуждающих допустить известную эпоху их единства в форме промежуточного праязыка P. Так как «факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа», то филиации языков и праязыков соответствует филиация народов и пранародов, возникающая в результате колонизационных движений. Поправки и уточнения в схему последовательного разветвления того или иного праязыка и пранарода вносит хронологизация появления признаков, обособляющих отдельные ветви (на основании внутренней связи этих языковых явлений и датировки древнейших письменных памятников), далее — данные исторических источников о взаимном расположении и миграции народов и племен, гипотезы по тому же вопросу, опирающиеся на взаимное расположение народов,

---

[22] А. Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, СПБ 1864 (перевод с немецкого), стр. 7.

[23] Синтезирующий труд Schleicher'a «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» (Weimar 1861) Шахматов, по совету В. Ф. Миллера, штудировал уже в 15-летнем возрасте; см. его автобиографию, перепечатанную из «Материалов для биографического словаря действ. членов Академии наук» (ч. II, Пг. 1917) в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук», стр. 4.

[24] А. И. Соболевский, Рецензия на диссертацию Шахматова «Исследования в области русской фонетики», напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения», 1894, апрель, стр. 424.

языков и говоров в более позднее время, наконец — сведения о месте написания памятников, обнаруживающих те или иные языковые особенности. Совокупность этих данных позволяет различить среди сходных признаков группы языков те, которые развились в каждом из этих языков самостоятельно, уже в пору их раздельного существования, и те, которые восходят к древнейшей эпохе и служат доказательством былого единства этих языков.

Так создается для каждого из живых или засвидетельствованных письменными памятниками языков многоступенная схема его происхождения и родственных связей с другими языками. Шахматов постоянно возражал против попыток возводить тот или иной живой славянский язык непосредственно к общеславянскому праязыку [25] или хотя бы сопоставлять его непосредственно с общеславянским [26], минуя длинную цепь промежуточных праязыков.

Совершенно очевидно, что реконструкции переселений, относящихся к доисторическим и древнейшим историческим эпохам, равно как и реконструкции праязыков, являются всецело гипотетическими (ср. приведенные выше суждения Мейе и Дельбрюка), и Шахматов построил целый ряд широких и смелых исторических гипотез, всегда необычайно остроумных, но постоянно требовавших пересмотра и под влиянием посторонней критики и, еще чаще, по почину самого автора [27].

5.

В своих реконструкциях Шахматов широко пользовался объяснениями языковых образований на основе смешения — этнического смешения племен, с одной стороны, и восприятия одним языком особенностей другого языка в результате непосредственного соприкосновения носителей этих языков или культурного влияния при посредстве письменности, с другой. Так, например, белорусский язык он объясняет как продукт смешения части южнорусского племени, ассимилировавшей себе ляшские (западнославянские, прапольские) элементы, с частью племени восточнорусского, также смешавшейся с ляшским населением; «великорусский язык» — как продукт смешения другой части восточнорусского племени с племенем севернорусским, опять-таки испытавшим польское влияние; «средневеликорусские говоры» — как продукт смешения «северновеликорусского» и «южновеликорусского» населения.

---

[25] См., например, статью «До питання про початок української мови» (в журнале «Україна», 1914, I), посвященную разбору книги St. von Smal—Stockyj und Th. Gartner «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache».

[26] См., например, статью «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), посвященную разбору книги Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие».

[27] Обзор и критику историко-этнографических построений Шахматова можно найти в работах П. А. Бузука («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXIII, кн. 2), В. А. Пархоменко (там же, т. XXV), Н. М. Петровского (там же), Lehr-Spławińsk'ого («Rocznik Slawistyczny», (т. IX, кн. I), Meillet («Revue des Études Slaves», т. I, кн. 1—2) и др.

В языке Киева XI в., как было уже отмечено выше, он различает «язык господствующих классов» и «язык образованных классов»; при этом он характеризует первый как результат смешения «нескольких русских живых говоров», а второй — как «древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду... и ассимилировавшийся живому русскому языку...»; наконец, современный русский литературный язык представляет собой древнеболгарскую основу, подвергшуюся обрусению сперва в Киеве, а затем в Москве [28].

Характерно однако, что все смешения, которые устанавливает Шахматов, происходят только между близко родственными языками. Здесь можно видеть отражение намеченной Фортунатовым теории схождения близких между собой языков, т. е. языков, имеющих «в недалеком прошлом общую историю» [29]. Нет оснований полагать, что Шахматов принципиально отвергал возможность смешения между неродственными языками [30]. Так, например, он сочувственно цитирует высказанное Бодуэном-де-Куртенэ предположение о том, что мазуракание (замена шипящих согласных свистящими) в восточных говорах польского языка могло возникнуть в результате финского влияния [31]. Но сам он избегал подобных гипотез.

Таким образом, если принцип объяснения языковых изменений на почве смешения является положительной чертой методологии Шахматова, то все же приходится признать, что он пользовался этим принципом в очень ограниченных пределах. Вопреки логической последовательности, он (если не в теории, то в конкретной исследовательской работе) не распространял смешения на доисторические эпохи [32].

6.

Главным источником для восстановления истории языка Шахматов считал данные современных говоров. Показаниям памятников он отводил второстепенное место. «Подобно тому как сравнительное изучение славянских языков, — пишет он в критическом отзыве об «Исторической грамматике чешского языка» Гебауера, — приводит к восстановлению языка общеславянского... точно так же изучение современных чешских говоров дает нам представление о звуковом и формальном составе общечешского или прачешского языка» [33].

---

[28] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 8, 20; ср. «Введение в курс истории русского языка», стр. 81—82.

[29] Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 83. Шахматов развивает аналогичные соображения («Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12).

[30] В «Курсе истории русского языка» (ч. I, стр. 98) находим следующее, впрочем, не получившее развития, замечание: «Не исключена возможность предположения, что русский язык изменил первоначальный музыкально-экспираторный характер ударения на экспираторный под влиянием инородцев».

[31] «Введение в курс истории русского языка», стр. 56.

[32] Ср. гипотезу А. И. Соболевского о славянском пранароде и праязыке как результате схождения славянобалтийского пранарода с одним из скифских (иранских) племен («Русско-скифские этюды» в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXVII, 1922, стр. 331—332).

[33] «Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1898 г.», СПБ 1899, стр. 37.

Недоверие к написаниям памятников — в частности, памятников древнерусского языка — Шахматов обосновывал целым рядом доводов. Он указывал на относительно позднюю их дату, не позволяющую непосредственно восстанавливать по ним предшествующие эпохи языка, на иноземное происхождение русского письма, на недостаточное отражение в письменности разнообразия говоров, на искусственность книжного языка, наконец — на самостоятельный путь развития письма, «дающий основание для целого ряда графических явлений, ничего общего с явлениями языка не имеющих» [34].

Многие из перечисленных доводов против чрезмерного доверия к письму (конечно, без применения к специфическим условиям истории русского письма) были впервые выдвинуты младограмматиками [35], которые настойчиво указывали на важность изучения живых диалектов. Тем не менее трудно было бы назвать лингвиста, который не только в теории, но и в своей исследовательской практике проявлял бы к графике памятников столь критическое отношение, так последовательно различал в историческом материале букву и звук, как это делал Шахматов. Он пристально изучал орфографические традиции в древнерусской письменности, устанавливал особенности отдельных школ письма, постулировал искусственное книжное произношение, возникавшее на почве иноземного происхождения русского письма, и только из сопоставления написаний с данными диалектов современного языка выводил заключения о произношении прежних эпох. Его критика графики памятников представляет собой крупное и прочное завоевание, предохраняющее историческую фонетику русского языка от множества ошибок на почве доверия к письменному изображению звуков [36].

7.

Настойчиво выдвигая тесную связь между историей языка и историей народа, Шахматов не мог не сознавать с полной отчетливостью принадлежности языка к области социальной. Поэтому мы должны поставить вопрос о том, как он представлял себе социальную природу языка. Ответ, который дает Шахматов на этот вопрос, гласит: «Реальное бытье имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов» [37].

Это учение о фиктивности национального и племенного языка свойственно почти всей буржуазной лингвистике последнего шестидесяти-

---

[34] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 182—184.

[35] См., например, XXI главу книги Paul'я «Prinzipien der Sprachgeschichte».

[36] О применявшихся Шахматовым методах критики написаний см. статью В. В. Виноградова в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук».

[37] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 7.

летия. С ним мы встречаемся и у младограмматиков [38] и у их противников — например, у Бодуэна-де-Куртенэ [39].

Совершенно очевидна связь этого учения с механистической концепцией, согласно которой общество представляет собой простой конгломерат индивидов, а социальные явления рассматриваются как функции суммы индивидуальных сознаний. Если последовательно применить эту примитивно эмпирическую точку зрения к области языка, то мы придем не к индивидуальным языкам, а к отдельным, разобщенным актам речевой деятельности индивида. Подведение их под понятие индивидуального языка явится такой же абстракцией, как и построение понятия языка национального. Таким образом, с указанной точки зрения фиктивным окажется всякое понятие языка, кто бы ни являлся его носителем — народ, племя или индивид. У исследователя, для которого в центре внимания стоит понятие народа, такое понимание языка вырастает в непреодолимое внутреннее противоречие.

Между тем эта концепция влечет за собой вполне определенные методологические следствия. Если единственной лингвистической реальностью является язык индивида, то он служит и единственным возможным объектом лингвистического исследования. И Шахматов не останавливается перед этим выводом. Во вступительных замечаниях к «Очерку современного русского литературного языка» (стр. 7) он пишет: «Я сосредоточу свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления», и отмечает, что «такое самоограничение может представить известный интерес с точки зрения методологических требований». В обоснование этого утверждения приводится цитированное выше соображение о фиктивности национальных и вообще коллективных языков. Пусть действительные (повидимому, неосознанные) мотивы, убеждающие Шахматова в правомерности такого самоограничения, лежат в совершенно иной плоскости и сводятся к убеждению, что он, автор, является достаточно типичным представителем современного русского литературного языка; та мотивировка, которой он, сам того не замечая, маскирует это вполне законное обоснование, ярко изобличает несостоятельность разделяемой им теории.

8.

Однако ложная философия вносит в работы Шахматова дефекты значительно более серьезные, чем эти программные заявления. Так, он излагает психологистическую (нисколько, впрочем, не оригинальную) теорию языковых и, в частности, звуковых изменений [40]. В «Очерке

---

[38] См., H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4. Aufl., Halle a. S., 1909, стр. 37—38.

[39] См., например, его «Введение в языковедение», изд. 5-е, литогр., 1917, стр. 41: «Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию... Существуют... одни только индивидуальные языки... Племенной же или национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков».

[40] «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 76 и сл.; «Очерк современного русского литературного языка», стр. 63—64.

современного русского литературного языка», определяя значения падежей, он доходит до совершенно невразумительных формулировок: «Винительный падеж в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно... Творительный падеж имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия», и т. п. [41].

Замечательно, однако, то, что, выдвигая подобные концепции в теоретических рассуждениях и определениях, Шахматов никогда не пользовался ими в своей исследовательской практике. Характерно в этом отношении его возражение против методологии бодуэновской «психологической» школы: «Вполне соглашаясь с необходимостью определить две категории изменений и чередований фонем, — пишет он, — а именно категорию, обусловленную действующими в настоящее время факторами, с одной стороны, и категорию, обусловленную факторами, действовавшими в прошедшее время, с другой, я думаю, что рискованно искать основания для такого определения в наличности или отсутствии представления о таких чередованиях в сознании говорящих... Мне кажется, что необходимо искать прежде всего объективных данных при утверждении, что та или иная ассоциация фонем имеет действительно место в представлении говорящих; такие данные можно, например, видеть в подчинении новых слов (заимствованных) в их звуковых изменениях тем звуковым нормам, которые господствуют в ряде однородных в звуковом отношении старых слов...» [42]. И этому объективному методу он следует в том самом «Очерке современного русского литературного языка», который, как было сейчас показано, изобилует теоретическими высказываниями в духе психологизма [43]. В последнем своем труде, в «Синтаксисе», он и в теории в значительной мере освобождается от психологистических заблуждений. Он решительно устраняет понятия «психологического подлежащего и сказуемого». В области синтаксиса, где особенно велик соблазн соскользнуть на рельсы психологизма, он отказывается анализировать психические процессы, предоставляя эту проблему психологам: он изучает только социально используемые факты языка [44]. Для иллюстрации сказанного достаточно сопоставить с приведенными выше определениями значений падежей те определения, которые он дает в «Синтаксисе»: «Винительный падеж объекта показывает, что последний испытал на себе действие глагольного признака во всем своем объеме, без всякого ограничения»; «...между прочим, творительный падеж означает орудие, при посредстве которого обнаруживается действие» [45].

---

[41] «Очерк», стр. 80.

[42] «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), стр. 243.

[43] См. стр. 63—64: о произношении заимствованных слов.

[44] Подробнее см. в моей статье в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV, стр. 228—229, и т. XXVI, стр. 312.

[45] «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 320, 336.

Лингвистические работы Шахматова в огромном большинстве посвящены истории языка. Виднейший представитель «сравнительно-исторической школы» русского языкознания, он твердо держался исходного принципа, сформулированного вслед за западноевропейскими младограмматиками [46] основателем школы Фортунатовым: «Предметом языковедения является человеческий язык в его истории... Языковедение, имеющее предметом изучения человеческий язык в его истории, может быть, следовательно, определяемо иначе как история человеческого языка» [47].

Шахматов не раз высказывал аналогичные суждения. В «Очерке современного русского литературного языка», на первой же странице, он развивает ту же мысль: «... всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка», и т. д. (стр. 7—8) [48].

Если оставить в стороне некоторые детали, то возражать против этих формулировок не приходится. Не подлежит сомнению, что язык, как и всякое социальное явление, должен изучаться исторически, и ни на минуту исследователь не должен забывать, что объект его изучения является продуктом исторического развития и продолжает непрерывно изменяться во времени. И все же в результатах своих историзм Шахматова вызывает серьезные возражения и позволяет говорить о незакономерном сужении задач лингвистики. Нигде (кроме незаконченного, посмертно изданного «Синтаксиса») язык определенной эпохи не выступает у него достаточно отчетливо как определенная стадия на пути исторического развития, как исторически обусловленная и содержащая зародыши дальнейших изменений система одновременно действующих социальных норм, осуществляющих процесс общения между членами данного общества [49]. Принципиально Шах-

[46] См. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4 Aufl., стр. 21.

[47] Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 4.

[48] Более ранние высказывания Шахматова в том же духе см. в лекции «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПБ 1904, стр. 408).

[49] В этом направлении много сделали два современных Шахматову лингвиста — И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и Ф. де-Соссюр. См. у Бодуэна-де-Куртенэ различение живых и исторических чередований (иначе — «дивергенций» и «корреляций») в «Некоторых отделах «сравнительной грамматики» славянских языков» («Русский филологический вестник», 1881, т. V), в книгах «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen» (Strassburg 1895) и «Введение в языковедение» и в ряде других работ; у де-Соссюра («Курс общей лингвистики») — различение «синхронической» и «диахронической» лингвистики. Однако оба эти построения носят психологистический характер, а второе из них, кроме того, обнаруживает разрыв между «синхронией» и «диахронией».

Шахматов соглашался с принципиальной необходимостью различать две намеченные Бодуэном категории фонетических чередований (см. приведенную выше выдержку из «Заметок по истории звуков лужицких языков»), но не сделал из этого методологического положения обобщающих выводов.

матов не отрицает ни необходимости, ни научности «описательного изложения», которое он противополагает «объяснительному»; он только выставляет вполне обоснованное требование, чтобы «описательное изложение» опиралось «и на данные, добытые историей языка». Но из этого требования он делает неверные методологические выводы: «без этого, — полагает он, — описание... может не заметить тесной связи между теми или другими явлениями современного языка и не обобщит того, что должно быть обобщаемо в виду указаний истории» [50]. И, согласно этому принципу, в «Очерке современного русского литературного языка» он считает нужным различать «исконные», т. е. свойственные индоевропейскому праязыку, основы на *-о* и *-jo*, на *-й*, на *-ĭ*, на *-ŭ*, на *-ā*, и *-jā*, в русском языке, а частью и в исторически предшествовавших ему языках, давно изменившиеся, смешавшиеся и перегруппировавшиеся [51].

Только в самом последнем своем труде, в «Синтаксисе русского языка», Шахматов преодолел ограниченность «сравнительно-исторической школы»: «Синтактические отношения, — пишет он, имея в виду «описательный» синтаксис, — ... познаются на основании данных в языке отношений, а не исторических соображений» [52].

С другой стороны, историзм Шахматова отличался такими положительными свойствами, которые редко встречаются в лингвистической литературе: целый ряд исторических изменений в той или иной области языка он проследил в их всестороннем воздействии на языковой механизм. Так, он детально рассмотрел влияние падения глухих гласных на систему склонения [53]. Аналогичную работу он проделал по отношению к падению двойственного числа (там же, стр. 314—333). Подобные исследования, продуктивность которых не поддается учету, не имели прецедентов в истории русского языка.

10.

От системы методологических принципов Шахматова обратимся к его трактовке понятия «русский язык».

Этим термином покрываются в словоупотреблении Шахматова, как и всей современной ему лингвистики, три разных понятия, и многозначность этого термина служит симптомом внутренней противоречивости той концепции, которая породила такое словоупотребление.

Под русским языком Шахматов разумеет, во-первых, восточнославянскую группу языков, т. е. языки русский, украинский и белорусский (в рассматриваемой терминологии — великорусский, малорус-

---

[50] См. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 7—8.

[51] Принципиальное обоснование этого методологического приема см. в «Очерке», стр. 81—82.

[52] «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 150; ср. стр. 74. О колебаниях Шахматова, предшествовавших такому решению кардинального вопроса о методе «описательного» языкознания, см. в моей статье о синтактической системе Шахматова («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV, стр. 230—231).

[53] «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 307—313.

ский и белорусский) в их совокупности [54]. Во-вторых, русский язык — это один из трех восточнославянских языков — «великорусский язык» [55]. И, наконец, в-третьих, — это «культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного» [56].

В связи с многозначностью термина «русский язык» наблюдается у Шахматова неустойчивость в употреблении терминов «язык» и «наречие»: он говорит то о «великорусском» (или «русском»), «малорусском» (или «украинском») и белорусском «языках», то о «великорусском», «малорусском» и белорусском «наречиях».

Крайняя сбивчивость в разграничении понятий «язык» и «диалект» («наречие») характерна для всей буржуазной лингвистики. Уже у Шлейхера находим замечание, что «ни один лингвист не был в состоянии дать удовлетворительное определение языка в противоположность к диалекту», и это представляется ему «очень понятным» [57]. Мы уже видели, каким путем сравнительная грамматика устанавливает родство языков. Непосредственно связано с этим методом положение, получившее наиболее яркую формулировку у Мейе: «Если два языка в своих грамматических формах, в своем синтаксисе и словаре представляют некоторое количество определенных соответствий, это значит, что эти два языка в действительности представляют один язык» [58]. Разделяя этот взгляд, Шахматов говорит, что «с точки зрения своего доисторического прошлого все славянские языки, в том числе и русский, могут быть определены как наречия... общеславянского праязыка» [59]. Неудивительно, что в этой концепции три восточнославянских языка оказываются наречиями «восточнославянского», иначе «общерусского праязыка»: «языки» становятся для Шахматова «наречиями», как только он рассматривает их со стороны их происхождения и родства. Однако последовательно провести эту двойственную терминологию, строго разграничивая употребление обоих терминов, не представляется возможным [60].

«Каждый представитель русского племени, — пишет Шахматов, — будь то великорус или белорус или малорус (украинец), может назвать свой родной язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям ни подвергся с течением времени» [61].

---

[54] «Введение в курс истории русского языка», стр. 12.

[55] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» в коллективном труде «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пгр. 1916, стр. 664.

[56] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

[57] Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, стр. 9.

[58] Мейе, Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков, стр. 19.

[59] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 665. Аналогичное рассуждение у Фортунатова («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 77—78).

[60] Это удалось Фортунатову в абстрактно-методологическом рассуждении («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 72), но в применении к конкретным историческим образованиям такое словоупотребление неизбежно приводит к путанице.

[61] «Введение в курс истории русского языка», стр. 7.

Многосторонняя порочность этой концепции очевидна.

В приведенном рассуждении обнаруживается смешение праистории с современностью, которое мы уже наблюдали у Шахматова в изложении современного русского склонения: вся эта теория представляет собой глубоко антиисторическую проекцию гипотезы об «исконных» отношениях на современные взаимоотношения народов и языков — проекцию, основанную, в конечном счете, на метафизическом убеждении в сохранении создавшихся «искони» социальных факторов на вечные времена. Единство «племени» в эпоху капитализма, характеризуемую не племенными, а развитыми национальными союзами, — это явный анахронизм, который неизбежно приводит буржуазную науку к противоречиям с действительностью, а наиболее проницательных представителей буржуазной науки — тех, кто, как Шахматов, не мог не замечать действительности, — также и к внутренним противоречиям в научном построении.

Шахматов знает, что «человеческие общества сближаются или разделяются единством или различием в культуре»[62] (требовать от него большего — отчетливого понимания объединяющей роли общности экономической жизни — после того, что было сказано выше о его концепции движущих сил социального процесса, не приходится). Он понимает, что «широко поставленное культурно-историческое освещение может объяснить, почему... одноязычные по происхождению народы стремятся к созданию двух, трех культурных языков вместо одного» (там же). Но в понятии «человеческого общества», «народности», «народа» он смешивает племя и нацию, этнографическую категорию с категорией исторической (см. возражения И. В. Сталина Отто Бауэру)[63], и впадает в противоречие, определяя национальный язык по этническому признаку; он не замечает разницы в роли этих социальных образований — племени и нации — в различных общественно-экономических формациях, потому что не различает и самых формаций.

Однако из неправильных посылок Шахматов делает правильный вывод, и этот вывод вступает в непримиримое противоречие с его тезисом об единстве русского языка. Он определенно указывает, что украинский язык является «наречием русского языка» только «с точки зрения своего доисторического прошлого», а «с точки зрения своего исторически засвидетельствованного прошлого» и «своего настоящего положения» он «должен быть рассматриваем как нечто отдельное» от других восточнославянских языков[64]. И в то же время, опрокидывая начертанную им самим историческую перспективу, он подводит украинский и «великорусский» языки под общее понятие «русского языка».

Отнесение единства русского языка к доисторической эпохе резко отличает Шахматова от шовинистически настроенных лингвистов, подобно акад. А. И. Соболевскому, утверждавших это единство по-

---

[62] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

[63] И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1934, стр. 9.

[64] «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 664—665.

отношению к настоящему времени[65]. Однако самый тезис единства, далеко не всегда сопровождаемый у Шахматова приведенными ограничительными оговорками, неустойчивость терминологии («язык» и «наречие»), многозначность понятия «русский язык» — все это было чревато политическими выводами. Жонглируя разными значениями этого термина, царское правительство, не углубляясь в различия между концепциями Шахматова и Соболевского, могло рассматривать украинский и белорусский языки как «наречия» русского («великорусского») языка и черпать в этой трактовке «научные» основания для подавления украинской и белорусской культуры. Правда, на Шахматова представители великодержавного шовинизма не ссылались: им было известно, что именно Шахматов выступил с уничтожающей критикой «галицко-волынской» теории А. И. Соболевского, который, развивая «погодинскую гипотезу», пытался доказать, что исконное население Киевщины было великорусским, что украинцы первоначально занимали Галицию и Волынь и колонизировали Поднепровье только в XV в.[66]. Шахматов принимал ближайшее участие в составлении записки Академии наук «Об отмене стеснений малорусского печатного слова»[67] и плана украинской энциклопедии[68]. Он сотрудничал в украинских журналах и научных сборниках; две его работы написаны на украинском языке. Неудивительно, что его позиция оценивалась представителями великодержавного шовинизма как «украинофильство»[69].

Так обнаруживается еще одно противоречие в отношении Шахматова к национальному вопросу — противоречие между известной частью его научных высказываний и его общественными выступлениями. Все эти противоречия он пытался примирить, предостерегая от «каких-либо практических выводов из... научного положения» (имеется в виду тезис единства русского языка)[70], указывая, что право украинского языка «на самостоятельное развитие» и «законность его употребления в литературе и публицистике» не нуждаются в отрицании единства («исконного единства») русского языка (там же, стр. 11—12), и подобными оговорками только подчеркивая несостоятельность теории.

В итоге, мы должны констатировать, что по вопросу об отношении русского языка к ближайше родственным языкам — украинскому и белорусскому — Шахматов не сумел пробить сколько-нибудь значительную брешь в традициях сравнительной грамматики; между тем в политических условиях царской России, при известном истолкова-

---

[65] См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, М. 1907, стр. 2.

[66] Шахматов в ранних работах принимал эту гипотезу — правда, с существенными оговорками. Впервые он выступил против нее в статье «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» («Журнал Министерства народного просвещения», 1899, апрель). Наиболее развернутую критику «галицко-волынской» теории он дал в «Кратком очерке истории малорусского (украинского) языка», стр. 687—688.

[67] Напечатана дважды Академией наук — в 1905 и 1910 гг.

[68] Вышла в 1914—1916 гг. под заглавием «Украинский народ в его прошлом и настоящем».

[69] См. статью Л. Волкова «Два академика» (о Шахматове и Корше) в черносотенной газете «Московские ведомости» от 8 мая 1915 г.

[70] «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

нии, эти традиции, независимо от намерений представлявших их ученых, служили опорой для официального великодержавного шовинизма. Полная противоречий, шахматовская концепция единства русского языка, смешивающая правильные установки и вполне обоснованные гипотезы с явными ошибками и пытающаяся примирить взаимно исключающие суждения в обставленной оговорками формулировке, советской наукой, призванной служить «расцвету национальных культур и языков» (И. В. Сталин)[71], решительно отвергается как несоответствующая действительности.

11.

В предыдущей главе мы выяснили, какое содержание влагал Шахматов в понятие «русский язык». Теперь попробуем установить, как он интерпретировал понятие «русский литературный язык».

Русский литературный язык — это «перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»[72]. Такова традиционная схема происхождения и развития русского литературного языка, которую Шахматов развил и облек в яркие формулы. Существенным фактором образования на церковнославянской основе русского литературного языка явилась близость древнеболгарского языка к языку русскому: «вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка»[73]. Так протекает процесс «демократизации книжного языка», «приобщения к книжному языку все более широких общественных кругов» путем «употребления книжного языка в живой речи»[74] и, конечно, его секуляризации, эмансипации от церковного употребления[75]. Этот процесс ассимиляции церковнославянского языка протекал «сначала на юге, в Киеве, потом на северо-востоке, в Москве, где он в сильной степени приблизился... к наречию города Москвы»[76]. «Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную

---

[71] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, Партиздат ЦК ВКП(б), 1934, стр. 427.

[72] «Очерк современного русского литературного языка», стр. 8.

[73] «Очерк», стр. 9.

[74] «Очерк», стр. 19.

[75] Ср. приведенное выше замечание Шахматова о борьбе духовенства за чистоту церковного языка. С иронией он говорит о борьбе церковной среды с аканьем — с «мужичьим произношением», о «гордыне», с которой вступила церковная речь на русскую почву («Курс истории русского языка», ч. I, стр. 202—203). И с той же иронией он оценивает результаты реформы церковного языка, проведенной в XIV—XV вв.: «Реформаторы упустили из виду, что реформа письма не есть реформа языка», — замечает он (там же, стр. 206).

[76] «Очерк», стр. 20. Ошибочно напечатано: «к наречиям города Москвы».

природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южнорусcизмы, украинизмы)» (там же).

В этой схеме обращает на себя внимание чрезвычайная сложность состава русского литературного языка, вызванная многократными, разнообразными[77] и длительными процессами схождения родственных языков и диалектов; эта сложность усугубляется еще и тем, что само московское наречие является смешанным: оно представляет собой результат схождения северноруcской и восточнорусской отраслей русского племени, к XIV в. перегруппировавшихся в ветви «южновеликорусскую» и «северновеликорусскую»[78].

Шахматовской схеме происхождения и развития русского литературного языка в недавнее время противопоставлено другое построение, согласно которому «русский литературный язык старшей формации был чужд каких бы то ни было воздействий болгарско-византийской культуры» и стоял под влиянием культуры германской и западно-славянской; «первоначально взрощенный на севере [в Новгороде], он лишь впоследствии подвергся сильному воздействию южной, болгарско-византийской культуры. Оболгарение русского литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший с веками crescendo»[79].

В этой концепции представляется мало убедительной не столько единичность памятника, на который она опирается («Русская правда»), сколько гипотеза о существовании уже в XI в. «культуры русского письменного слова»[80]. Откуда могла появиться на севере эта «старшей формации», самобытная светская культура русского письма, когда славянская азбука, составленная для культовых и религиозно-просветительных целей, применительно к звуковой системе древнеболгарского языка, пришла на Русь из Болгарии (стало быть, через Киев) и едва ли не облеченная в форму богослужебных книг? Можно допустить, что наряду с киевской церковнославянской письменностью на севере (а может быть, также и на юге, в качестве письменной формы постулированного Шахматовым «языка господствующих классов Киева») развивалась светская письменность делового содержания на более или менее чистом русском языке. Но 1) трудно поверить, чтобы она могла быть старше письменности церковнославянской, и 2) у нас нет решительно никаких данных предполагать, что применение ее вы-

---

[77] Разнообразие этих процессов сказывается в том, что здесь имели место как племенные схождения и соприкосновения, так и чисто культурные, осуществлявшиеся при посредстве письменности.

[78] См. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 18; подробнее — в «Введении в курс истории русского языка», стр. 110—122.

[79] С. П. Обнорский, Русская правда, как памятник русского литературного языка («Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук», 1934, № 10, стр. 776). Сжатое и фрагментарное изложение этой концепции см. в примечании редактора на стр. 11 предлежащего издания «Очерка» Шахматова. Эта схема прямо противоположна традиционной, разделяемой Шахматовым, который, в частности, полагал, что «книжным языком той эпохи, языком, общим и для Киева, и для Ростова, и для Новгорода, и для Галича, был вывезенный вместе с книгами из Болгарии церковнославянский язык» («Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 981).

[80] Обнорский, Русская правда, как памятник русского литературного языка, стр. 774.

ходило за пределы документов утилитарного характера. Традиционная схема пока остается неопровергнутой [81].

12.

В заключение этой статьи — несколько частных замечаний, относящихся непосредственно к «Очерку современного русского литературного языка».

«Очерк» представляет собой воспроизведение курса, читанного автором в Петербургском университете в 1911/12 учебном году (Шахматов имел обыкновение все читавшиеся им курсы предварительно писать целиком) и в 1913 г. изданного студенческим издательским комитетом литографским путем [82]. Позже автор предполагал переработать «Очерк» для печатного издания, но не успел выполнить эту работу. Предложение Гиза напечатать книгу без переработки (в 1918 г.) он отклонил.

В связи с назначением этого труда — служить университетским курсом, умещающимся в рамки учебного года, стоит его компактность и доступность изложения. Объем курса — вопрос о происхождении и составе современного русского литературного языка (вводная глава и главы I—IV), фонетика (главы V—X) и словоизменение с обзором грамматических категорий (главы XI—XVII). Лексикология освещается только в связи с вопросами, рассматриваемыми в первых главах, словообразование также затрагивается только попутно; неизменяемые части речи не рассматриваются вовсе; синтаксис не входит в состав курса и подробно разработан автором позже, в особом труде.

Общие методологические особенности «Очерка», равно как и представленная в нем концепция образования русского литературного языка, в достаточной мере охарактеризованы в предшествующих главах этой статьи. Здесь остается сказать о частностях.

Вопрос о церковнославянских элементах в современном русском литературном языке разработан Шахматовым преимущественно со стороны фонетических признаков. Впоследствии его ученики В. В. Виноградов и С. П. Обнорский значительно дополнили методику установления церковнославянизмов [83].

Учение о звуковом составе русского литературного языка (глава VI), опирающееся в конечном счете на несколько уже устаревшие фонетические концепции английского лингвиста Суита, в разделе гласных отличается чрезмерной усложненностью. 22 гласных полного об-

---

[81] Основательная, хотя и очень сжатая критика концепции С. П. Обнорского дана в обзоре литературы, напечатанном в «Revue des Études Slaves», т. XV, 1935, стр. 245—246.

[82] Первое печатное издание «Очерка» было выпущено Ленгизом в 1925 г. в связи с празднованием двухсотлетия Академии наук СССР; вторым изданием «Очерк» выпущен Гизом в 1930 г. Предлежащее 3-е издание, как и два предыдущих, печатается по рукописи автора, хранящейся в архиве Академии наук и числящейся в архиве А. А. Шахматова под № 24, и отредактировано проф. С. П. Обнорским.

[83] См. статьи В. В. Виноградова и С. П. Обнорского в сборнике «Русская речь», новая серия, I, Лг. 1927, а также книгу Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», М. 1934.

разования (стр. 54—55) могли бы быть сведены к значительно меньшему количеству, если бы автор воздержался от различения в русском вокализме независимой от ударения напряженности и ненапряженности — различения, которое едва ли может быть эмпирически установлено. Эта загроможденность описания звукового состава исчислением множества мелких оттенков, сопоставленных в качестве равноправных величин, лишний раз доказывает, что единственным целесообразным методом описания звукового состава того или иного языка является метод фонологический, опирающийся на различение фонем как комплексов произносительно-слуховых признаков, служащих для диференцирования слов, и, с другой стороны, вариантов фонем, как конкретных произносительно-слуховых образований в данных комбинаторных условиях. Впрочем, ставить Шахматову в вину отсутствие в его фонетике фонологического принципа отнюдь не приходится: мы и до сих пор не располагаем сколько-нибудь обстоятельным фонологическим изложением русской фонетики; вместе с тем, теория фонемы в ту пору, когда Шахматов читал свой курс, как и в продолжение последующих 10—12 лет, существовала только в психологистической интерпретации творца этой теории Бодуэна-де-Куртенэ и его школы; между тем Шахматов, в известном противоречии со свойственным ему психологизмом в общих взглядах на язык, в область фонетики психологизма не допускал: об этом свидетельствует, между прочим, цитированное выше его возражение против метода бодуэновской школы в связи с вопросом о чередованиях.

Рассматривая современный русский литературный язык как московское наречие, Шахматов, естественно, описывает в качестве литературного произношения произношение Москвы. Единство этого произношения расшатывалось уже давно, однако до революции старое, более или менее единообразное произношение московской интеллигенции и московской сцены еще могло играть роль идеальной нормы. В связи с глубокими социальными сдвигами нашей эпохи эта норма пала. Сейчас в области произношения приходится говорить не столько о нормах, сколько о более или менее явственных тенденциях перестройки [84]. Тем не менее, главы «Очерка», посвященные «звуковым законам» русского литературного языка (VII—X), представляют значительную ценность: они содержат чрезвычайно точную, полную и в то же время сжатую характеристику старого московского произношения, от которого нам и сейчас приходится отталкиваться при наблюдениях над нарождающимися нормами и при описании орфоэпических изменений, происходящих в наши дни [85].

Остальная часть книги посвящена морфологии. Особенностью ее плана является обзор грамматических категорий в главах о суще-

[84] См. по этому вопросу ряд статей в журнале «Говорит СССР» за 1936 г.: в № 1 (С. И. Бернштейн), в № 3 (Л. В. Щерба) и в № 6 (Р. И. Аванесов); первые две статьи, в переработке, напечатаны также в журнале «Русский язык в школе», 1936, № 5.

[85] Дополнением и иллюстрацией к изложению фонетики в «Очерке» может служить составленная Шахматовым фонетическая транскрипция русского литературного текста, напечатанная в книге О. Брока «Очерк физиологии славянской речи» («Энциклопедия славянской филологии», вып. 5_2), СПБ 1910, стр. 257—258.

ствительном и глаголе. Совершенно отрешаясь от традиций школьной грамматики, Шахматов, на основании признаков словообразования и словоизменения, подмечаемых с исключительной тонкостью, устанавливает в существительном такие категории, как «лицо и не лицо», «отвлеченность и конкретность», «единичность и множественность», «вещественность» и т. п. Немало ценных наблюдений содержит и учение о категориях глагола, которое, впрочем, обнаруживает известную зависимость от работ Фортунатова [86]. Особо следует здесь отметить указания на соотносительность в системе видовых категорий и в системе категорий залоговых. Однако все это — только первый набросок того учения о грамматических категориях, которое, в значительно более полной и усложненной форме, с существенными изменениями и уже вполне самостоятельно, Шахматов развил позже, в связи с классификацией частей речи, во втором выпуске «Синтаксиса».

В учении о словоизменении не хватает степеней сравнения как прилагательных, так и наречий; последние вовсе не фигурируют в «Очерке» наряду с совершенно неизменяемыми частями речи. Отсутствие неизменяемых частей речи, может быть, свидетельствует о том, что в пору составления «Очерка» Шахматов еще не освободился от фортунатовского принципа «морфологической классификации» частей речи (по формам словоизменения) и различения «грамматических» и «неграмматических» слов [87]. Однако прямых указаний на склонность автора к грамматическому формализму в «Очерке» не содержится.

Изложенное в этом труде учение о склонении и спряжении отличается редкой систематичностью и полнотой. Здесь сказалось изумительное умение Шахматова охватывать всю совокупность подлежащих изучению фактов, не оставляя необъясненных исключений [88]. В связи с четкостью классификации и сжатостью изложения, эта особенность сообщает «Очерку» сугубую ценность в качестве учебника и с избытком искупает пробелы в его плане.

Предшествующие страницы показали, что, пользуясь «Очерком», читатель должен постоянно иметь в виду его недостатки: предпосылку единства русского языка, тезис о фиктивности национальных языков, психологизм, смешение «описательного» изложения с историческим. Помня об ошибочности этих взглядов Шахматова, студент-словесник извлечет из «Очерка» не только обширную сумму знаний о современном русском литературном языке, но также и навыки на-

[86] См. Фортунатов, Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» (напечатан в «Отчете о присуждении ломоносовской премии в 1895 г.», помещенном в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 64, № 11, СПБ 1897); «О залогах русского глагола» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IV, 1899 г., кн. 4, и «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 77, № 1, СПБ 1899, стр. 34—39).

[87] О резко отрицательном отношении Шахматова к этому учению Фортунатова в период «Синтаксиса» (последний период деятельности Шахматова) см. мою статью в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV, стр. 221—222, 225, и в самом «Синтаксисе», введение ко второму выпуску.

[88] Об этой особенности научного творчества Шахматова см. статью Л. В. Щербы в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук».

блюдения над грамматической системой в ее динамике. В то же время изучение этой книги в известной мере облегчит ему ознакомление с синтактической концепцией Шахматова, принципы которой, освобожденные от психологистической оболочки, положены в основу программы пединститутов по русскому синтаксису.

Сергей Бернштейн.

N. B. По техническим причинам основной текст книги начинается со стр. 7-й.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. [1]

Предметом наших занятий будет обозрение звуков и форм современного нам русского литературного языка, т. е. того самого языка, который образованные русские люди употребляют и в разговорной и в письменной своей речи. Для удобства изложения, а также во избежание обширных подготовительных работ, я сосредоточу свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления. Такое самоограничение может представить и известный интерес с точки зрения методологических требований; реальное бытье имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; между тем число этих индивидуумов представляется неопределенным, исчерпывающее изучение их языка невозможным. Впрочем, я не считаю себя обязанным ограничивать себя фактами индивидуального моего языка; буду приводить и другие известные мне из наблюдения данные, но всякий раз отмечу, чужды ли эти данные моему произношению или словоупотреблению или нет. Изложение сообщаемых мною фактов будет почти исключительно описательным. Описательному изложению противополагается объяснительное, а всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка; историческое объяснение большей части явлений современного русского языка не может ограничиваться данными, представляемыми письменными памятниками с XI в., оно должно пользоваться фактами старших эпох, восстановляемыми путем сравнительного изучения русских наречий, и даже еще более отдаленными данными, извлекаемыми как из сравнения между собою

---

[1] Обозначение настоящей вводной главы отсутствует в рукописи. (Ред.)

славянских наречий, так и из сопоставления фактов славянских языков с фактами других индоевропейских языков. Так, например, современное русское ударение, его колебания в пределах тех или иных грамматических категорий, а также в говоре отдельных индивидуумов, может быть объяснено только путем сравнительно-исторического изучения ударений славянских и прочих индоевропейских языков. Описательное изложение фактов языка дает полезный и необходимый материал для объяснительного исторического их изложения; оно по самой задаче своей охватывает факты языка шире и полнее, чем то изложение, которое с самого начала ставит себе целью выяснить обобщающие моменты в исследуемых явлениях и потому оставляет в тени единичные, не поддающиеся обобщению и объяснению факты. Но для того чтобы быть научным, описательное изложение всякого языка должно опираться и на данные, добытые историей языка; без этого описание будет односторонним и случайным; оно может не заметить тесной связи между теми или другими явлениями современного языка и не обобщит того, что должно быть обобщаемо в виду указаний истории; поэтому считаю необходимым внести и в свое описание некоторый исторический элемент, а именно хотя бы простое сопоставление фактов современного языка с фактами старших эпох, которые оказываются иногда засвидетельствованными даже находящимися во вседневном распоряжении нашем фактами нашего правописания, до сих пор сохранившего свой исторический характер.

Равным образом мне необходимо предпослать моему изложению несколько общих указаний на происхождение и историю нашего литературного языка; не выяснив входящих в состав его элементов, я рисковал бы запутать свое описание, затемнить его, между тем как прямая цель моя осветить явления современного литературного языка в их целом путем подробного их описания.

Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил. Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие. Употребление в качестве письменного языка чуждого, не народного языка видим в разных местах и в различные эпохи жизни человечества; укажем хотя бы на средневековую Европу, письменным языком которой как в романских, так и во всех германских странах была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорным языком в извест-

ных слоях образованного общества и в духовенстве, хотя и обогащалась, искажаясь вместе с тем так называемыми варваризмами, не могла преобразиться в чуждый язык воспринявшей ее страны; вследствие этого в результате процесса индивидуализации общеевропейской культуры в различных местностях средневековой Европы на место латыни выступают постепенно, и притом в сравнительно недавнее время, местные, туземные языки; принимая функцию делового или литературного языка, эти языки пропитываются влиянием своего предшественника — латыни, накладывающей свою печать не только на словоупотреблении, но и на словообразовании и даже словоизменении, но в основании своем эти языки народные. Другой процесс лежит в основании образования романских языков: вульгарная латынь усваивалась народными массами (преимущественно кельтами) и вытесняла их, исконно им свойственный, язык. С церковнославянским языком в России дело обстояло иначе. По своей близости к русскому он никогда не был так чужд народу, как была чужда особенно германцам латынь; вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка. Так, например, с большою уверенностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарские систематически произносились на Руси как неносовые (*у*, *а*, *ѣ*), ибо нет почти церковнославянских текстов, переписанных русскими людьми, где было бы хоть сколько-нибудь выдержано употребление юсов.[1] Равным образом чуждые русскому языку слоговые *р* и *л* (изображавшиеся в древнеболгарских памятниках как ръ, рь, лъ, ль, где — говорю о древнейших — ъ и ь могли обозначать неслоговые звуки, следовавшие за слоговыми плавными) передавались в русском произношении или соответствующими русскими звуками ър, ьр, ъл, или искусственными сочетаниями, содержащими, однако, русские элементы ъръ, ьрь, ълъ (церковнослав. млъва, пльнъ, гръдъ, врьба передавались или соответствующими русскими словами мълва, пълнъ, гърдъ, вьрба или искусственным произношением: мълъва, пълънъ, гъръдъ, вьрьба). То же скажем о передаче церковнославянского ѣ, звучавшего в древнеболгарском как *ä*: русские люди заменяли его или своим звуком, дифтонгом іе (изображавшимся поэтому на письме буквой ѣ), или другим своим звуком, звуком е, более близким к древнеболгарскому *ä* (церковнослав. колѣбати, срѣда передавалось или через колѣбати, срѣда, или, что наступало почти

---

[1] Так уже в Остромировом ев. 1055—1056 г. пишется: глаголюще вместо глаголѧще, игемонѫ вм. игемону, змиꙗ вин. мн. вместо змиѩ, и т. д.

необходимо при отсутствии тождественного по звуку своего слова, через колебати, среда). Памятники XI в., т. е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело, утратило чуждый русскому слуху характер; русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания. Можно было бы думать, что церковнославянский язык дошел до русских только путем книжным и усваивался ими только из книг; но некоторые данные свидетельствуют, что первыми нашими учителями были живые носители болгарского языка, сами болгары (ср. сделанные выше замечания относительно передачи древнеболгарских *ä*, а также слоговых *р*, *л*); однако это первоначальное учительство не возобновлялось в первые века русской письменности: Болгария не переставала снабжать нас книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русских попов и дьяконов, которая, по свидетельству летописи, была создана еще при Владимире Святом.[1] Впоследствии, но уже гораздо позже, наступили иные условия, при которых Русь, и не только Юго-западная, но также и Северо-восточная, стала принимать к себе и выходцев из болгарских земель, которые становились ее просветителями и духовными руководителями; им удалось в сильной степени обновить южнославянские элементы в книжном русском языке, уже значительно приблизившемся к народному; обновление шло через посредство церковного языка, на котором прежде всего отразилась новая южнославянская струя. Видоизмененный таким образом книжный язык должен был вновь проделать то, что в старший период уже было в значительной степени достигнуто в смысле приближения к живому языку народному. Обновление церковнославянского языка на Руси и новый фазис в развитии русского книжного языка наступили, однако, не раньше конца XIV в., когда главные центры просвещения, как и самая митрополичья кафедра, оказались уже перенесенными из Юго-западной Руси в Северо-восточную. Не могу проследить здесь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладения книжным языком, для вторжения в ставшую запретною область духовного просвещения и церковного учительства; создание делового, приказного языка, наиболее доступного влиянию языка окружающей среды, в сильной степени облегчило победу идее о слиянии книжного языка с народным. Но окончательное торжество этой идеи увидел только

---

[1] Ср. под 988 годом: (Владимир) «пославъ нача поимати ѹ нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ѹченье книжное».

XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой инославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимствования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя исконные элементы, русские слова, русские формы и звуки. [1]

Если искать сравнения истории образования русского книжного языка с историей образования других книжных языков, то ближайшую аналогию найдем, как кажется, в истории английского языка: она представляет постепенное проникновение французского, франко-романского основания, перенесенного с континента норманскими завоевателями Англии, элементами народными — англосаксонскими.

Таким образом, первой и существенной задачей при анализе современного русского литературного языка, из языка книжного превратившегося в разговорный язык как образованных классов, так и приобщающихся к образованию народных масс, является определить церковнославянские элементы, сохранившиеся в этом языке. Эти элементы в настоящее время окружены русской стихией. Но, как указано, русская стихия пробивалась в книжный язык постепенно и неравномерно: прежде всего в книжный язык, уже в XI в. бывший разговорным языком духовенства и книжно-образованных классов (вспомним, например, язык, на котором Владимир Мономах написал свое поучение и свою летопись, приложенную к поучению), вторглись элементы южнорусские, украинские, ибо Киев — центр тогдашней образован-

---

[1] Изложенная концепция А. А. Шахматова по вопросу соотношения русского и церковнославянского напластований в нашем литературном языке с точки зрения их генезиса может быть оспариваема. Наличность русских, оригинальных по своему сложению, памятников старшей поры в роде Русской Правды, с полным почти отсутствием церковнославянизмов, позволяет предполагать существование на Руси в качестве литературного языка старшей формации — языка именно русского по совокупности своих фонетических, морфологических, синтаксических и лексических признаков. Этот язык был во всяком случае чужд воздействию на него болгарско-византийской культуры; в нем, с другой стороны, могли бы быть обозначены следы западной (германской) культуры, может быть, и течения, направлявшиеся из западного славянства. Оболгарение, или, что то же, овизантинение русской культуры, в частности проникновение болгарских элементов в русский литературный язык, были явлениями характера исторических напластований в общей истории развития русского литературного языка. Ср. незначительные рамки воздействия церковнославянского языка на русский язык в первые века русской письменности и дальнейшее усиление этого воздействия, особенно мощно охватившего наш язык в период XIV, XV, XVI веков. (Ред.)

пости — находился в южнорусской, украинской этнографической среде. Эти древнейшие русские элементы с течением времени стерлись, уступив место другим в Руси Северо-восточной, но некоторые из них устояли и до нашего времени: мы увидим ниже, что произношение *бох — боγа* (с фрикативным γ, чуждым и древнеболгарскому и северно-русскому языку, от которого московское наречие заимствовало свой консонантизм) ведет нас к той южнорусской среде, где впервые укрепил свое существование наш церковнославянский язык, причем представляется вероятным, что звук γ заменил мгновенное *г* вообще во всех словах в русском произношении церковнославянских слов. Таким образом, второй задачей, нам предстоящей, будет определение тех южнорусских (украинских) элементов, которые сохранились в нашем книжном языке при переходе его из Киева в новые центры Руси Северо-восточной.

Перенос церковного управления, переход руководительства в области духовной от Киева сначала во Владимир, а потом в Москву, почти совпал по времени с великим и сложным процессом, совершавшимся в бассейне Оки и верхнего течения Волги. Здесь столкнулись два больших русских племени: одно из них, севернорусское, проникло сюда в результате колонизационного движения с запада и северо-запада; повидимому, оно застало здесь не одних финнов (Мерю), но также и славянские поселения, более или менее прочно осевшие по левому побережью верхнего и среднего течения Оки и по верхнему течению Волги; поселения эти принадлежали ляшскому племени, направившему сильную колонизационную струю в северное Поднепровье еще в то время, когда все русское племя сидело южнее в среднем, частью южном, Поднепровье и в Поднестровье; превосходившие ляхов своей культурой, питавшеюся великим путем из варяг в греки, севернорусы покорили их себе и утвердились по крайней мере в верхнем Поволжье, проникая, однако, и в приокские области; вероятно, поволжские и приокские ляхи были бы с течением времени все вообще ассимилированы севернорусам, если бы с юга, из Рязани, не пошло встречное движение другого русского племени — восточнорусского. Восточнорусы, как можно предполагать, главным образом в виду наличности многочисленных данных, свидетельствующих о значительных русских поселениях на берегу Дона и Азовского моря в период IX—XI вв., попали на Оку в результате движения своего к северу, к которому их вынудили события, разыгравшиеся в X—XI веке в южной России: здесь, в особенности в восточной ее части, произошла смена властителей, хозяев: место культурных, мирно настроенных к покоренным племенам хазар заняли сначала печенеги, воспользовавшиеся теми тяжкими ударами, которые нанес хазарам киевский князь Святослав, а потом

могущественные половцы. Земледельческое и культурное население из донских и приазовских степей потянулось в более безопасные местности к северу по Дону и его притокам. Широкой волной нахлынули восточнорусы, которых в Киеве называли вятичами, и на северо-запад и на северо-восток, в местности, уже захваченные другими русскими племенами (южнорусами и севернорусами). На северо-востоке произошла встреча восточнорусов с севернорусами. Ряд культурно-исторических причин, среди которых видное значение принадлежит и государственному началу, заложенному еще в Южной Руси, но проникшему отсюда и во все земли, занятые русским племенем, ряд причин служит объяснением, почему встретившиеся в Поволжье и Поочье севернорусы и восточнорусы были вынуждены к мирному сожительству. Татарское нашествие, отодвинувшее на задний план племенные интересы, местные раздоры и укрепившее как в населении, так и в правящих классах национальное, в особенности же религиозное самосознание, послужило одним из наиболее могущественных факторов при организации и развитии того сожительства, в которое вступили севернорусы и восточнорусы. Следуя инстинктивным стремлениям народных масс, князья Северо-восточной Руси начинают собирание земель. Благоприятное географическое положение Москвы на самой границе севернорусского и восточнорусского племени, на пути из Юго-западной Руси во Владимир, выдвигает ее значение среди других уделов семейства Всеволода Юрьевича, первого собирателя русских земель северо-востока (вспомним его походы на Рязань и удачную политику в отношении к Новгороду). Москва с XIV в. становится не только наиболее видным политическим центром, но также и средоточием церковной жизни, следовательно, и духовно-просветительных интересов. Здесь вокруг великого князя, с одной стороны, митрополита — с другой, группируются книжные и образованные люди: церковнославянский язык находит себе в Москве новый базис и новое поприще для своего развития; новая среда благоприятствует и тому обновлению, которое внесли в конце XIV в. в язык церкви прибывшие в Северо-восточную Русь болгарские и сербские выходцы; редкий слой образованного общества не может оказаться помехой новой южнославянской струе, задержать ее успех и развитие. Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом обличии можно было только не надолго; в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облекающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической среде принадлежали те элементы, которые легли в основание приказ-

ного языка и пробились в книжный церковнославянский язык? Несомненно, что мы имеем перед собой прежде всего и главным образом влияние языка самого города Москвы. Действительно, и между современным языком образованных классов и языком московского простонародья, в особенности в области произношения, различие незначительно. Но совершенно ясно, что жители больших центров, в особенности при их возникновении, при начале их роста, не могут представляться устойчивой и вполне определенной этнографической единицей; большие центры возникают именно вследствие сосредоточения разноместных по происхождению, разнообразных по составу этнографических элементов, объединяющихся новыми возникшими в этих центрах торговыми, культурными, политическими интересами. Все эти элементы приносят в привлекший их к себе центр свой язык, свое наречие; только продолжительное сожительство может повести за собой сближение жителей на почве общего языка, создавшегося в результате смешения, продолжительного и последовательного, различных говоров и наречий. Создается так называемая κοινή, язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния этого центра. Распространение κοινή происходит при этом через единицы, однородные с теми, в которых она сама возникла, т. е. не через села и деревни, а через города и значительные местечки; местные говоры сельского населения могут сохранять свое древнее обличье в ближайшем соседстве города, создавшего κοινή, а между тем κοινή проникает в отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единством культурных или политических интересов. Жители Москвы при начале ее роста принадлежали к разным русским племенам: возможно, что, кроме севернорусов и восточнорусов, здесь были даже южнорусы, в лице дружинников князей, боярской челяди, торговцев и духовенства; но южнорусы потонули в массе севернорусского и восточнорусского населения, постоянно и неудержимо приливавшего из ближайших к Москве, соседних с нею, местностей; на юге и западе от нее в непосредственном соседстве с городом начинались восточнорусские поселения, на севере и востоке — севернорусские. Ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка, создать κοινή; в Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие: это видно из московских памятников: большинство их в XIV столетии не обнаруживает восточнорусских черт; объясняется такое явление тем, что московская культурная жизнь преемственно была связана с севернорус-

скими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других старших городов Северо-восточной Руси. Между тем чернь в значительнейшей части была восточнорусская, что можно заключать из того, что восточнорусы по сравнению с севернорусами были менее устойчивым, менее оседлым населением; восточнорусы в великом смятении доставали себе земли и места жительства, в то время когда севернорусы в постепенном колонизационном своем движении прочно осели в Поволжье и Поочье. Возможно, что влияние восточнорусской среды на севернорусское население Москвы сказалось очень рано; между прочим именно этому влиянию естественно приписать отсутствие смешения *ч* и *ц* в древнейших московских памятниках; смешение *ч* и *ц*, мне кажется, было чертой общей всему севернорусскому наречию; но она легче, чем всякие другие диалектические особенности, устраняется при встрече севернорусских говоров с другими; этим объясняется то значительное число местностей в севернорусской территории, где смешение *ч* и *ц* неизвестно; по большей части — это торговые селения или селения, лежащие на трактах, иногда уже в настоящее время оставленных, запущенных; общение с пришлым населением, шедшим снизу, с южнорусами, восточнорусами, москвичами, имело следствием утрату диалектической черты, самой по себе неустойчивой, ибо рядом со смешением *ч* и *ц* севернорусские говоры представляли замену *ч* и *ц* одним общим звуком (шепелявым *ц*), или допускали полное вытеснение *ч* через *ц*, а также обратное. Любопытным примером утраты смешения *ч* и *ц* в севернорусских говорах могут служить архангельские и холмогорские говоры; памятники XV и XVI вв. свидетельствуют о том, что в то время смешение их было им не чуждо; отсутствие смешения в настоящее время легче всего объяснить влиянием московского говора, распространявшегося в течение веков по тракту, соединявшему Архангельск с великорусскою столицей. Позже этого частичного влияния одного из говоров, принадлежавших московским жителям, на другой произошло слияние обоих говоров в одно стройное целое. Исследователь московской койнѣ лишен возможности, анализируя это цельное в звуковом отношении наречие, определить, который из двух встретившихся в Москве русских говоров лежит в основании его и который внес в это основание свои наносные особенности, — так тесно срослись оба говора, так прочна создавшаяся амальгама. Выясняется, однако, что в московском наречии вокализм, система гласных, по преимуществу восточнорусский, между тем как консонантизм, система согласных, по преимуществу севернорусский. Действительно, в московском наречии находим звук *г* мгновенный, свойственный севернорусам, между тем как восточнорусы заменили

его через γ фрикативное; в окончании род. ед. по-севернорусски[1] являются *-во* (*-ово*), между тем как в восточнорусском *-γо* (*-оγо*); *т* в окончании 3-го лица ед. и мн. твердо, между тем в восточнорусском оно мягко; *в* в конце слога, в противоположность большинству восточнорусских говоров (за исключением, однако, рязанских), не произносится как *ў* и подвергается переходу в *ф* в конце слова и перед глухими согласными, что также обычно большинству севернорусских говоров. Зато гласные *а, о, е* в неударяемых слогах подвержены тем же изменениям, что в восточнорусском: они обращаются в гласные неполного образования, задние или передние (вместо *а, о* после твердых согласных звук заднего ряда, который условно передадим буквою *α*, вместо *а, о* после мягких согласных, а также вместо *е* — звук переднего ряда, который условно передадим буквою ε), причем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, *α* переходит в *а* полного образования, как в рязанских и прочих восточнорусских говорах: *галавá, гóлаву, старики, старуха, сарóка*, а ε изменяется в звук *ė* (звук среднего ряда полного образования) или в *і*: *вėснá, сėлó, рėкá, плėсат', вεсėлá* или *виснá, силó, рикá, плисат', вεсилá*; на месте конечного неударяемого *ѣ*, как в большинстве восточнорусских говоров, является *і*, под влиянием грамматической аналогии (со стороны ударяемых окончаний) заменяемое через ε: *в городи, ф поли* и *в городε, ф полε*. Приведенные данные, противоположение вокализма консонантизму, наводят на мысль, что остов и основание московского наречия могут быть признаны севернорусскими; московский вокализм стоит в прямой связи с ударением и определяемым последним складом речи; можно думать, что ударение и распределение экспираторной (выдыхательной) силы в произношении заимствованы московским наречием от восточнорусов; подобное влияние ударения одного говора на другой — явление часто повторяющееся; не выходя из пределов севернорусского наречия, можно указать ряд говоров Владимирской и Ярославской губерний, заимствовавших ударение и распределение экспираторной силы в речи из московского наречия. Результатами такого заимствования является и заметное изменение в вокализме, приближающемся к вокализму акающих говоров; так, вместо *о, а, е* в слогах не предударных оказываются гласные неполного образования *α*, ε, причем *α* и ε в конечном открытом (неударяемом) слоге склонны к переходу в *а* полного образования (ср. произношение *старикá, старонá, стóрану, дóбрава, слипóва* в подобных говорах). Возможно поэтому, что и московский вокализм, ослабление гласных *а, о, е* в слогах

[1] В рукописи, очевидно, описочно — «по-северновеликорусски» вм. «по-севернорусски». (Ред.)

неударяемых, замена гласной *а* через *а* в слоге предударном было последствием проникшей в севернорусский говор восточнорусской системы ударения и распределения экспираторной силы. Короче, находим основание утверждать, что в основании московского наречия лежит севернорусский говор и что он подвергся влиянию восточнорусского говора, встретившегося с ним в Москве. Думаю, что такое предположение подтверждается и характерными для Москвы особенностями акания: ни в одном восточнорусском говоре не выдерживается так стройно противоположение в слоге предударном гласных *а*, *о* после твердых согласных (на месте их в Москве гласная *а* полного образования) и тех же гласных после мягких согласных (на месте их гласные *е* или *і* полного образования); не доказывает ли это, что севернорусский говор, лежащий в основании московского, превратил *а* и *о* после мягких согласных в *е*, подобно многим другим севернорусским говорам, где слова *село, сестра, плясат', запятая* произносятся как *село́, сестра́, плеса́т', запетая́* в противоположность господствующему в севернорусском произношению: *сёло́, сёстра́, пляса́т', запята́я*. Переход *о*, *а* в *е* после мягких согласных явился в результате не экспираторного ослабления неударяемой гласной, а в результате влияния на нее палатальной согласной, влияния, которому в севернорусских говорах подвергается и ударяемая гласная, в особенности стоящая между двумя палатальными согласными: ср. распространенное на севере произношение как *зеть, мечик, валеть, кричеть*. Наше предположение согласуется и с тем, как мы представляем себе зарождение κοινή в Москве. В этом новом центре верховодили сначала северноруссы, выходцы из культурных центров, городов Северо-восточной Руси, заселенных северноруссами; но эти более культурные элементы должны были неминуемо подвергнуться влиянию народных масс, говоривших по-восточнорусски. Бывши по происхождению своему севернорусским говором и оставаясь таковым, московское наречие с течением времени восприняло существенные черты восточнорусского вокализма. Высказанное предположение находит себе подтверждение еще в некоторых позднейших явлениях в истории московского наречия. Язык Москвы XVIII в., насколько он нам известен из литературных произведений и из грамматических указаний, в сравнительной степени прилагательных употреблял окончания *-ле, яя*, свойственное севернорусским говорам: *скоряе, беляе, умняе* (ср. такое произношение, напр., в современных ярославских говорах); но в XIX в. это окончание вытеснено окончанием *-ей* (*-ьй*); это объясняется тем, что восточнорусские говоры совсем не знают окончания *-ле*; их растущее влияние устранило из московского наречия чуждую им черту.

В заключение сделанного мною отступления относительно москов-

ского наречия, его состава и происхождения отмечу, что оно оказывается одним из наиболее видных и определенных результатов того этнографического явления, которое характеризуется понятием великорусский (великорусское племя, великорусская культура, великорусское государство); сложное явление это было результатом совместного действия двух этнографических факторов и двух культур — севернорусской и восточнорусской. Оба соответствующие племени, продолжая различаться на окраинах, в центре сблизились между собой и составили одно целое; из этого центра распространились ассимилирующие влияния, приведшие между прочим к тому, что севернорусская и восточнорусская языковые территории составили части одной общей языковой территории — великорусской; в области грамматических форм в особенности, но также и в области звуков, оказываются на пространстве всей этой территории общие явления, доказывающие общность диалектической жизни. Таким образом, в наше время представлению о старых исконных диалектических группах севернорусской и восточнорусской противополагается представление о группах южновеликорусской и северновеликорусской.

Московское наречие — это наречие великорусское par excellence, его нельзя причислить ни к южновеликорусским, ни к северновеликорусским говорам; это наречие великорусское par excellence между прочим и потому, что в сущности оно и послужило, если не началом и не причиной, то главным выражением того слияния в одно великорусское целое, которое стало уделом восточнорусов и севернорусов в их языке. Московское наречие не единственное великорусское наречие; таких наречий много в той широкой полосе переходных говоров, которая образовалась между северновеликорусским и южновеликорусским наречием; их много и в тех местах, куда направлялась Московским государством колонизация (напр. в среднем Поволжье); но ни одно из них не получило того выдающегося общевеликорусского, а затем и общерусского значения, какое выпало на долю наречия города Москвы.

Значение это зависело прежде всего от значения самой Москвы; образовавшимся в нем наречием стали говорить правящие классы, мелкое служебное сословие, ратные люди, получавшие вследствие политического положения Москвы влияние во всей вообще великорусской земле. Но значение московского наречия увеличилось еще и оттого, что в Москве нашел себе почву и тот книжный, церковнославянский по своему происхождению, язык, о судьбах которого мы говорили выше. Им говорили духовенство и книжные люди, на нем писалось все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями. Развитие просвещения в таком центре, как Москва, стало насущно необходимым; а между

тем каждый шаг в направлении к такому развитию вел неминуемо за собой приобщение к книжному языку все более широких общественных кругов; а это имело последствием демократизацию книжного языка, проникновение в него живых народных элементов. Московское наречие стало источником жизни для книжного языка и с течением времени всосалось в весь чужеземный его организм, подчинив его звуки и формы своим законам, обогатив его непрерывным притоком новых образований слов, синтактических оборотов, почерпаемых из самой гущи народной жизни. Московское наречие превратило книжный язык церковнославянский в близкое к себе, в существе тождественное наречие; но наречие это, в силу своего исторического прошлого, на которое наложило неизгладимые следы греко-византийская культура через посредство производной культуры — древнеболгарской, было богаче самого московского наречия, ибо заключало в себе, кроме элементов этого самого наречия, и крепкий остов языка церковнославянского. Богатство книжного языка в соединении с жизненностью, сообщенною ему московским наречием, обеспечило ему перевес не только в книжном употреблении, где он сохранил безраздельное владычество, но и в живом употреблении в качестве разговорной речи образованных классов. Сначала образованные классы говорили московским наречием, уснащенным теми или другими заимствованиями из книжного языка, но, когда книжный язык проникся сам живыми народными элементами, образованным классам не трудно было перейти к употреблению в живой речи самого книжного языка, который таким путем демократизировался и обрусевал еще более. Впрочем, различие между книжным языком и разговорным устранено было окончательно еще не скоро: усвоив себе книжный язык как разговорный, образованные классы этим самым не внесли еще единства между обоими языками; до тех пор, пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности или подражанием старым образцам или следованием авторитету учебников, построенных на произвольных обобщениях и случайном материале. В XVII в. книжный язык уклоняется в сторону под влиянием нахлынувших в Москву представителей юго-западной образованности; возможно, что и на разговорном языке образованных классов отразились в свое время те или другие новшества, проникшие в книжный язык. Только в XVIII в. благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним, такое слияние укрепляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, приобретя права книжного языка, обле-

каясь в письменную форму для выражения высоких мыслей и чувств, этим самым ограждался от подражания языку просторечия и отмежевывался от него. Старый книжный язык замер в отвергнутых и устарелых формах; его признают одно время подходящим для употребления в «высоком штиле»; но просвещение, все более демократизируясь, с одной стороны, все более отходя, с другой стороны, от церкви и церковного руководительства, приведет скоро к пренебрежению этим высоким штилем, а это будет равносильно угасанию и смерти того книжного языка, который отделился от другого, менее искусственного, более жизненного языка, усвоенного образованными классами в качестве разговорного.

Из предыдущего видно, что наш современный литературный язык, разговорный язык образованных классов, — по происхождению своему древнеболгарский язык, пересаженный в Россию в качестве церковного языка. На Руси, сначала на юге, в Киеве, потом на северо-востоке, в Москве, он подвергся обрусению, проникся живыми народными элементами и в сильной степени приблизился благодаря этому к наречию города Москвы; это обстоятельство сделало возможным и необходимым усвоение образованными классами книжного языка в качестве разговорного, что, в свою очередь, повело, во-первых, к еще большему приближению книжного языка к московскому наречию, во-вторых, к полному вытеснению разговорным языком тех остатков книжной речи, которые держались благодаря искусственному отделению литературного стиля от стиля разговорной речи. Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы). Следовательно, определив и выделив из нашего литературного языка те и другие элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (украинизмы), мы можем сосредоточить свое исследование на том современном его облике, который определяем как великорусский.

Глава I.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ.

Заманчивою представлялась бы возможность определить в церковнославянских элементах, сохранившихся в нашем литературном языке, те разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Из предыдущего видно, что южнославянское влияние возобновилось на Руси в конце XIV в., захватывая и XV в.; оно шло не только посред-

ством выходцев из Болгарии и Сербии, занявших на Руси видное положение в качестве церковных и литературных деятелей, но и путем влияния Афона, где русские люди встречались с южными славянами, где переписывались русскими монахами и богомольцами сербские и болгарские церковнославянские памятники. Таким образом, в церковнославянских элементах нашего литературного языка надо различать по крайней мере два слоя: древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в. Разумеется, более детальное исследование могло бы обнаружить еще несколько промежуточных и последующих наслоений, ибо болгарские рукописи притекали к нам и в XII и в XIII в., отражая на себе различные школы письма и языка, возникавшие и в Восточной и в Западной Болгарии, а связь русской письменности с южнославянской не прекращалась и в XVI и в XVII столетии, но пока мы имеем слишком мало подготовительных работ, для того чтобы разобраться во всех этих наслоениях. Скажу больше: я не сумел бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу под руками данных для определения того, какие церковнославянизмы надо признать древнейшими, какие новейшими. Впрочем, некоторые соображения могут быть высказаны на основании наблюдений над памятниками.

Мы знаем, например, что церковнославянское жд очень рано уступило место русскому произношению с *ж*, и это в противоположность устойчивому сохранению церковнославянского щ, сравнительно редко уступавшего свое место русскому *ч*. Имеем возможность указать на несколько памятников XII в., где жд систематически заменяется через ж. Напр. в стихирарях XII в., писанных в Новгороде, можно указать такие, которые почти систематически заменяют жд через ж, и лишь редко имеют ч вм. церковного щ. Очевидно, *ж* проникло в церковнославянский язык на Руси так же, как в него проникло произношение *у* и *а* вместо юсов: юсы были чужды русскому произношению, и так же чуждо было сочетание *жд*: его избегли, произнося вместо него *ж*; гораздо реже и единичнее оно произносилось как русское сочетание *жджж* с диалектическими его изменениями.[1] Между тем в современном литературном языке *жд* в качестве церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширные категории грамматических образований и господствуя во многих словах (см. ниже). В виду этого позволительно отнести произношение с *жд* на счет позднейшего церковнославянского слоя. Сходные соображения, но с меньшею определенностью, могут быть высказаны и по отношению к некоторым другим категориям церковнославянских элементов (напр. к категории, обнару-

---

[1] На это указывают написания как прѣжчє в южнорусских памятниках.

живающей звук *о* на месте подлежавшего выпадению ъ). Тем не менее, я не решаюсь разграничить в дальнейшем изложении древнейший и новейший слои церковнославянских элементов.

Определить все эти элементы дело сложное и едва ли достижимое иначе, как путем тщательного исследования истории церковнославянского языка в русских памятниках. Но некоторые элементы выделяются без труда как противоречащие звуковым особенностям русского языка; выделение их весьма поучительно, ибо оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор, несмотря на всю его демократизацию и многовековое влияние на него языка русского. Установлю теперь несколько категорий бесспорных церковнославянских элементов.

1. Сочетания *ор, ер, ол, ел*.[1]

Сочетания *ор, ер, ол, ел* общеславянского праязыка изменились в общерусском праязыке в сочетания *оро, ере, оло, еле* (но после *ж, ш, ч* на месте *ел* не *оло*, а *ело*, точнее *ӧло*); в древнеболгарском те же сочетания изменились в ра, рѣ, ла, лѣ (но после ж, ш, ч на месте ел диалектически при лѣ также ла). Если поэтому мы вместо ожидаемых русских сочтаний *оро, ере, оло* (*ело*) или рядом с ними найдем в тех или иных словах сочетания *ра, рѣ* (*ре*), *ла, лѣ* (*ле*), то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами. Не трудно привести десятки подобных слов: их много среди существительных и среди глаголов и даже среди неизменяемых частей речи; с представлениями об этих словах частью связываются понятия, чуждые житейской обыденности: это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего русского народного слова было причиной сохранения в нашем языке всех этих слов; иногда соответствующее русское слово налицо, но значение его иное (большею частью оно более реально, чем книжное, церковнославянское слово), и это служило основанием к сохранению чужеземного собрата. В нижеследующем списке приведена значительнейшая часть слов, церковнославянское происхождение которых доказывается отмеченным фонетическим признаком. Располагаю эти слова по извлекаемым из них корням и указываю соответствующие русские образования.

благ — (русск. **болог-**: ср. название местности *Бологое*): *благой, блаженство, блажить, поблажка, ублажать* и др. (диалект. *благо* в

[1] Обозначения подразделений данной главы отсутствуют в рукописи. (Ред.).

значении «плохо», вероятно, также церковного происхождения; для переноса значения ср. *блажи́ть, блажно́й*);

бран — (русск. **борон-:** *оборона, оборонять*): *брань, бранить, возбранять;*

бразд — (русск. **борозд-:** *борозда*): *бразды* правления;

брег — (русск. **берег-:** *берег, бережистый*): *безбрежный;*

брег — (русск. **берег-:** *берегу, бережливый*): *пренебрегать, небрежный;*

брем — (русск. **берем-:** *беремя, беременный*): *бремя, обременять;*

влаг — (русск. **волог-:** *влага, влажный;*

влад — (русск. **волод-:** древнее володѣть, *волость*): *владыка, владеть, владать, совладать, власть, властный, область, властвовать;*

влак — (русск. **волок-:** *оболочка,* обл. *о́болоко*): *облако, влачить;*

влас — (русск. **волос-:** *волос, волосяно́й*): *власяница;*

влек — (русск. **волок-:** *волоку, проволочка*): *облекать, развлекать, увлекать;*

враг — (русск. **ворог-:** *во́рог, ворожить,* ворождоу Ипат. 1336): *враг, вражеский, вражда;*

врат — (русск. **ворот-:** *ворота*): *врата* царские (в церкви), *привратник;*

врат — (русск. **ворот-:** *приворот, переворот, ворочать*): *превратный, совратить, отвратить, возврат, разврат* и т. д.;

врач (ц.-слав. врачь);

вред — (русск. **веред-:** *ве́ред*): *вред, вредный, повреждать;*

врем — (русск. **верем-:** древнерусск. верема): *время, временный, повременить;*

глав — (русск. **голов-:** *голова, заголовок, головной*): *глава* в книге, *глава* предприятия; *главенство, заглавие, главный;*

град — (русск. **город-:** *город, городской, горожане*): *градоначальник, градоправитель, гражданин, ограда, ограждать, преграда, награда;*

глас — (русск. **голос-:** *голос, голосистый, голосовой, безголосный*): *возглас, гласный, согласие, огласить, приглашать;*

драг — (русск. **дорог-:** *дорогой*): *драгоценный;*

древ — (русск. **дерев-:** *дерево, деревянный, подерёвно*): *древесный, древонасаждение;*

жреб — (русск. **жереб-:** *жеребей, жеребьёвка*): *жребий;*

драв — (русск. **доров-:** *здоров* из съдоровъ): *здравый* (из съдравый), *здравие, здравствовать, здравствуй;*

злат — (русск. **золот-:** *золото*): *златоструй, златокованный, златолюбие;*

зрак — (русск. **зорок-:** *близорукий* вместо б л и з о з о р о к и й, древнее прозорочьный): *зрачок, призрак, прозрачный, невзрачный;*

крат — : *многократно, кратный;*

крат — (русск. **корот-**: *короткий, коротать, укоротить*): *краткий, сокращать, кратчайший, прекратить;*

мраз — (русск. **мороз-**: *изморозь, мороз*): *мразь;*

млад — (русск. **молод-**: *молодой, молодец*): *младенец;*

мрак — (русск. **морок-**: *обморок, морочить*): *мрак, омрачать;*

млек — (русск. **молок-**: *молоко, молочный*): *млечный* путь, *млекопитающие;*

нрав — (русск. **норов-**: *норов, норовить, приноровляться*): *нрав, нравственный, нравиться;*

пращ — (русск. **пороч-**: *пороки*): *праща;*

плен — (русск. **полон-**: *полон, заполонить*): *плен, пленить;*

празд — (русск. **порозд-**: *порожний* из ***пороздьний**): *праздный, праздник, празднество, упражнять;*

плам — (русск. **полом-**: *поломя, полымя*): *пламя, пламенный, воспламенить;*

прах — (русск. **порох-**: *порох, порошинка*): в пух и *прах, прах* родителей, идет *прахом;*

пре — (русск. **пере-**: *перестать, перенять, пересилить*): *предать, преемник, преступить, преступник, превращать, определять, преображаться, пренебрегать, превозносить, престол, претерпеть, преграда;* сюда же **пре-** как частица усиления: *прекрасный, прелестный, пренеприятный, превыше* (в русском языке церковное пре- заменялось через при-, как видно из некоторых памятников XI—XII вв., позднее диалектически на северо-западе и в Пскове через про-: прольстиша; ср. Каринский, Язык Пскова, стр. 136);

пред — (русск. **перед-**: *перед, передок, передний,* древнее переже): *пред, предок, прежде,* диалект. и простонар. *преже, допреж; предводитель, председатель, предназначать, преддверие, предвкушать, предзнаменование, предопределение, представление, предотвратить, предупреждать;*

прек — (русск. **перек-**: *поперек, перечить*): *прекословие, прекосердие, вопреки;*

прет — : *запрет, запрещать;*

смрад — (русск. **смород-**: др. смородъ): *смрад;*

срам — (русск. **сором-**: др. соромъ, сороможливый): *срам, срамить;*

сред — (русск. **серед-**: *середа, середина, середка*): *среда, средний, средостение;*

слад — (русск. **солод-**: *солодкий* корень, *солод*): *сладкий, сладость, сласть;*

стран — (русск. **сторон-**: *сторона́, сторонний*): *страна́, странный, страница;*

страж — (русск. сторож-: *сторож, сторожить*): *стража, стражник;*

треб — (русск. тереб-: др. перетеребьють): *треба, потреба, непотребный, требовать, употребить;*

трезв — (русск. терезв-, тверез-: ср. терезви Вопр. Кирика): *трезвый;*

хлад — (русск. холод-: *холод, холодный*): *охладить, прохлада;*

храбр — (русск. хоробр-: диалект. и др. *хоробрый*): *храбрый;*

хран — (русск. хорон-: *хоронить, похороны*): *охрана, сохранный, сохранять;*

член — (русск.* челон-: др. челонѧ): *член, расчленить, членный;*

чред — (русск. черед-: *черед, очередь*): *учреждать, учреждение;*

чрев — (русск. черев-: *черёва*): *чревоугодник, чревовещатель;*

чрез — (русск. через-: *через*): *чрез, чрезмерно, чрезвычайно;*

шлем — (русск. шелом-: др. шеломъ): *шлем.*

В этот список не включены слова, не употребительные теперь в разговорной речи, но едва ли чуждые ей в XVIII в., как напр. *хлад, брег, чрево, страж, град, глас, злато, зрак, млад, мраз, древо* и т. п.

Значительное число приведенных выше слов потеряло книжный характер и охотно употребляется в просторечии, напр. *здравствуй, нрав* и *ндрав, мразь, время, вред, брань, враг, срам* и *страм, сладкий;* не говорю уже о тех словах, которые выражают понятия, ставшие достоянием просторечия в силу культурных условий, как *страница, глава, треба, член, праздник, среда, здравие, гласный, владыка* и т. п.

Отмечу употребление церковнославянских слов в сложениях, как *млекопитающие, древонасаждение, чревоугодник, драгоценный, средостение, златолюбие;* такие сложения возникали в книжном языке по образцу древнего церковного языка, сковавшего ряд сложений под влиянием греческого.

Сочетаниям с *е* в приведенных словах соответствуют в древнеболгарском сочетания с ѣ: врѣмѧ, врѣдъ, прѣжде, прѣдъ, чрѣзъ, срѣда, шлѣмъ, члѣнъ и т. д. Как указано выше, болгарское ѣ (= *ä*) в южнорусском церковнославянском произношении передавалось не через ѣ (ибо *ѣ* в русских словах произносилось как *ie*), а через *е*. Замечательно, что наше правописание сохранило *е*, восходящее в этих словах к памятникам XI—XII в. (ср. в них, например, написания среда, времѧ, млеко, влекоу, шлемъ и т. п.).

Исключение составляет слово *плѣнъ*. [1] Не указывает ли это на то, что *плѣнъ* не принадлежит к древним заимствованиям, что оно вошло в русский язык в позднейшую эпоху (XIV—XV вв.)?

---

[1] Это слово до реформы орфографии 1918 г., действительно, писалось с ятем в корне, в то время как в аналогичной группе прочих древнеболгаризмов обычны были написания с *е* (*время, древо, прежде, влеку* и под.). (Ред.).

2. Сочетания *ра, ла* в начале слова.

Сочетания общеславянского праязыка *ор, ол* в начале слова при одних условиях перешли в *ро, ло* в общерусском праязыке, в ro, ło в западнославянских языках, в ra, ła в южнославянских, следовательно, и в древнеболгарском языке (при других условиях во всех славянских языках находим ra, ła, получившиеся, очевидно, еще в общеславянскую эпоху). Итак, в ряде слов русским сочетаниям *ро, ло* в начале слова соответствуют церковнославянские ра, ла. Слова нашего литературного языка, имеющие *ра, ла* в начале вместо ожидаемых и известных в русском, частью только диалектически, *ро, ло* должны быть признаны остатками церковнославянского языка:

раб, раба, работать (ср. древнерусск. роба, севернорусск. *робота, роботать*, украинское *робити*),

расту, возраст, растение, растительность (ср. русск. *рост, рос, вырос, поросль*),

раз-, рас-, напр. в *ра́зум, распятие, расчища́ть, разубеждать, распределять, развлекать, разврат, разбранить, расчленить, разглашать, расторгать, растерзать* и т. п. (ср. русск. *роз-, рос-: ро́звязь, ро́спись, ро́звальни, ро́счерк*, украин. *розрива́ти, ро́зум, розсо́ха, розчиняти, розщо́т*, севернор. *розбить, рознять*), *разный, разница, разноречие, разномыслие* (ср. русск. *ро́зно, ро́зница, рознь, по́рознь*),

ладия (в книжном выражении: утлая *ладия*, также фигура в шахматной игре (*ладья*) (ср. древнерусск. лодья, совр. *лодка*).

Конечно, *а* в письменном *расту* можно объяснить и следствием аканья, ср. при этом *рос*, но вероятнее, что здесь сохранилось старое правописание, свидетельствующее о старом (церковнославянском) произношении.

3. Группа *жд* вместо *ж*.

Общеславянское сочетание dj еще в общеславянском языке подверглось изменению, благодаря ассимиляции d следующему j: из dj получилось *ǯǯ* (*ǯ* означает мягкий звук *дж*): отсюда в общерусском праязыке *ž* (*ж* мягкое), в западнославянских языках *z* и *dz*, в древнеболгарском жд. Общерусскому праязыку сочетание *жд* не было совсем известно; в позднейшем языке *жд* является в результате изменения группы *жьд* вследствие выпадения в ней *ь*, ср. совр. *ждать* из жьдати, древнерусск. кождо из къжьдо. Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остатками церковнославянского языка; при многих из них имеются исконно русские слова с звуком *ж*. Эти церковнославянские слова и образования распадаются на две группы:

а) группа отдельных слов, б) образования многокр. вида глаголов на -*ать* и причастия страд. залога на -*ен*, при них существительные отглагольные на -*ение*.

Из отдельных слов отметим:

вождь (кор. *вод-*: *водить*, древнерусск. вожь), *жажда*, *жажду* (кор. *жад-*: *жадный*, древнерусск. жажа), *невежда* (кор. *вед-*, ср. совр. *невежа*), *между* предл. (кор. *мед-*, древнерусск. межю, межи, ср. *межа*, *межеумок*, *смежный*), *междометие* (т. е. interjectio), *одежда* (кор. *дед-*, древнее и совр. *одежа*, *одёжа*), *надежда* (кор. *дед-*, ср. *надёжный*, имя *Надёжка*, *обнадёжить*), *рождество* (кор. *род-*, ср. др. и совр. *рожество*, *рожественский*), *тождество* (ср. древнеболг. тожде: тоже, ср. совр. едва ли, впрочем, не искусственное *тожество*), *нужда* (кор. *нуд-*, ср. *нудить*, др. и совр. *нужа*, *нужный*), *гражданин* (кор. *град-*, р. *город-*, ср. совр. *горожанин*), *прежде* (кор. *пред-*, русск. *перед-*, ср. древн. и совр. *преже* и *переже*), *стражду* (кор. *страд-*: *страдать*), *чуждый* (кор. *чуд-*, ср. *чужой*, *чужестранный*).

Глагольные формы и отглагольные существительные. Формы на -*ать*, 1-е лицо ед. -*аю*: *убеждать*, *побеждать*, *угождать*, *награждать*, *повреждать*, *учреждать*, *охлаждать*, *услаждать*, *порождать*, *утруждать*, *понуждать*, *прохлаждаться*, *ограждать*, *предупреждать*, *побуждать*, *рождать*, *препровождать*, *сопровождать*, *рассуждать*.

Формы причастий на -*ен*: *принужден*, *побужден*, *награжден*, *поврежден* и т. д.

Отглагольные существительные на -*ение*: *рождение*, *охлаждение*, *учреждение*, *понуждение*, *предупреждение* и т. д.

Как указано было выше, можно с вероятностью отнести церковнославянские слова с *жд* и, следовательно, в числе их и глагольные образования, нами рассмотренные, к заимствованиям позднейшей эпохи, ибо уже в древнейших памятниках видим указание на то, что церковное *жд* произносилось как *ж* (в некоторых памятниках, как сказано, замена *жд* через *ж* проведена систематически). В виду этого слова, как *надежа*, *рожество*, *невежа*, можно признать за церковнославянизмы, в которых чуждое *жд* заменено было в древнейшие эпохи через *ж*; быть может, то же можно сказать о слове *тожество* при позднее заимствованном *тождество*, а также и об образованиях на -*ать*, как *провожать*, *расположаться*, *простужать*, *ссужать*, если признать и их или часть их за церковнославянизмы. — Замечательно, что в 1-м л. наст. неизвестно -*жду* (ср. ниже -*щу*); очевидно, оно заменено русским -*жу*: *предупрежу*, *поврежу*, *услажусь*; исключение составляют отмеченные выше: *стражду*, *жажду*.

4. Африката *щ* вместо *ч*.

Общеславянское сочетание tj еще в общеславянском праязыке изменилось в čč (č означает звук *ч*); в ту же группу изменилось сочетание kt перед гласными переднего ряда (*ь, i, е*); в общерусском праязыке čč изменилось в č, в западнославянских языках в c, в древнеболгарском в шт. В древнерусском произношении церковнославянского языка шт передавалось как šč, т. е. ближайшим звуковым сочетанием, восходящим к общеславянскому šč из sk перед гласными переднего ряда и из stj; общеслав. šč в древнеболгарском перешло в шт, напр. тряжиште, ништѧ, воштина, поущтѧ. Слова современного литер. языка, в которых находим *щ* (произносится в московском наречии и большинством говорящих литературным языком как šš) вместо ожидаемого по этимологии (по происхождению из tj или из kt) *ч*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка. Такое *щ* находим в трех категориях случаев: а) в отдельных словах, б) в некоторых глагольных образованиях: многократные глаголы на *-ать*, 1-е лицо ед. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*, в) в причастиях настоящего времени, частью получивших значение прилагательных.

Отдельные слова: *мощь* (из *могть, русск. *мочь*), *помощь* (русск. *помочь*), *вещь* (ср. чешск. věc), *пещера* (др. русск. печера, *Печерский* монастырь), *праща* (русск. **пороча*), *общество* (из обьщьство, русск. *обьчьство, откуда *обчество, апшество, опчесьво*, ср. *оптом* из *обьтъмь), *овощь, овощной* (русск. *обочь, овочь*), денно и *нощно, изящный*. Церковнославянизмом признаем и слово *товарищ*.

Глагольные формы. Многократные на *-ать: возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освещать, освящать, сообщать, поглощать*.

1-е лицо наст. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*:[1] *клевещу, возвращу, запрещу, сокращу, укрощу, сообщу, освящу, освещу; возвращен, освящен* и т. д.

Причастия наст. вр.: *сущий, несущий, носящий, крадущий, кидающий, бросающий, светящийся, горящий, поющий, стареющий* и т. д. Прилагательные: *завидущий, блестящий, палящий, настоящий*. Ср. еще слова, как *существо, могущество*.

Относительно причастий можно с уверенностью сказать, что они продержались в книжном языке с самого водворения его на Руси; в русском языке причастия были утрачены еще в очень отдаленную эпоху, как склоняемые слова, заменяясь формами деепричастия на -учє, -учи, -а (чьто вздадучє, идучи, неса, како мога). Причастия же склоняемые получили значение прилагательных: *горячий, могучий, падучий*,

---

[1] В рукописи: от глаголов на *-ить*. (Ред.)

сыпучий, летучий, горючий, ходячий, сидячий, лежачий, певучий, висячий. Церковнославянские причастия на *-ущий* проникли и в народную речь, где опять получили значение прилагательных: ср. формы на *-еющий* для обозначения превосходной степени прилагательных: *богатеющий, большущий* (также в литер. языке), *умнеющий.* Любопытно народное *-ащий, -ущий* вместо *-ащийся, -ущийся,* напр. не *бьющая* кукла, *вертящая* игрушка.

5. Гласная *е,* не перешедшая в *о.*

Еще в общерусском праязыке общеслав. звук *е* в положении перед твердой согласной изменился в *ö*, откуда далее в севернорусском и восточнорусском *о.* В восточнорусском *о* такого происхождения, как вообще всякое *о,* сохраняло свой звук только под ударением (см. об этом выше). Поэтому и в московском наречии и в современном литературном языке найдем на месте этимологического (общеславянского) *е* под ударением перед твердой согласной *о*: ср. *нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк* (стерег), *рёф* (рев), *подерёвно* и т. д. Равным образом перешел не в *е*, а в *ö*, откуда далее *о*, звук *ь* перед твердой согласной, ср. моск. и литер. *мёртвый, вёрсту, дёрн, пёс, пёстрый, назём* (род. назьму), *опёнки* (из опьнкы от слова пень), *попённо, подённо, тёмный* и т. д.

Тот же звук *о* находим после исконно мягких согласных *ш, ж, ч, ц, щ* под ударением перед твердой согласной на месте первоначальных *е* и *ь*: *щóку, пчолка, шорох,* сам-*шост, облицовка, концов, чорт, чорный, жорнов, жолтый, чолн.* Древнеболгарскому языку было неизвестно изменение *е* в *ö* после согласных неисконно мягких, а возникшее еще в общеславянскую эпоху *ö* из *е* после согласных исконно мягких изменилось, повидимому, в *е*. Поэтому в целом ряде слов, где по-русски являлось *ö*, откуда и *о*, в церковнославянском держалось *е*. Значительное число слов литературного нашего языка, имеющих под ударением перед твердой согласной *е*, должно быть возведено к церковнославянскому языку. Из числа слов с *е* перед твердой согласной не относятся сюда слова с *е* перед отвердевшей согласной (напр. перед твердым *ц*: *купец*, твердым *р*: *серп*), а также с *е*, восходящим к общерусскому *ѣ* (*мелкой* из мѣлкыи). Остальные слова с большею или меньшею уверенностью могут быть признаны остатками церковнославянского языка.

Слова с ударным *е* перед твердой согласной, восходящие к церковнославянскому языку, могут быть рассмотрены в двух категориях. К первой относятся слова с *е* перед исконно твердой согласной; ко второй слова с *е* перед отвердевшею согласною.

Слова с *е* перед исконно твердою согласною по самому значению своему обнаруживают свое церковное происхождение: *небо* (ср. диалект: *нёбо* в значении неба, а также *нёбо* во рту), *щедр*, *пещера* (русской формой была *печора), *предмет* (кор. *мет-*: метать), *отместка* (с *е* из ь: мьсть), *жезл*, *пекло*, *крест* (с *е* из ь, ср. диалект. *крёст*, *хрёст*, литературн. *крёстный* отец, при *крестный* ход), *хребет* (с *е* из ь: хрьбьтъ, ср. диалект. *хребёт*), *перст* (с *е* из ь: пьрстъ, заменившее церковнослав. прьстъ, ср. диалект. *пёрст*, литер. *напёрсток*), *скверна* (из скверна на месте церковнослав. скврьна), *жертва* (из жьртва на месте церковнослав. жрьтва), *мерзкий*, *мерзость*, *ерзкий*, *дерзость*, *разверстый*. Из последних слов видно, что церковнославянское (правильнее русско-церковнославянское) *ь* заменилось с течением времени русским *е*, причем это русское *е* уже не подлежало изменению в *ö* потому именно, что звук *ö* был чужд церковнославянскому языку; объяснять *е* из южнорусского языка (где *е* после исконно мягких согласных звучит как *э*) нельзя потому, что после исконно мягких и здесь находим *о*, между тем *жертва*, не *жöртва*. — Повидимому, сюда же относится *исчез*; по-русски это звучало бы *исчоз*; старослав. иштезнѫти при иштазати (с *а* на месте *ě*). Как долго держалось церковное *е* в некоторых словах, не чуждых и живому языку, видно из случаев, как: был как бѣс, потек как *песъ*. Посл. XVII в. (Симони, 82).

Слова с *е* перед отвердевшею согласною. Различаем две категории. В первой отвердение произошло в результате влияния на мягкую согласную (смягчившуюся перед ь, впоследствии выпавшим) следующей твердой; так отвердели, напр., губные и зубные перед твердым *н* после выпадения между ними и *н* звука ь; что ь смягчало в общерусском праязыке предшествующие согласные в подобном положении, видно из того, что напр. слова бездьна, дѹшевьный стали звучать в древнем украинском бѣздна, дѹшѣвный с *ѣ (дифтонгом *іе*) из удлинившегося *е* перед слогом с выпавшим из него ь. Ср. написания бѣзна, доушѣвньіи и т. п. в украин. памятниках, начиная с XII в. В севернорусском и восточнорусском, где не было удлинения *о* и *е* при тех условиях, которые вызывали их удлинение в украинском, получилось *без'на*, *душев'ный* с мягкими *з*, *в* и с напряженным *е* перед ними. Но вскоре во всех русских наречиях зубные и губные в положении перед твердыми зубными отвердели; в украинском *бѣз'на*, *душѣв'ный* продолжали звучать с *ѣ* и после отвердения *з* и *в*; но в севернорусском и восточнорусском, где звук *е* напряженное сохранялся только перед нёбными, смягченными согласными, он переходил в *е* ненапряженное перед отвердевшею согласною, а ненапряженное *е* изменялось затем в *ö* и далее в *о*, в силу того, что вообще звук *е* не был известен перед твердыми согласными. Таким образом, мы ожидали бы в севернорус-

ском и восточнорусском, а, следовательно, и в московском наречии *бёзна, *душовный; ср. дꙋшовнои в московских договорных 1428 г. № 43, 1440 г. № 60 и др., а также наши литер. *тёмный, нёбный, крёстный, поёмный, слёзный, подъёмный, колёсный, почётный, смётный*, диалект. стар. в лешовнихъ лесахъ Дв. гр. XV в. № 92 (вм. лѣшовныхъ), слꙋжовныхъ в моск. догов. ок. 1465 № 92, 1433 № 50, царовна Псковск. 2-я лет. XV в. (вместо *царёвна*), совр. вытегорск. *царёвна*, петрозав. *королёвна*. Объяснять *о* в подобных производных словах влиянием звука *о* в словах коренных (как *подъём, нёбо, полёт*) невероятно, в виду того, что в *тёмный, душовный, служобный* возможно только фонетическое объяснение *о* из *е*. Если же мы в современном литературном языке находим в ряде слов в таком именно положении *е*, а не *о*, то все или почти все подобные слова должны быть признаны церковнославянскими. В церковном произношении, как указано, *ö*, откуда *о*, было вообще неизвестно; поэтому в подобных словах перед отвердевшею согласною произносилось *е* ненапряженное, ср. этот звук и на месте исконного *е* перед твердою согласною (*небо*) и на месте исконного *ѣ* в таком же положении (*вред*). Поэтому признаю церковнославянскими словами следующие: *душевный, учебный, лечебный, служебный, ежедневный, вседневный, царевна* (ср. церковнослав. происхождение слова *царь*), *подзе́мный, бе́здна, поле́зный* (ниже укажу на церковнославянское происхождение слова *польза*), *любе́зный, теле́сный, небе́сный, древе́сный, лестный, преле́стный* (ср. церковнослав. приставку *пре*), *честный* (ср. диалект. *чосно́й, безчо́сно*), *кре́стный, тще́тный*. Равным образом влиянием книжного, церковнославянского произношения объясняется *е* в *тюре́мный, короле́вна* (ср. *царевна*). Равным образом отвердело *н* перед следующим твердым *н*, превратив предшествующее *е* в *о* в севернорусских и восточнорусских говорах: ср. *подённый, двухсажонный* (от *сажень*), *казённый*. Поэтому церковнославянскими словами признаем: *совреме́нный* (при обрусевшем *совремённый*), *обыкнове́нный*, равным образом причастия страдательные, как *согбе́нный, благослове́нный, вдохнове́нный, надме́нный* (только после губных); сюда же слова *вселе́нная, бре́нный*.

Во второй категории, где *е* находим перед отвердевшею согласною, отвердение произошло в более позднюю эпоху вследствие общего отвердения той или иной согласной. Перед согласными, отвердевшими сравнительно поздно, находим *е* (ненапряженное вместо напряженного) не изменившимся в *о* (ср. *е* в *купец*, диалект. литер. *сем, первый*); но перед согласными, отвердевшими раньше, *е* напряженное через посредство *е* ненапряженного переходит в *о*; такой случай имел место, напр., перед отвердевшими *ж* и *ш*, ср. совр. произношение литерат.: *лёжа, Серёжа, серёжка, грабёж, кутёж, падёж, свербёж, застёжка,*

головёшка, кормёжка, одёжка (по *одёжке* протягивай ножки); диалект. и простонародн. *одёжа, берёжый.* Поэтому слова, где в литер. наречии перед *ж* является *е*, а не *о* (ё), должны быть признаны церковнославянскими: *падёж, мятёж*, также *смежный*. Неясно, как понять *в перемёжку*; не сказалось ли здесь влияние корня *меш-ать (в перемешку)*. В слове *прилёжный е* может восходить к церковнославянскому *ѣ*, ср. прилѣжьнѧ в Остр. ев.; во всяком случае — это слово церковнославянское. Известное и в литературном произношении *головёшка*, равным образом *мерёжка* (род кружевного вязания) едва ли не заимствованы из таких говоров, где *ж* и *ш* отвердели позже и потому не перешли в *о*.

6. Начальное *ю* вместо *у*.

В общерусском праязыке начальное сочтание *ју, і̯у* превратилось в *у*; общесл. *і̯унъ, і̯уноша, і̯уха, і̯угъ* (ср. старослав. юнъ, юноша, юха, югъ) изменились в *унъ, уноша, уха, угъ*, ср. в памятниках XI в.: оунъ, оугъ, оуноша; также современное *уха*; что касается украин. *юха*, то *ю* здесь новое, вызванное общим стремлением украин. языка к придыхательному приступу в начале слова. В виду этого совр. литер. *юный, юноша, юг, южный* должно признать церковнославянскими словами. Равным образом на месте общеславянского *јǫ* (старослав. ѭ) в начале слова ожидаем в русском языке не *ю*, а *у*; поэтому признаем церковнослав. словом *союз*, конечно, и *юдоль*.

7. Твердое *з* (из *г*) вместо мягкого.

В общеславянском праязыке звуки *k, г, х* при известных условиях, а именно, как предположено проф. Бодуэн-де-Куртенэ, перед ударяемым слогом, переходили в *ц, з, с*, если им предшествовали гласные переднего ряда (*ь, і, е* носовое); эти согласные восходят непосредственно к средненёбным смягченным *k, г, х*, заменившим задненёбные *k, г, х* под ассимилирующим действием предшествующей гласной. Разумеется, эти *ц, з, с* были в общеслав. языке мягкими; они сохранили свою мягкость и в общерусском праязыке; позже диалектически отвердело *ц*: *овца* вместо *овця* (а это из *овьц'а*, восходящего к *овька*); но *з* и *с* сохраняют свою мягкость, как и мягкие *с, з* другого происхождения, напр. великор. *сила, сёла, зёрна, зимний, зябну*. Ср. *с* мягкое из первоначального *х* в совр. *весь, вьсего* (восходит к вьс'ь из вьхъ), *з* мягкое из первоначального *г* в совр. *князь* (восходит к кънѧз'ь из кънѧгъ). Между тем в древнеболгарском диалектически ц, з, с отвердели очень рано, ср. написания, как вьсакъ, вьса, кънѧзоу, польза, насмисатисѧ в древнеболгарских памятниках. Поэтому,

если в современном литер. языке найдем твердое *з*, а не мягкое, на месте общеславянского мягкого *з* из *г*, то такое твердое *з* свидетельствует о церковнославянском происхождении соответствующего слова. Итак, церковнославянскими признаем слова: *польза* (мы ожидали бы *пользя*, ср. подобное произношение в русских говорах, ср. *на пользю*, ср. также *нельзя, льзя*), *непритязательный* (по-русски было бы *непритязятельный*), *состязательный* (ср. корень *тяг-*: *тягаться*, *тяжба*), *осязать* (корень *сяг-*: *посягать, посягнуть*).

8. Гласные *о, е* на месте слабых *ъ, ь*.

В общеславянском языке *ъ* и *ь* были сильными в положении перед слогом с слабым *ъ* или *ь*, а также, быть может, под ударением в начальном слоге слова; в остальных положениях они были слабыми, а перед слоговыми *р* и *л*, а также за ними-неслоговыми. Напр., обозначая слабые *ъ* и *ь* буквами *ъ* и *ь* подчеркнутыми, находим для общеслав.: *тьмьный, льстьный, пьсъ, пьса, стькло, дъва, жьньць, жьньца* и т. д.; *вьрхъ, вьлкъ, блъха, дръва, пльвати* со слоговыми *р* и *л*. То же имело место в общерусском праязыке, но неслоговые *ъ* и *ь* перед слоговыми *р* и *л* и после них стали слоговыми и притом сильными вследствие потери звуками *р* и *л* их слогового характера; вместо *вьрхъ, вьлкъ, гърдый, мълва* явились *вьрхъ, вьлкъ, гърдый, мълва* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь*; вместо *блъха, дръва, пльвати, трьвога* с слоговыми *р, л* явились *блъха, дръва, пльвати, трьвога* с неслоговыми *р, л* и сильными *ъ, ь*. Наконец, сочетание согласная + *ўь* (неслоговое *у* и слабое *ь*) перешло в общерусском в сочетание согласная + *вь* (согласная *в* и сильное *ь*), причем изменение слабого *ь* в сильное стоит в связи с переходом неслоговой гласной *ў* в фрикативную согласную; *зўьно, дўьри* перешли в *звьно, двьри* с сильными *ь*. Уже после распадения общерусского праязыка, не раньше второй половины XII в., исчезли из произношения (во всех вообще русских наречиях) звуки *ъ* и *ь* слабые, перешли в звуки полного образования, *о* и *е*, все сильные *ъ* и *ь*; ср. в древнерусском и современном опущение слабых *ъ* и *ь*, напр. в *темный, пёс, пса, сkло, два, жнец, женца*, напротив, замену сильных *ъ* и *ь* звуками *о* и *е* в *тёмный, пёс, жнец, женца, верх, волk, гордый, молва, блоха, дрова, плеват', тревога, звено, дверей* и т. д.

Закон об опущении слабых *ъ* и *ь* не знает, конечно, исключений. Правда, находим в некоторых случаях замену слабых *ъ* и *ь* звуками *о* и *е*, но все относящиеся сюда в русских словах случаи объясняются влиянием аналогии. Случаи эти распределяются по двум категориям: к первой принадлежат такие слова, которые перенесли *о* и *е* из одних

падежных форм в другие, причем в этих других они заняли место выпавших *ъ* и *ь* (между тем как в первых они правильно заменили старые *ъ* и *ь* сильные). Сюда относятся такие образования, как древнерусское Смоленескъ вместо *Смол'неск* (из *Смольньскъ*) под влиянием *Смоленска, Смоленску;* или совр. *пришелец* вместо и при *пришлец* (из *пришьльць*) под влиянием *пришел'ца* (из *пришьльца*); или, напротив, совр. *жреца, жнеца, швеца, кузнеца* вместо *жерца, женца, шевца, кузнца* под влиянием форм им. падежа *жрец, жнец, швец, кузнец; доска́* вместо *дска, цка* является под влиянием *до́ску, до́ски* с *о* из сильного *ъ* (сильного вследствие своего положения в начальном слоге под ударением); *стекло́* вместо *скло* под влиянием им. мн. *стёкла; пестра* вместо *пстра* под влиянием *пёстр, пёстрый, праведен* вместо *правден* (под влиянием *праведный*) и т. д. Равным образом *купеческий, молодеческий, греческий* явились на место *купецкий, молодецкий, грецкий* под влиянием кратких форм *купческ, молодческ, греческ; старческий* вместо *старецкий* под влиянием *старческ; человеческий* вместо **человецкий* под влиянием *человеческ. Онемечить* вместо **онемчить* новообразование под влиянием *немец, немецкий.* Ко второй категории относятся случаи появления *о* в предлоге *со* перед следующим *с* (*со* вместо *с* под влиянием *со* в других случаях): *со* своего, *состряпать, состав, состариться, сослепа, со* света, *со* степи, *со* стены под влиянием *сослать, созвать, со* сна, *со* ста.

Но в литер. языке оказывается ряд слов, которые не могут быть подведены ни под ту, ни под другую категорию, представляя звуки *о, е* на месте подлежавших выпадению слабых ъ и ь. Сюда относятся: а) слова, содержащие предлоги *со, во, воз* вместо ожидаемого после выпадения ъ в *съ, въ, въз* звуков *с, в, вз*; б) слова, представлявшие *о, е* на месте слабых ъ, ь в некоторых суффиксах, в) слова, представляющие *о, е* на месте слабых ъ, ь в корнях. Является вопрос, как понять такие *о, е*? Значение многих относящихся сюда слов ясно указывает на их церковнославянское происхождение. Но почему же *о, е* заменили ъ, ь слабые, подлежавшие выпадению в живом русском произношении в церковнославянском языке на Руси? Памятники старославянского языка указывают, что в нем еще в XI в. произошло в некоторых его диалектах изменение сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е*, так — в Зогр. Таким образом, переход сильных *ъ* и *ь* в *о* и *е* в диалектах старославянского языка произошел раньше, чем в русском. Вероятно, он имел место и в том диалекте, который был впервые перенесен на Русь при Владимире в X в. и при Ярославе в XI в. Прямым результатом этого явилось то, что при чтении церковных книг русские люди стали произносить букву ъ как *о*, букву ь как *е*, не справляясь,

конечно, с тем, сильные ли эти ъ, ь в живом русском произношении, или слабые. Многие писцы при переписке старославянских оригиналов передавали ъ и ь через ъ и ь, придерживаясь и написания оригинала, руководясь и собственным русским произношением (влияние русского произношения очевидно между прочим из того, что окончание *-тъ* 3-го *л.* ед. и мн. старославянских оригиналов передается через *-ть*). Но другие писцы заменяли ъ и ь буквами *о* и *е*, основываясь именно на церковном произношении. Вот почему в памятниках XI в., переписанных на Руси, найдем нередко *о* и *е* и притом не только на месте сильных ъ и ь, но также и на месте слабых ъ и ь; мало вероятным представляется в особенности случаи, где *о* и *е* заменили слабые ъ и ь, возводить к старославянским оригиналам (где вообще находим замену через *о* и *е* только сильных ъ и ь); но еще менее возможно объяснить их из русского живого произношения, ибо, во-первых, сильные ъ и ь перешли в *о* и *е* не раньше второй половины XII в., во-вторых, слабое ъ и ь вообще не заменялись через *о* и *е*. Приведу примеры замены ъ и ь сильных и слабых через *о* и *е* в церковнослав. памятниках русской редакции XI века. Стихир. 1157 весл, въ цьркови, веселеноую, добродѣтелеми, выседе, владыцени, неплодове, Юр. ев.: въземеть, выседе, отжгочалѣ, Минея 1095: источьнико, б҃говидече, ковечетъ, весемирьниа, Ж. Ф. золодѣи, Сб. 1073: золобѣ 172 об. Особенно интересно написание оуповати в русских памятниках — Юр. ев. оуповаше 106 а, Усп. Мин. № 175 (18) оупование 116 об. 1, Ж. Ф. оуповаа, оупованиемь; можно было бы ждать на основании общего закона о выпадении слабых ъ и ь оупвати; но это слово было, очевидно, церковнославянским; как таковое, оно произносилось в нашем церковнославянском, а потому и писалось, с *о*; это *о* дошло и до нашего времени (*уповать*). Искусственным книжным произношением всякого ъ как *о* и всякого ь как *е* объясняется смешение букв ъ, ь и *о*, *е*, замечаемое во многих памятниках русских XII—XIV вв. В XI и первой половине XII в. от такого полного смешения удерживало то обстоятельство, что в живом языке ъ и ь сильные и слабые произносились отлично от *о* и *е*; но когда со второй половины XII в. сильные ъ и ь стали произноситься как *о* и *е*, а слабые исчезли из произношения, в распоряжении писцов, приверженных к древнему правописанию, не желавших ограничить употребление букв ъ и ь сообразно с вновь наступившими в языке условиями, не оказывалось средств различать этимологическое и звуковое значение букв *о*, *е* и ъ, ь. Отсюда происходят чудовищные написания, как горъда, вѣрьмьнемь, дѣтемо, съ посадникомо и т. п. Начало всем таким написаниям дано церковнославянским произношением, произношением, господствовавшим в церкви, звуков ъ, ь как *о*, *е*.

Перехожу к обзору отмеченных выше категорий слов современного литературного языка, где такое произношение выступает наружу.

Предлоги *со, во, воз* в русском языке должны являться в таком виде (а не в виде *с, в, вз*) только в положении перед слогом, содержащим выпавшее *ъ* или *ь* (возможность *со* в других положениях, а именно перед *с* + согласный отмечена выше). Поэтому признаем церковнославянскими следующие слова, сложенные с предлогом *со*: *собирать* (ср. диалект. *сбирать*), *собор* (древнерусск. сборъ архангела Михаила, сборная церковь, совр. *сбор* в другом значении), *соблазн, соблаговолить, собеседование, соблюдать, собрат, соболезновать, совет* (древнерусск. на свѣтъ), *совещаться* (древнерусск. свѣщатися), *совокупить, совершить* (ср. *свершить*), *совратить, совесть* (древнерусск. свѣсть), *совладать, согреть, согребать* (ср. *сгребать, сгрёб*), *согласить, согражданин, согрешать, соглядатай, содержать* (ср. *сдержать*), *содействовать, содрогаться, соединять, сожалеть, созывать* (ср. *сзывать*), *созвучие, созидать, сокровище* (древнерусск. скровище), *сокровенный* (древнерусск. скровеный), *сократить, сокрушить* (древнерусск. скрушити), *сообразоваться, соорудить, соправитель, сопредельный, сопровождать, сопротивление, соприкасаться, сопричислить, сопряженный*,[1] *соревнование, сосредоточить, сотрясение, сотрудник, сотрапезник, сотворить, соучастие, сохранить* (русск. *схоронить*), *сочетать, сочинить* (древнерусск. счинити), *сочлен, союз*. Предлог *со* с особенным значением соучастия из слов, как *собрат, сотрапезник, соправитель, сочлен*, перенесен и в русские слова *сотоварищ, собутыльник*.[1]

Слова, сложенные с *во*: *вовлекать, водворить* (хотя, может быть, это и русское слово, ср. *во* двор вместо *в* двор), *совокупить, вооружить, вообразить, воплощение, вопрос, вопреки, вочеловечение*.

Слова, сложенные с *воз*: *возбранять, возбудить* (ср. *взбудоражить, взбунтовать*), *возвеличить, возвестить, возводить* (ср. *взвести, взводить*), *возврат, возвышать, возгласить, возгореться, воздержаться* (ср. *вздёржка*), *воздвигать, воздавать, возделывать, возлежать, возлюбить, возложить, воскурить, воскресить, восклицать, возмечтать, вознаграждать, вознамериться, возносить, возненавидеть, вознегодовать, возомнить, возобновлять, воспитать, воспеть, воспаление, воспоминание* (ср. *вспоминать*), *воспламенить, воспретить, воспротивиться, восстать, восстановить, востребование, вострубить, восторг, восток* (обл. *всток, сток*), *возразить, возраст* (ср. древнерусск. възрастъ), *великовозрастный, восход* (ср. *всходы*), *восчувствовать*.

---

[1] Далее в рукописи по ошибке приведено слово *вочеловечение*, которое перенесено по смыслу статьи в конец следующего абзаца. (Ред.)

Суффиксы, содержащие *е*, *о* на месте слабых, подлежавших выпадению *ь*, *ъ*. Повидимому, ряд слов с суффиксом *-ство* (из *-ьство*) должен быть признан церковнославянским. Сюда относятся: *рождество* и *рожество* (мы ожидали бы *роштво*, ср. древнерусск. рожьство), *множество, убожество, существо, могущество, человечество, качество, количество, купечество, молодечество, художество, вещество, отчество старчество*; также после других согласных, не только после *ж*, *ч*, *щ*: *естество* (древнерусск. ѥство). Ср. перенесение *-ество* вместо *-ство* в областном *богатество*. Таким образом *-ество* узаконилось в положении после согласных *ж*, *ч*, *щ*, очевидно, по удобству произношения, являясь в другом положении вообще в виде *-ство*: *братство, зверство, духовенство*. — Отмечу далее *скрежетать*.

Слова, представляющие *о*, *е* на месте слабых *ъ*, *ь*: *вопить* (ср. древнерусск. въпити), *уповать*, быть может, *соты*.

9. Гласные *ы*, *и* на месте напряженных *ъ*, *ь*.

Необходимо коснуться здесь еще нескольких заимствований, частью в настоящее время исчезнувших, но оставивших след на письме. Сюда относятся: *окончание им. ед. прилагательных на -ый, -ий*. В общеславянском праязыке соответствующие окончания звучали *ъ̆i*, *ь̆i* с напряженными *ъ* и *ь* и звуком *i* неполного образования: starъ̆i, sinʼь̆i; в памятниках древнеболгарских, а потом и в древнерусских, напряженные *ъ* и *ь* изображались буквами ꙑ (ы) и и: старꙑи, синий. В севернорусских и восточнорусских говорах, следовательно, в великорусскую эпоху напряженные *ъ* и *ь* перешли в *о* и *е* как в ударяемых, так и в неударяемых слогах, хотя возможно, что в восточнорусских, где *о* и *е* в неударяемых слогах редуцировались, они не возникали на месте напряженных *ъ* и *ь* неударяемых. В московском наречии, по происхождению севернорусском, мы должны ожидать под ударением: *-ой*, *-ей*, а в неударяемых слогах *-ъй*, *-ьй* (или *-ий*), при чем *-ай*, *-ьй* являются результатом редукции неударяемых окончаний *-ой*, *-ей*: ср. *седо́й, маладо́й, прасто́й*, сам *трете́й, ми́лай, до́брай, тре́тий*. В церковнославянском языке окончания *-ъ̆i*, *-ь̆i* перешли в -ый, -ий; те же сочетания явились в украинском наречии. Оба эти обстоятельства узаконили произношение окончаний прилагательных как *-ый*, *-ий* в церковном и книжном языке. Трудно сомневаться в том, что в книжной речи Москвы говорили некогда *простый, седый, младый*, после *г*, *k*, *х*: *глухий, строгий, великий, долгий*. На письме *-ый*, *-ий* держатся до сих пор, причем оказывают влияние и на произношение. Несомненно, что многие говорящие литер. языком произносят в неударяемых слогах *-ый*, *-ий*, т. е. говорят *старый, добрый*, и не

старай, добрай. В этом не трудно убедиться, наблюдая произношение тех, кто после *k, г, х* употребляет окончание *-ий*, а не *-ай*; в среде книжно образованных людей нередко можно услышать произношение *крепкий, великий, убогий, строгий, безухий.* Такое произношение возникает под влиянием письма, но возможно, что оно держалось в литер. речи непрерывно.

В общеславянском праязыке ъ̂ и ь̂ напряженные были сильными только в положении перед слогом с *i̯* неполного образования из jь или ii, а также под ударением в начале слов; вообще же, т. е. в положении перед слогом с гласною полного образования, они были слабыми. В старославянских, а затем и в древнерусских памятниках слабые ъ̂ и ь̂ напряженные изображались буквами ꙑ и и: оумꙑѥтъ, пролиѥмъ, пѣниѥ, листиѥ. С течением времени и притом в ту же эпоху, что слабые ъ и ь ненапряженные, исчезли из произношения ъ̂ и ь̂ слабые напряженные во всех наречиях русского языка (следовательно, начиная со второй половины XII в.). Таким образом, явились сочетания согласная + i̯ + гласная в живом произношении: *лист'i̯е, кост'i̯у, лод'i̯а, бел'i̯о* и т. п. В украинском *i̯* в таком положении перешло в j и затем ассимилировалось предшествующей согласной (ср. украинск. *життя* из *жит'jа, жит'i̯ä*). Но в великорусском i̯ держится до сих пор. В церковнославянском произношении, где, как мы видели, слабые ъ и ь после выпадения их в живом языке, продолжали произноситься как *о* и *е*, с л а б о е ь̂ (и з о б р а ж а в ш е е с я н а п и с ь м е к а к и) п р о д о л ж а л о п р о и з н о с и т ь с я как *и*, следовательно, *пение, воскресение, отдание, нощию, печатию, братия;* поэтому в церковнославянском — *братия* в три слога, а в живом народном произношении *брат'i̯а* (писалось братья) в два слога. Такое церковное произношение объясняет нам, почему до сих пор держатся у нас написания с *-ия, -ию, -ие — пение, изображение, восклицание, келия, чтение* и т. п.[1]. Возможно, что и в произношении некоторых образованных людей держатся двусложные окончания *-ия, -ие, -ию*; эти окончания привились и к словам, заимствованным из иностранных языков: *партия, провизия, компания*; ср. окончание *-ыя* после *ц*, напр., в *лекцыя, порцыя, конституцыя.* Произношение с *и* слоговым вызывает в некоторых производных сочетание *-ий*, а не *-ей*, которое явилось бы при коренном слове с неслоговым i̯ (ср. *скамья — скамейка, ружье — ружейный, армейский, компанейский*); так, находим прилагательные: *орудийный* (указывает на четырехсложное *орудие*), *партийный*. Возможно, что церковнославянским произношением

---

[1] Ломоносов различал слова на -ие и -ье: *здание*, но *копье* (kopьio), ср. § 155 и 156 Гр.

является: *сию, сиять, пиявка, лияло, влиять* (*приятель?*), также сохранение *-ий: убийца, убийственный*, прилаг. *английский, итальянский, австрийский; Россия, Мария*.

10. Формы прилагательных в род. *единственного*, в именительном-винительном *множественного* и др.

Окончанием род. ед. мужеского и среднего рода прилагательных в церковнославянском языке было *-аго*, между тем как еще в общерусском праязыке утвердилось окончание *-ого*. Что *-аго* проникло и в разговорную речь образованных классов, можно заключить между прочим из того, как упорно держится *-аго* на письме до сих пор; теперь[1] мы его пишем только в неударяемых слогах, но еще очень недавно писали: *другаго, втораго, большаго* (но произносили, конечно, *другово, второво, большово*). Быть может, указанием на *-аго* в живом произношении могут служить и некоторые фамилии, повидимому, свойственные первоначально духовной среде: *Живаго, Мертваго, Белаго*.

Общеславянское носовое *ѣ* (*іе* носовое), являвшееся в некоторых грамматических окончаниях в основах на мягкую согласную в соответствии с окончанием *-ы* в основах на твердую согласную, в общерусском праязыке перешло в *ѣ*, ср. общую утрату гласными их носового свойства в этом языке: род. *еѣ, моеѣ, доброѣ, душѣ, волѣ* и т. д. Написания с *ѣ* находим в русских памятниках, начиная с XI в.; *ѣ* держится до сих пор в украинском, где заместителя *ѣ*, звук *і*, находим в формах род. *душі, еї* и т. д. В древнеболгарском языке носовые гласные сохранялись, сохранялось и носовое *ѣ*, совпав с носовым *е* в одном звуке (ѧ): ср. древнеболг. доушѧ, ѥѩ, добрꙑѩ. В русском произношении церковнославянского языка всякое носовое *е* передавалось звуком *а*: свѧтъ произносилось свꙗтъ, тѧбло — тꙗбло. Поэтому как *а* произносилось и то носовое *е*, которому в живом языке русском соответствовал звук *ѣ*: р. ед. дѹшꙗ моѥꙗ, ѥꙗ, отъ дѣвицꙗ и т. д., ср. подобные написания в памятниках. Конечно, это произношение перешло и в речь образованных классов, но с течением времени оно было вытеснено русскими (великорусскими) окончаниями на *-и, -й*: от *души, моей, доброй*. Вместо *еѣ, самоѣ, моеѣ*, в результате известного сложного процесса, явилось *её, моеё, самоё*; это живое произношение вытеснило искусственное, книжное произношение *ея, моея, самоя*. Дольше всего держалось *а* в *ея*; на письме оно сохраняется до сих пор,[2] проникая в произношение книжно образованных людей, усваивающих себе письменное изобра-

---

[1] До реформы орфографии 1918 г. (Ред.).

[2] Т. е. в орфографической системе до реформы 1918 года. (Ред.)

жение и не считающихся с живым господствующим произношением. Несомненно, что таково же происхождение орфографического *я*, в окончании им.-вин. мн.;[1] теперь по произволу теоретиков окончания *-ыя, -ия* употребляются в женском и среднем роде, но на самом деле *-ыя, -ия* в церковнославянском языке на Руси заменило и окончание им.-вин. мн. мужеского рода (древнеболг. ии им., ыѩ, иѩ[2] вин.), и окончание им.-вин. ж. р. (древнеболг. ыѩ, иѩ)[2] и окончание им.-вин. среднего рода (аꙗ, ꙗꙗ), под влиянием русской замены формы им. мн. (мужеский род) формой вин. мн., а также утраты самостоятельных окончаний во мн. числе прилагательных среднего рода; теперь орфографическое *добрыя* им.-вин. женского и среднего рода мы произносим так же, как *добрые* им.-вин. мужеского рода (*добрыје, добрыи*).

Общеславянское сочетание *і̯ь* в сильном положении (перед слогом с выпавшими впоследствии *ъ, ь*) перешло, повидимому, еще в общеслав. эпоху в *і*, между тем как в слабом положении оно изменялось в *і* неполного образования: общеслав. јаі̯сь, јаі̯с'е, dostoinъ, moі̯. В русских наречиях такое *і* полного образования под влиянием аналогии (напр. влияния окончаний -en, -ес' из ьnъ, ьс'ъ на окончание -in, -іс') заменялось звуком *е*, ср. диалект. великорусское, а также украинское и белорусское *яец, яешница*, также *троеk, троечка, споkоен*, р. мн. *воен, боен, боец*, им. *боеk*, р. мн. *kоеk*, прил. *kоечный, перешееk, раёk, паёk, хвоеk* и т. д. Древнее *і* находим напр. в *изба* (истъба из *і̯ьстъба*). Там, где в современном литер. языке является в указанных суффиксах *и* (*-ин, -иц*), это *и* может быть объяснено как церковнославянизм: им. ед. *воин* (ср. также в род. *воина* — трехсложное вместо ожидаемого неизвестного *война*), *достоин, троичная* ипостась, *таинство, таинственный, воинство, воинственный, воинский, взаимный.*

11. Элементы церковнославянского словообразования.

К словообразовательным суффиксам церковнославянского происхождения относится, как кажется, *-тель*; повидимому, он вообще чужд русскому языку (ср. то же в других славянских языках: словенском,

---

[1] Имеются в виду написания названных форм прилагательных (также местоимений, числительных и причастий) по старой орфографии — на *ые, -іе* в мужеском роде, на *-ыя, -ія* в женском и среднем роде. Реформой орфографии 1918 г. для этих форм узаконено независимо от рода одно окончание *-ые, -ие*. (Ред.).

[2] Очевидно, имеется в виду образование от таких прилагательных, как божии и под. Форма вин. мн. мужеского рода и им.-вин. мн. женского рода от них действительно образуется на -иѩ (божиѩ). Между тем те же формы от прилагательных типа тꙑштъ, тꙑштии образуется на -ѧ, ѩѩ (тꙑштѧ, тꙑштѩѩ). (Ред.)

болг., сербо-хорв.), хотя, впрочем, *житель* и древнее *волостель* слова русские. С уверенностью признаем за церковнославянские слова: *предатель, хранитель, властитель, учредитель, потребитель, распространитель, упразднитель, пленительница,* с вероятностью: *учитель, мучитель, знаменатель, утешитель, почитатель, покровитель, носитель, повелитель, гонитель, расточитель, сеятель, исцелитель, ценитель, правитель, попечитель, проситель* и т. д. В морфологии доказываю, что слова *учитель, смотритель* (ср. мн. *учителя, смотрителя*) заимствованы; быть может, также и *приятель, приятельница, учительница.* Равным образом церковнославянскими признаем образования на *-тельный (-ительный, -ательный): страдательный, восхитительный, мучительный, растительный, поразительный, увлекательный, омерзительный, огласительный, оздравительный;* простор.: *пользительный;* существительные на *-тельность: расточительность, признательность, растительность,* на *-тельство: учительство, правительство, предательство.* — Далее церковнославянским является суффикс *-ствие: бедствие, царствие, содействие, лицедействие, странствие, путешествие, бесчувствие, сочувствие.* — Русские слова с суффиксом *-ство* имеют, повидимому, ударение на нем: *родство́, свойство́, скотство́, озорство́, баловство́, плутовство́, хвастовство́;* слова с ударением на корне можно частью признать церковнославянскими: *ца́рство, сво́йство, уро́дство, бога́тство* (слово *богат* церковное, как видно из господствующего произношения с γ), *госпо́дство, бра́тство, непотре́бство, сре́дство;* во всяком случае церковнославянскими должны быть признаны слова на *-ество: качество, множество, убожество, человечество, рождество́, есте́ство́* (о чем сказано было выше). Церковнославянскими являются образования на *-енство* (по-русски было бы: *-ёнство*): *главенство* (из *главьньство*), *духовенство, степенство* (из *степеньство*), *отщепенство.* — Образования с *-ес* церковнославянские: *телесный, небесный, словесный, древесный, телеса́* (в значении полного тела), *чудеса, чудесный.* — Вероятно, церковнославянскими надо признать и слова на *-е́ние, -а́ние: уче́ние, лече́ние, страда́ние, пение, горение, сожаление, повеление, устрое́ние, упое́ние, воспитание, расте́ние, воспале́ние, загражде́ние, освеще́ние, запрещение, учрежде́ние;* в русском языке вместо *-е́ние, -а́ние* находим *-еньё, -аньё: спаньё,* диалект. *пеньё, введеньё,* или еще *-анье, -енье* с ударением на предшествующем слоге: *ка́танье, гла́женье, сва́танье, бра́танье;* слова, как *варе́нье, пече́нье, проща́нье, ката́нье, гуля́нье,* конечно, русские, но они не имеют уже значения отглагольных существительных, а если получают, то под влиянием книжным. — Мы говорили выше, что причастия наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованиями, ср. форму их окончаний: *-ащий, -ущий.*

Но также признаем церковнославянскими причастия страд. на *-нный*; по самой форме эти причастия обличают свое церковнославянское происхождение; древнейшие примеры причастий на *-аньный*, *-еньный* находим в церковнославянских памятниках. Русские причастные формы на *-ный* не имеют значения причастия, это прилагательные; ср. *мощоный, тканый, печеный, топленый, мазаный, ушоный, точоный, верченый, сеяный, веяный, холеный, воженый, засиженый, замараный, стираный, писаный*. Причастия страд. производятся от глаголов совершенного вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на *-нный: расписанный, размазанный, вымощенный, натопленный, отвязанный, запаханный, размороженный, утверждённый, запрещенный, учреждённый, загрязнённый, расположенный* и т. д. Разумеется, в разговорной речи, как видно из примеров, такие причастия производятся и от чисто русских слов, но, напр., *запаханный* остается таким же церковнославянизмом, как *пашущие, замороженный*, как *хоронящий*. И от глаголов несовершенного вида могут быть произведены причастные формы на *-нный: виденный, слышанный*. — Причастия на *-вший*, *-вшийся* также признаем церковнославянскими образованиями, ибо русский язык утратил склоняемое причастие нестрад. залога и заменил его деепричастием; поэтому церковнославянизмы: *видевший, игравшая, пахавшие, вернувшийся, взволновавшееся, простившая* и т. д. — Русский язык утратил также склоняемые формы степеней сравнения; в современном разговорном языке их и нет, но здесь сохранились склоняемые формы превосходной степени: *умнейший, добрейший, милейшие, любезнейшая, кратчайший, высочайший, широчайший, мельчайшие* подробности, *сильнейшие* боли — это все церковнославянизмы; *меньшой, большой* без оттенка сравнения — русские слова, но *меньший, бо́льший* — церковнославянские; также *лучший*.[1]

Русскими признаем только краткие формы со значением наречия или прилаг.-сказуемого: *сильней, короче, тяжеле, веселей, глубже, шире*. То обстоятельство, что *умнейший* является в народной речи формою чуждою, книжною так же, как причастия, напр. *богатеющий, стареющий*, объясняет, почему вместо *умнейший* и т. п. употребляется в народной речи *умнеющий, богатеющий, сильнеющий* в значении, однако, очень умный, богатый, сильный без оттенка сравнения. — Слова с *вы-* — русские: *выдать*, а *издать* — церковнославянское, *выход*, но *исход*, *вытекать*, но *истекать*, *вымерить*, но *измерить*, но, конечно, среди них есть и русские: *избить, исполосовать, испачкать; вынуть*, но *изъять*, *вылить*, но *излить*, *вычислить*, но *исчислить*.

---

[1] Ломоносов, § 215 Гр., признает рассудительную и превосходную степени на *-шій* славенскими: *далечайшій, свѣтлѣйшій, высочайшій*.

12. Церковнославянская лексика.

К числу остатков церковнославянского языка в нашем разговорном и литературном языке относятся многие глагольные образования с многократным значением. Они обнаруживаются уже известными нам признаками, напр., наличностью *жд* в соответствии с коренным *д* или *щ* в соответствии с *т*: *присуждать, убеждать, побеждать, заграждать, запрещать, защищать, посещать* и т. д. (см. более подробные перечни выше). С уверенностью относим сюда и те формы, где в соответствии с коренными *k, г* глаголов немногократных является *ц, з*: *восклицать* при *воскликнуть, проницать* при *проникнуть* (ср. русск. литер. *проникать*), *бряцать* (при *брякнуть*), *отрицать, порицать*, также *созерцать* (ср. *k* в *зеркало* при церковнослав. *зерцало*), *осязать*. Возможно, что русский язык имел некогда подобные образования, но он устранил в них *ц, з* звуками *k, г*, подобно как в великорусском *ц, з* в повел. наклонении, а также в формах склонения заменены были по аналогии звуками *k, г* (*пеки*, не *моги*, на *пороге*, в *куске* и т. п.). В этой замене сказалось бы стремление сблизить коренную часть глагола несовершенного или многократного вида с коренною частью соответствующего глагола совершенного или немногократного вида. Ср. с этим вытеснение в русском языке звуков *а* и *ѣ* звуками *о* и *е* в случаях, как *прилетать* вместо *прилѣтати*, ср. *прилететь, притекать*, ср. *притеку*, *отворять* при *отворить*. Впрочем, неясно, можно ли русские *отворять, провожать, рожать, прощать, опережать, переделять, угощать, наклонять, загонять* и т. п. возводить к *отворяти, провожати, рожати* и т. д. Повидимому, глаголы на *-ати* в древнем языке перенесли ударение на коренную гласную под влиянием ударения форм настоящего времени, которые, как показывает сербский язык, еще в общеславянском праязыке имели ударение на корне, по крайней мере в формах со стяженными окончаниями (*-ашь, -ать, -амъ, -ате*); поэтому древнерусск. *упра́шашь, упра́шамъ* и отсюда *упра́шати*; на это указывает ударение в *упра́шивать, проха́живаться, уха́живать, зана́шивать, забра́сывать, усва́ивать, прикра́шивать, заку́сывать, высу́шивать*. Поэтому глаголы *полага́ть, каса́ться* с сохраненным в них *а* признаем церковнославянизмами; в русском они неминуемо перешли бы в **пола́гивать, *касываться*. Различие между *родить — рожать* и *упроси́ть — упра́шивать*, следовательно, между родити — рожа́ти, просити — пра́шати, сводится к тому, что в древнем языке рожати в настоящем времени спрягалось рожаю, -є́шь, -є́ть, а пра́шати спрягалось (прашамь), пра́шашь, пра́шать, что является стяжением из прашаашь, прашаать, ср. старослав. имаамь, имаашн (любопытно ударение *и́мамы* в церковнославянском). Церковнославянскому

языку и в древнейшие эпохи его существования были чужды образования пра̀шаамь, пра̀шаашн, пра̀шаатъ; они заменились через праша̀ю, праша̀ешн, праша̀етъ. Отсюда различие русских образований, как *отворотить* — *отвора́чивать*, *прикра́сить* — *прикра́шивать* (согласно предыдущему из **прикра́шать*) и церковнославянских, как *украсить* — *украша́ть*, *отвратить* — *отвращать*. В виду этого наше *провожа́ть* едва ли не церковнославянское образование (надо было бы ожидать *провождать*, ср. *сопровождать*), ср. *провамивать*, *выпроваживать*; также *угрожа́ть*, ср. русск. *угра́живать*, *уснаща́ть*, ср. *усна́щивать*, *вытравлять*, ср. *вытра́вливать*, *ссужа́ть*, ср. *ссу́живать*, *разъясня́ть*, ср. *проясни-вается*, *наруша́ть*, ср. *обру́шиваться*.

Кроме указанных слов и форм, обличающих своею внешнею формою свое церковнославянское происхождение, можно указать еще ряд слов, самое значение которых и культурная история доказывает тоже их церковнославянское происхождение. Таковы, напр., слова *кади́ть*, *внеза́пно*, *стезя́*, *о́браз*, *це́рковь* (склонение *церквам*, *церквах* сохранило церк. окончание, ср. русск. *церквям*, древнерусск. дат. мн. свекровемъ), *хору́говь*, *бу́ква*. Последние слова заимствованы из германского. Отнесем сюда же ряд греческих слов, проникших в наш язык через посредство цековнославянского: *пономарь* (из *парамонарь*), *пресвитер*, *мона́х*, *монасты́рь*, *ке́лия*, *архиерей*, *иерей*, *епископ*, *епитрахиль*, *епитимья*, *е́ресь*, *ерети́к*, *крова́ть*, *гра́мота*, *поп*, *диакон*, *дьяк*, *подьячий*.

Из предложенного обзора церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном своем составе он по крайней мере на половину, если не больше, остался церковнославянским. Как мы видели, он пользуется церковнославянскими элементами и при грамматических образованиях от русских корней: ср. причастия на *-ущий*, *-ащий*, напр. *стерегущий*, *ворочающий*, *молотящий*, причастия на *-вший*: *моловший*, *стеревший*, *говоривший*, причастия на *-нный*: *пересланный*, *укороченный*, *убережонный*, превосх. степень прилагательных *прямейший*, *холоднейший*, *прехорошенький*. В подобных образованиях видим наличность в одной форме и русского и церковнославянского элемента. Еще обычнее вторжение русского элемента в исконно церковнославянское слово: ср. ***перебраниваться*** (подчеркиваю русские элементы), *обезвре**живать***, *со**товарищ***, *вы**трезвлять***, ***человечество***, *во**человечение***, *прегражу*, *поврежу*, *здравие* (не *содравие*).

Впрочем, в области морфологии церковные элементы могут быть обнаружены еще в некоторых окончаниях: *-а* вм. *-у* в родительном. Наши *вкуса*, *предмета*, *разговора*, со *страха*, из *гроба* и т. д. едва ли не под церковнослав. влиянием.

Глава II.

ЮЖНОРУССКОЕ ВЛИЯНИЕ.

Церковнославянский язык был перенесен в России прежде всего на южнорусскую почву в Киев. Правда, Новгород крестился одновременно с Киевом, но он в умственном, литературном отношении находился в прямой зависимости от Киева и долгое время не имел в этом отношении самостоятельного значения. Конечно, в Новгороде, как и в Смоленске и в Ростове, переписчики церковнославянских текстов вносили в них вместе с руссизмами и свои местные диалектические особенности, но не эти вольности переписчиков определяли жизненные явления в церковнославянском языке на Руси. Явления эти определялись в Киеве. Если диакон Григорий, работавший в Новгороде над перепиской евангелия для посадника Остромира, позволял себе в виде общего приема смешивать юсы с буквами ꙗ, а, ѹ, ю, систематически заменял ѣ через ꙗ в словах как камѣнꙗ, прѣмо, писал ьр, ър, ъл вместо рь, ръ, лъ оригинала и т. п., — это зависело от того, что подобные приемы выработались уже в Киеве, в школе киевских грамотеев. Усвоивая себе церковнославянское произношение, новгородское духовенство подражало при этом киевскому, в общем не имея возможности учиться непосредственно от болгар. Если предположим, что уже в XI в. *ѣ* звучал в Смоленске как монофтонг, то возможно, что болгарское *ѣ* (=ä) смольняне передали бы своим звуком *ѣ*; но они передают его, как и киевляне (у которых *ѣ* был дифтонгом *іе*, далеким по звуку от ä), через *е;* так же передают его новгородцы, от чего зависит смешение букв *е* и *ѣ* в древнейших новгородских памятниках (между тем звуки *е* и *ѣ* продолжали различаться еще долгое время). Произношение церковнослав. языка в устах киевлян приняло ряд типических (не общерусских) особенностей южнорусского наречия. Так, звук *г*, в древнеболгарском звучавший как звонкая мгновенная согласная, систематически заменялся в киевском произношении через γ (h). Доказательства, что *г* на всей Руси в церковном языке произносилось как γ (h), у нас налицо: до сих пор некоторые священники, читая евангелие и произнося церковные молитвы, систематически произносят *г* как γ (h): *ноγа, γрад, γробех, γлас, γолубь* и т. д.; еще распространеннее произношение *г* как γ (h) в окончании род. пад. местоимений и прилагательных: *тоγо, святаγо, моеγо, добраγо, слепаγо, живаγо.* Считаю вероятным, что церковнославянский, ставши разговорным, сохранял такое γ и в северновеликорусской области, народным говорам которой в большинстве чуждо γ вообще, а в частности и в род. падеже (где оно заменено через *в*). Следовательно, и в Москве говорили в книжной речи: *ноγа, γрубый, друγа, γонитель* и т. п. Это

видно, во-первых, из того, что в книжной речи (независимо от позднейшего влияния южновеликорусских элементов) долгое время держалось произношение *друх, врах, сапох, нох.* Ср. свидетельство Ломоносова, Востокова. В одном ответе на программу для собирания особенностей великор. говоров сообщается, что в среде духовенства до сих пор держится такое произношение.

Во-вторых, несколько слов современного литер. языка сохранили γ до сих пор: это слова по преимуществу церковные, вошедшие с церковным произношением и в народный язык, между прочим и в московское наречие: *бох,* род. *боγа, γосподь,* а также еще слова *боγатый* (очевидно, неизвестное в народном языке), *γосподин,блаγо, блаγородный, блаγоразумный* и т. д. В древности также произносилось *γосударь,* что видно из параллельного произношения *осударь,* ср. *осподь* при *γосподь,* очевидно, через посредство *ћосподь, ћосударь.* В-третьих, произношение сочетаний *ге, ги* в словах иностранных, как *јермания, јенерал, јерой* свидетельствует также о том, что *г* произносилось как γ; эмансипацию от такого произношения видим в устаревшем, но еще не так давно распространенном произношении ǵenvaŕ вместо jenvaŕ (январь), такое же ji являлось и в книжном, а по происхождению южнорусском, произношении слова kńajińa, ср. написания *кнıиня* в памятниках XV—XVIII вв. Отметим, что в церковном произношении je, ji могло являться и независимо от украин. влияния на месте правописных *ге, ги* в словах греческого происхождения, в виду того, что в среднегреческом γε, γι произносились как je, ji, ср. *Егор* вместо и при *Георгий.*

Другим случаем южнорусского влияния на церковное произношение является наше простонародное *кстить, окстить, кстины.* На великорусской почве крьстити не могло бы перейти в *кстити,* ибо на месте общеславянского сочетания *ръ̥* после согласной в севернорусском и восточнорусском неизменно является сочетание *р* + сильное ь̂, а сильное *ь* переходило по общему правилу в *е.* Между тем в южнорусском *ръ̥, лъ̥, ръ̥, лъ̥* в слабом положении переходили также в сочетания *р, л* + сильные ь̂, ъ̂; сильные ъ̂, ь̂ по общему правилу переходили в *ы, и* в южнорусском (ср. переход общерусского dobrъ̂i, откуда великорусское dobroi̯, в южнорусском в dobryi̯), но кроме того они имели при себе сочетания *ръ̥, ръ̥, лъ̥, лъ̥* со слабыми ъ̥, ь̥ и неслоговыми *р, л,* возникавшие под влиянием аналогии сочетаний *рь, ръ, лъ, ль* с сильными *ъ, ь* и неслоговыми *р, л* в сильном положении. Тогда как в южнорусск. при dr̥ъ̥vá, kr̥ь̥sta, kr̥ъ̥vi, sl̥ь̥za издавна существовало произношение drъ̥va, krь̥sta, krъ̥vi, slь̥za (под влиянием drъvъ̥, krъvь̥, slьzъ̥, krьstъ̥), в севернорусском и восточнорусском наречии такое параллельное произношение было неизвестно; dr̥ъ̥va, kr̥ь̥sta, kr̥ъ̥vi,

sl̥ьza фонетически изменились в севернорусском и восточнорусском в drova, kr̂esta, k̂rovi, sl'eza, в украинском в *криста, крыви, слиза.* Но, кроме того, в южнорусском явились неизвестные в других русских говорах *дрва, крста, крви, слза;* такое произношение засвидетельствовано и современными говорами и памятниками. Отсюда видно, что *кстить, кстины, водокща* могли фонетически явиться только в южнорусском. Появление их в великор. наречиях объясняется заимствованием из церковного языка, который, в свою очередь, получил их из южнорусского.

Возможно, что произношение *позволить, дозволить, вызволить* возникло в книжном языке также под влиянием южнорусского; южноруссы произносили *поизволить — пойзволить;* дальнейший пропуск *й* перед группой согласных явился уже на великорусской почве; ср. произношение *пожалуста* вместо *пожалуйста.*

Глава III.

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ, ПРОНИКШИХ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

В этой главе я не касаюсь тех заимствований, которые вошли в литературный язык вместе с его церковнославянской основой; об этих заимствованиях из греческого языка я говорил выше; они неотделимы от церковнославянизмов. Равным образом оставляю в стороне заимствования из финских, тюркских и других языков, которые вошли в литер. наречие вместе с другими русскими элементами из живой среды окружавших его русских говоров (имею в виду такие заимствования, как *толокно, лошадь, утюг, кушак, башка, ковш, ендова, кувшин, курган, аргамак, армяк*): эти заимствования неотделимы от русских элементов с точки зрения литер. языка. Я имею в виду те заимствования, которые вошли в литер. язык, минуя и церковнославянский язык и русские наречия, и укоренившись впервые в языке книжном, стали фактически или потенциально достоянием великорусского языка вообще, великорусских говоров, заимствующих эти слова вместе с другими книжными элементами из литер. языка. Подобные заимствования почти все проникли в наш литер. язык вместе с культурными влияниями Западной Европы, начиная с XIV в. Сначала главным источником заимствований был греческий язык, влиявший на наш литературный и непосредственно, благодаря оживившимся сношениям с Византией в XIV—XV в., и посредством южных славян. Вероятно, можно указать ряд греческих книжных слов, перешедших в русский церковнославянский язык и неизвестных в древнем болгарском языке: ср. (*Россия*), *лагун* (корыто, бочка, кадь) из λάγυνος, *ли-*

тавры из **πολυταυρέα*, *лавр* из λαβρος, *корман* из κορβανᾶς, *скрыня, скринька* из σκρίνα, σκρίνιον, *фонарь* из греч. φανάρι. Позже, когда мы вошли в непосредственные сношения с Западной Европой, к нам хлынуло много романских слов через посредство итальянцев, немцев, поляков; в числе их были и латинские слова. В XVII в.: *оптека, персона, майстер, магистр, гарнец* (польск. garniec). В XVII в. видим уже значительное число заимствований из германских языков, в особенности для выражения понятий в разных областях техники. При Петре Великом вместе с новыми, иноземными понятиями вторгается весьма много западноевропейских слов. Поляки играли здесь, как и раньше, довольно значительную роль в смысле посредничества (напр. *музыка* несомненно от поляков, а не прямо с немецкого или французского, также *цырульник, мизерный*). С польского *писарь, лекарь* (как показывает их ударение); *опека*; м. б., *офицер* своим ударением во мн. свидетельствующее об *офицер*; *мешкать, банка* (польск. banka) и др. Приведу несколько примеров для слов иностранного западноевропейского происхождения, существовавших уже при Петре Великом: *атака, ассигновать, ассамблея, аудитор, баланс, багинет* (польск. bagnet, фр. baionette), *базаменто* (ит. basamento, сплошной пьедестал), *балбер* (польск. balbierz из нем. Barbier), *бруствер* (нем. Brustwehr: ограда для прикрытия), *рецидив, принцип, трактир*. (См. Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Спб. 1910.) В течение всего XVIII в. прилив французских и немецких слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначащие или почти равнозначащие синонимы; в светском обществе явилось стремление отделиться от простонародного, избегать «подлых», т. е. обыденных, простых выражений, заменяя их более вычурными и прежде всего иноземными. Ср., напр., в конце XVIII в. слова, как *резон, консидерация, натура, вояж*. В XIX в., благодаря более национальному и вместе с тем более демократическому направлению в литературе и просвещении, излишним заимствованиям в области обыденных понятий кладется предел, но зато успехи научной и политической мысли, самостоятельные работы в относящихся сюда областях, вызывают необходимость в постоянном пополнении языка новыми заимствованиями из западноевропейских языков. Если примем во внимание научные термины в области естественно-исторических наук и прикладных знаний, то число иноземных слов, вошедших в русский язык, доступных употреблению в русской речи, окажется едва ли меньшим, в особенности в литер. речи, содержащихся в ней русских и церковнослав. элементов. Каждому из нас знакомы в известной сте-

пени эти иностранные слова, вторгшиеся в русский язык; не буду приводить для них примеров.

Таким образом, в области лексики, благодаря заимствованиям из западноевропейских языков, литер. язык наш по сравнению даже с XVII в. совершенно преобразился. Оказали ли, однако, иноземные языки влияние на другие стороны языка, на его фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис? В области синтаксиса издавна уже отмечалось наблюдателями значительное число галлицизмов, т. е. оборотов, заимствованных из французского языка; много галлицизмов было забыто, оставлено, но некоторые сохранились до сих пор. В словообразовании отметим, напр., заимствование глагольного суффикса *-ир-* (русск. *-ировать*, *-ирую*), причем он присоединяется иногда уже на русской почве к иностранным корням: *агитировать*, *препарировать*, *специализироваться*, *пропагандировать*, *руссифицировать* и т. д.; отглагольные существительные на *-ация*: *руссификация*, *специализация*, *провокация*, *фиксация*, *денационализация*, *полонизация*, *германизация*. Слово *выглядеть*, *выгляжу*, *выглядит* оказывается русским переводом немецкого aussehen, sieht aus, причем наш глагол, несмотря на свое сложение с предлогом *вы*, сохранил значение несовершенного вида (под влиянием немецкого). Выражение *имеет быть*, *имеют явиться* едва ли не с польского (Овс.-Кул., стр. 117). В области морфологии едва ли может быть обнаружено иностранное влияние. Ломоносов (Гр. § 216) признает превосходные с приложением *наи* новыми, с польского языка взятыми: *наилутчий*, *наичистейший*, и говорит, что они российскому слуху неприятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядом новых звуков, что зависит отчасти от того, что иностранные слова произносятся многими по-иностранному. Ср., напр., появление в иностранных словах сочетаний твердая согласная с звуком *е*; произношение *тэма*, *профэсор* или *прафэсор* довольно обычно у представителей образованных классов. Вообще иностранное *ц* перед *и*, сохраняя свою твердость, превращает *и* в *ы*: *цырк*, *цыфра*, *порцыя*, *лекцыя*, но нередко услышим и сочетание *ц* твердое + *и*: *циркуль*, *Цицерон*. Вместо *-цыя* в словах, как *лекцыя*, *Турцыя*, известно и *-цја*: *лекцја*, *Турцја*. Кроме того, многие заменяют *-цыя* сочетанием *т'ја*, *т'ịа* и произносят *нат'ịа* вместо *нацыя*, смягчая и предшествующие *т* согласные, напр. *Фран'т'ịа*, *стан'т'ịа*. Обычно сочетание *ри* после согласных: *принц*, *принцип*, но рядом и *ры*: *прынц*. Некоторыми произносится ӥ в словах как *брошӥра*, *бӥвар*, *бӥро*. В последнем слове слышится по французскому произношению напряженное (закрытое) *о*: *бӥрó*, ср. то же в *д'епó*. В словах *финансы*, *авансом*, *провеансы* нередко вместо *ан* носовое *ą*: *финąсы*, *авąсом*. Двойные согласные: искусственное *аллея*.

Глава IV.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

Как ясно из предыдущего, все русские элементы нашего литер. языка должны быть признаны великорусскими, в частности московскими. Лишь кое-что перешло в него из отдаленных эпох украинское. Но широкое распространение литер. языка на всю область, занятую великоруссами, вторжение путем печати, школы, администрации также и в белорусскую и украинскую области сделали наш литер. язык достоянием людей разнообразных наречных групп. Говоря литер. языком, как своим родным, уроженцы местностей более или менее отдаленных от Москвы, а в особенности те, которые научились литер. языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт. Севернорусы с трудом привыкают к аканью, произнося по-старинному *о*, где того требует этимология, на месте московского *а*: *горá, ногá, головá*. Южновеликорусы упорно сохраняют *х* в конце слов на месте этимологического *г*, хотя сравнительно легко (в виду того, что это свойственно и местным южновеликорусским говорам) отделываются от произношения *г* как фрикативной согласной: *друх, сапох*. Гораздо реже услышим в говоре образованных людей *т'* в 3-м л. ед. и мн., как южновеликорусск. черту: *идёт', шумит', сидят'*. Украинцы, говоря на литер. языке, не могут отделаться от звонких шумных согласных в конце слова (такое произношение свойственно преимущественно восточно-украинским говорам): *суд, мёд, народ*; с трудом они избавляются от фрикативного γ или h на месте *г*: *γорá* (*hорá*); *в* в конце слога они произносят как *ў*: *роў, kроў, останоўkа*; так же, как севернорусы, не всегда поддаются аканью: *γорá* (но и *γарá*); не всегда смягчают согласные перед *е*: *сэрце*. Белорусы также удерживают γ на месте *г*, произносят *в* в конце слога как *ў*; кроме того с трудом отделываются от твердого *р* на месте мягкого: *бýра, царá, старыk*; стремясь произнести в таких случаях мягкое *р*, они впадают иногда в ошибку, заменяя и исконно твердое *р* мягким: *kрясный* как *ряk*; мягкие *т* и *д* они произносят с легкой ассибиляцией: *цихо, дзень* и т. д. — Об этих диалектических особенностях в речи говорящих литературным языком мы будем говорить и дальше. Нам придется упомянуть не один раз в дальнейшем изложении о тех разновидностях, которые с трудом приурочиваются к той или другой диалектической области; сюда относятся, напр., диалектическое смягчение губных перед мягкими зубными (*зем'лю, дерев'ня* вместо обычного и московского произношения *землю, деревня*), отвердение губных в конце слова: *сем, любоф, голуп*; отвердение губных перед мягкими средненёбными соглас-

ными: *немки, крепкие, дефки, лафки, рюмки* (вместо обычного и моск. произношения *нем'ки, креп'кие, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки*); отвердение *р* перед твердыми губными и задненёбными: *первый, серп, зеркало, церкофь, верх* (при моск. *пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х*), причем нередко колебание в пределах индивидуальных говоров (*первай, серп, зеркало, черпать, смеркнуцца, верба*, но *цер'коф', вер'х, четвер'к*); отвердение зубных перед мягкими губными: *Тверь, дверь, двинут'* (вместо более обычных *Т'вер', д'вер', д'винут'*); смягчение задненёбных, переход их в мягкие средненёбные перед мягкими зубными: *лех'че, век'сель, протек'т'ia* (вместо более обычных *лехче, вексель, протекцыя* или *протекцјя*); произношение *щ* как *ш'ч'*, вместо более обычного произношения как *ш'ш'*: *веш'ч'и* (а по-московски *веш'ш'и*) и мн. др.

Глава V.

ОБ АРХАИЧЕСКОМ И ИСКУССТВЕННОМ ПРОИЗНОШЕНИИ.

Литер. язык, как всякий вообще письменный язык, менее подвержен изменениям сравнительно с живыми народными говорами в особенности относительно, если принять во внимание, с одной стороны, подверженность литер. языка многочисленным диалектическим и иноземным влияниям, а с другой — изолированность того или иного народного говора. Традиционное произношение выдерживается строже в литер. языке, частью благодаря более строгим требованиям со стороны общественной среды, а частью благодаря влиянию школы; последнее влияние тесно связано вообще с влиянием письменного изображения звуков на их произношение. Выше мы указывали уже на такое влияние: ср. книжное и искусственное произношение: от *нел*, у *нея*. Иногда письменное изображение действует не консервативно, а напротив разрушительно: знакомясь из книг, газет, объявлений со словами *жесты, атлет*, русские люди читают их как *жосты, атлёт* (ибо *же, ле* можно прочесть не только как *же, ле*, но и как *жо, лё*, ср. *жесткий, полет*).

Влиянием традиционного произношения, частью поддержанного книжными написаниями, объясняются некоторые колебания в произношении тех или иных звуковых сочетаний в литер. языке. Так сочетания *чн* в ряде случаев произносятся как *шн*: *молошный, прачешная, скушно, коришневый, грешневый, подсвешник, конешно, шутошный, крошешный, горячешный, порядошный, лубошный*; но вместе с тем в ряде других случаев держится *чн*: *прочный, точный, восточный, замочный, речной, мелочной, печной, безупречный, подвенечный, огуречный, проточный, встречный, удачный, поперечный* и т. д. Принимая

во внимание, что в церковнославянских словах держится исключительно *чн* (*млечный, мрачный, вечный*), можно думать, что вообще *чн* — это книжное, церковнославянское произношение, а *шн* — русское, народное; но *чн* привилось и к русским словам, ср. *удачный, дачный, поперечный*. В сущности оно в таких словах также искусственно, как в передком произношении: *конечно, скучно, молочные* продукты.

В группе *стн* в разговорном языке систематически выпускается *т*; произношение *местный* вместо и при *месный* надо признать искусственным.

Глава VI.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

1. Гласные.

В предыдущих главах выяснены те элементы, из которых сложился звуковой состав нашего языка. При этом выяснилось, что, если словарный состав его на половину не русский, а церковнославянский, то звуковой состав всецело русский; в наш язык не перешло вообще из церковнославянского звуков, чуждых русскому языку; со стороны фонетики церковнославянский язык обрусел очень скоро, и чуждые русскому языку звуки русские люди стали произносить посвоему: шт как *щ (шч)*, ср. свое русское *щ*, жд как *ж*, а позже как *жд* (ср. русское *жд* в словах, как *ждать, каждый*), ѣ как *е*, носовые звуки как *у, а, ъ*, полумягкие согласные перед гласными переднего ряда как мягкие и т. д. Таким образом, церковнославянских звуков в нашем языке нет: иноземное *ф*, перешедшее к нам через посредство церковного языка, нашло себе соответствие в русском *ф* из *в* в конце слова и перед глухими согласными. Но литер. язык, как мы видели, имеет звук γ в нескольких книжных словах: оно сохранилось в нем из того периода, когда в церковнослав. языке на Руси господствовало южнорусское произношение. Прочие звуки находят себе полное соответствие в звуках московского наречия.

Перехожу к обзору этих звуков. Оставляю в стороне общие сведения о природе звуков человеческой речи, предполагая, что вы найдете их в других курсах проф. Бодуэна-де-Куртенэ, Булича, Щербы. Рассмотрю отдельно гласные и согласные.

При произведении гласных звуков артикулируют следующие органы речи: н ё б н а я з а н а в е с к а, она может быть или приподнятой, опираясь о стенки гортани и преграждая таким образом воздуху доступ в носовую область, или опущенной, предоставляя при этом выдыхаемому из легких воздуху доступ как в область рта, так и носа. При-

поднята занавеска при произведении гласных чистых, неносовых, каковыми являются все вообще гласные русского языка; опущена при носовых гласных, которых в русском литер. языке нет; как мы видели, в индивидуальном произношении встречается носовое *ą* в иностранных словах *финąсы, авąсом.*

Губы могут образовать или более или менее значительное воронкообразное округление, или более или менее значительное продольное отверстие, через которое проходит выдыхаемый воздух из полости рта. Округление губ сопровождает так называемые лабиализованные гласные: u (*у*), ȯ, о, ü, ö; они складываются в продольное отверстие при произнесении гласных нелабиализованных а, у (*ы*), ä, е, i (*и*).

Нижняя челюсть может находиться при произнесении разных гласных в большем или меньшем удалении от верхней. Дальше всего это расстояние при гласной а, ближе при о, е, еще ближе при u, i.

Мягкое и твердое нёбо играют при произнесении гласных пассивную роль, активная же принадлежит при этом языку. Язык, в той или другой части своей опираясь на мягкое (заднее) или твердое (переднее) нёбо, видоизменяет так или иначе резонанс полости рта. При этом возможны следующие три главные положения: а) передняя часть (спинка) языка опирается о твердое (переднее) нёбо; в результате получаются гласные переднего ряда или палатальные: ä, е, i (нелабиализованные), ü, ö (лабиализованные); б) задняя часть (спинки) языка опирается на мягкое (заднее) нёбо; в результате получаются гласные заднего ряда или задненёбные: а (нелабиализованное), о, u (лабиализованные); в) средняя часть (спинки) языка опирается о ту часть нёба, которая находится между задним и передним нёбом, — это средненёбные гласные или гласные среднего ряда: у (*ы*) (нелабиализованное), u̇, ȯ (лабиализованные). Возможны еще и другие менее резко отделенные друг от друга положения: артикуляция средней части языка о более заднюю часть нёба дает в результате гласные задне-средненёбные, артикуляция средней части языка о более переднюю часть нёба — гласные передне-средненёбные. Артикуляция языка может быть при этом более напряженной (мускулы языка более натянуты) и менее напряженной (ослабленной); при бóльшем напряжении получаются гласные напряженные: â, ô, ê и т. д., при меньшем напряжении — гласные ненапряженные: а, о, е и т. д.; иначе гласные напряженные называются закрытыми, а ненапряженные гласные открытыми. Возможно, что отличие между теми и другими гласными вызывается и другими одновременно действующими причинами, например положением нижней челюсти, которая при гласных

напряженных приближается к верхней челюсти больше, чем при гласных ненапряженных.

В литер. русском языке известны следующие гласные (полного образования):

a: заднего ряда нелабиализ. ненапряженное в словах *брат, краса* (под ударением и в слоге перед ударением).

â: заднего ряда напряженное известно в литер. языке под ударением перед звуком ł в конце слога: *дал, бал, балка, галка*, или в положении перед гласной неполного образования (*a*): znáła, ustáła.

o: заднего ряда лабиализ. ненапряж., напр., в словах *сон, мост, лицо, кожа* (только под ударением).

ô: заднего ряда лабиализ. напряж. известно в литер. языке под ударением перед звуком ł в конце слога: *пол, стол, полка, иголка*, или в положении перед гласной неполного образования: *гблаву, парбла.*

u: заднего ряда лабиализ. произносится в слогах неударяемых: *душá, гулять, сурóк.*

û: заднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых: *дýшу, гул, слух*, а в неударяемых после ł: *луна.* Различие между u и û мне кажется менее значительным, чем различие между o и ô.

y: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. известно в слогах неударяемых: *сырóй, сынóк, дымит.*

ŷ: среднего ряда нелабиализ. напряж. известно в ударяемых слогах: *дым, сын, вызбу.*

ė: среднего ряда нелабиализ. напряж. в слогах неударяемых (на месте этимологического, правописного *е*): *селá, сестрá, ведý*; под ударением после твердой согласной: tėk.

á: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *я*): *подряд, мясо.*

ü: среднего ряда лабиализ. напряж. в слогах неударяемых после мягких согласных (пишется *у, ю*): *чудáк, сюдá, людскóй.*

û: среднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых после мягких согласных: *чудо, отовсюду, рюмка.*

ö: среднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *ё*): *мёд, сёстры.*

ŷ: переднесреднего ряда под ударением между *ш, ж* и мягкой согласной: *жизнь, шить, жить.*

ï: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в неудар. слогах в начале слова и после гласных: *игла, хозяин, паинька.*

i: переднего ряда нелабиализ. напряж. в слогах удар. и неудар. после мягких согласных, а также в начале слов под ударением: *тихо, тишмя, сила, писать, иглу.*

ẹ: переднего ряда нелабализ. ненапряж. в ударяемых слогах в конце слова и перед твердой согласной (*е, ѣ*): *крест, мера, мне.*

ê: переднего ряда нелабиализ. напряж. в ударяемых слогах перед мягкой согласной (*е, ѣ*): *день, мéрить,* на *сене.*

ä: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *пять, мячик, зять, окончание.*

ü: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в неударяемых слогах между мягкими согласными: *людей, любить.*

û: переднего ряда лабиализ. напряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *люди, любит.*

ö: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными (*ё*): *тётя.*

Замечания о гласных полного образования. Вместо ė среднего ряда, которое я слышу, напр., в своем произношении, как в моск. наречии, так и в литер. языке употребляется и звук i (быть может, ненапряженное), напр. *виду́, систра.* Сомневаюсь, чтобы вместо ė (или согласно предыдущему, также i) слышалось ê. — Возможно, что в индивидуальном произношении ȧ, u̇, û, ȯ произносятся как a, u, û, o, но я слышу различные звуки в *рад* и *ряд, саду* и *сяду, блуду* и *блюду, лот* и *лёт*; звуки ȧ, u̇, û, ȯ представляются промежуточными между a, u, û, o и между ä, ü, û, ö. — Впрочем, мне хорошо известно, что ряд лиц в положении между мягкими гласными не произносят прописных *я, ю, ё* как ä, ü, û, ö, а как ȧ, u̇, û, ȯ, или даже как a, u, û, o; но в моем произношении явственно различные звуки в *взять* и *взят, люди* и *люд, тётя* и *тётка.* Звук ä более открытый звук, чем e, чем ä в немецком Bähr; звук û близок к франц. u в lune, нем. ü в Sünde; звук ö близок к франц. u [1] в un (где ö носовое), нем. ö в Löffel. Возможно, что ŷ неизвестно в индивидуальном произношении, но я произношу различно три звука после *ж* (ž): франц. Gil, русск. *жизнь* и *жыр, жили* и *жыл, шили* и *шыл.*

Замечу еще, что гласные a, o, û, т. е. задние, в положении перед согласными мягкими (палатальными) становятся в конечной части артикуляции близкими к ȧ, ȯ, û: bab'i имеет другое a, чем baba, dоč другое o, чем don (Дон), dûńa другое u, чем dûra. Самостоятельного обозначения оттенки таких a, o, û не требуют.

Кроме гласных полного образования русский язык имеет и гласные неполного образования, т. е. такие, при которых органы речи, хотя и настроены тем или другим соответственным образом, но приближаются вместе с тем, благодаря не энергичной артикуляции, к состоянию безразличия, покоя. Литер. язык имеет несколько глас-

---

[1] В рукописи: «к франц. eu в un». (Ред.)

ных с ослабленною артикуляцией (напр. в известных случаях ослабленно произносятся гласные i, u, y в неударяемых слогах), но более определенно выступают следующие две гласные: 1) ɑ гласная заднего ряда ненапряженная, более суженная, чем гласная а полного образования, причем, как увидим, различаются два оттенка — менее напряженный ɑ (перед слогом с а): *стаража́, гавари́ть*, и более напряженный ɑ̂ (перед слогом с i, u, y): *старика́, галубо̂й, барыши́*; 2) ɛ гласная среднего ряда ненапряженная, по условиям произношения близкая к ė, но представляющая ослабленную артикуляцию: v’ɛs’ėl̕icɑ (веселиться), p’ɛtačók (пятачок).

При еще большем ослаблении артикуляции является такой гласный звук, который произносится при совершенно безразличном, спокойном положении органов речи, вследствие чего проходящий через полость рта голос не изменяется в зависимости от того или иного резонанса; обозначу этот звук буквой ʌ (латинское перевернутое ʌ слова vox): kaz’l’onʌčik.

Гласные полного образования производятся при тесном смыкании в гортани голосовых связок; это производит трение выдыхаемого воздуха о вибрирующие связки, что и дает голос. Но, если голосовые связки смыкаются не тесно, а только приближаются более или менее одна к другой, то в результате прохождения через них воздуха получается шопот; так являются и шопотом произносимые гласные. Гласные ɑ, ɛ шопотом произносятся почти так же, как в громком разговоре; отсюда видно, что при произнесении их наступает не только ослабление артикуляции органов речи, но еще и шопотное положение голосовых связок.

Наиболее узкие гласные (а узость гласных определяется степенью приближения спинки языка к нёбу, почему о, е у̌же, чем а; u, y, i у̌же, чем о, е), т. е. u, y, i, при еще большем сужении (еще большем приближении спинки языка к нёбу) становятся звуками полугласными, по условиям образования близкими к согласным. В русском литер. языке известна полугласная i̯; она встречается только в неслоговом употреблении, т. е. в соединении с гласной, причем гласная может ей предшествовать или же следовать за ней. Те и другие сочетания можно назвать дифтонгами, но собственно дифтонгами (разумея именно двугласные) назовем сочетания гласной с последующими i̯, ибо в сочетаниях i̯ с последующей гласной звук i̯ склонен вообще утратить функцию гласной, переходя в согласную j; впрочем, русский литер. язык вообще такого перехода не знает. Таким образом, находим сочетания i̯ с гласными заднего и переднего ряда: i̯a (причем а звучит чисто, не á, ср. *яд* и *мясо*), i̯á (*изъял*), i̯o (i̯orš: ерш), i̯ô (i̯ôłka), i̯u (znai̯ut: знают), i̯û (i̯ûnɑšɑ, pi̯ût), i̯i (i̯ix: их), i̯e (i̯exɑt’), i̯ê

(i̯ėl'i: ели), i̯ä (i̯ät': ять, название буквы), i̯û (na i̯ûg'i: на юге), i̯ö (s'emi̯ö: семьей). Собственно дифтонги: ai̯ (dai̯: дай), oi̯ (stroi̯: строй), ûi̯ (bûi̯nai̯: буйный), ìi̯ (arud'ìi̯nai̯: орудийный), ėi̯ (bėi̯: бей), äi̯ (čäi̯: чай, val'äi̯: валяй), ûi̯ (gar'ûi̯: горюй), öi̯ (p'ėt'ern'öi̯: пятерней), αi̯ (dobrαi̯: добрый), εi̯ (vyp'εi̯: выпей). Кроме того русский литер. язык имеет u̯, известное только в дифтонгах âu̯, ôu̯ в именах собственных и заимствованных словах: au̯kcyon (аукцион), Fau̯stαvα (Фаустово), Jau̯za (Яуза), Brou̯nαf (Броунов); те же дифтонги âu̯, ôu̯, а также ûu̯, ŷu̯, ìu̯, являются в произношении тех лиц, у которых ł в конце слога заменяется звуком u̯: dâu̯, bŷu̯.

Звуки могут быть произносимы различно в отношении к их длительности; в частности и гласные могут быть долгими, полудолгими, краткими и полукраткими или очень краткими. В русском языке нет долгих гласных; под ударением гласные обыкновенно полудолги; такое именно впечатление они производят по сравнению с краткими гласными других языков, ср. нем. Kochen, Knochen, waschen, Ratte, Gasse, gucken, Lippen и русск. *косу, вашу, погасли, гусли, липа*; впрочем, перед двойной (долгой) мгновенной согласной гласная и в русском языке кратка, напр. paruččik, proččii̯, диалект. tr'et't'ii̯; они кратки и перед некоторыми группами согласных, ср. točit с полудолгим o, но točka с кратким, doček'i с полудолгим o, но dočka, płačet с полудолгим a, но zapłačkα с кратким a под ударением. В слоге перед ударением гласные обыкновенно кратки: daská, p'irók, sapók, gul'át', а в остальных неударяемых слогах они, как кажется, вообще полукратки, причем на месте полукратких a, o, e являются, как мы видели, гласные неполного образования α, ε: krαsatá, vεl'ičiná, kŭras'l'ep, p'ĭvavár, rўbakí, d'εs'ėt'i.

Звуки гласные могут быть произносимы различно в отношении к их силе; наиболее сильно произнесенная в слове гласная называется ударяемою. В русском литер. языке, как видно из предыдущего разбора, не все гласные являются под ударением, а только некоторые, а именно в ударяемых слогах неизвестны, во-первых, ненапряженные гласные u, y, ė, ú, ì, ü, во-вторых, гласные неполного образования α, ε; напротив, в неударяемых слогах неизвестны: напряженные гласные â, ô, û (но łûna, łûbok), ŷ, û, û, ė и ненапряженные o, ȯ, ö, e, á, ä; одинаково и в неударяемых и в ударяемых слогах известны только: a (вне ударения только перед ударяемым слогом), i. — Впрочем, в словах слабоударяемых, а таковыми являются слова со служебным значением (союзы, наречия), а также слова, потерявшие свое реальное значение (присловья), звуки α и ε могут употребляться и под (слабым, ослабленным) ударением: on znὰčit, da bὰt, ty mὰł, nu tαk, rad gαt' (т. е. рад, говорит). Получая ударение, такое α переходит в ė, напр. в слове tėk (тэк).

2. Согласные.

Главным и существенным отличием согласных от гласных является наличность при произнесении первых разного вида шумов в полости рта, почти отсутствующих при произнесении гласных; гласные звуки являются результатом изменения голоса (т. е. трения выдыхаемого воздуха о голосовые связки) в зависимости от того или иного резонанса, обусловленного тем или иным положением языка в отношении к нёбу, к нёбной занавеске, в отношении к зеву и т. д.; согласные звуки — это те шумы, которые производит выдыхаемый воздух, упираясь о преградивший ему вполне или отчасти выход из полости рта тот или иной орган речи (язык, губы). Но так как степени заграждения бывают различные, от минимального заграждения, при котором воздух проходит совершенно свободно, до полного заграждения, при котором воздуху для своего прохождения приходится сделать взрыв преградивших ему ход органов речи, то различие между гласными и согласными оказывается относительным; согласные, при произнесении которых воздуху предоставлено свободное, малостесненное прохождение, оказываются близкими к гласным, отличаясь от них тем, что свободная вообще струя стеснена в той или другой части полости рта; эти согласные называются плавными и носовыми; дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых для прохождения голоса оставлена узкая щель, причем трение воздуха о сомкнувшиеся органы речи производит значительный шум; эти согласные назовем шумными фрикативными, или длительными; еще дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых полость рта замыкается в той или иной части совсем, так что выдыхаемому воздуху для своего прохождения приходится взрывать соответственные соединения органов речи; этот взрыв производит тот шум, который называем согласной шумной взрывной или мгновенной. Таким образом, взрывные и фрикативные согласные объединяются общим представлением о шуме в полости рта, произведенном будь то взрывом, будь то трением. Кроме того шумные согласные, в противоположность плавным и носовым, заключают в себе не только такие согласные, при произнесении которых воздух, проходя через голосовую щель, производит голос, но также и такие, которые произносятся без участия голоса, т. е. при отсутствии соприкосновения между голосовыми связками: первые из таких шумных согласных называются звонкими, а вторые глухими. Правда, глухими могут быть также плавные и носовые, но только при наступлении особых условий, напр., в том или ином их соединении с глухими шумными согласными; в русском языке такие глухие плавные и носовые почти неизвестны.

Итак, рассмотрим сначала плавные и носовые согласные, а потом шумные.

Плавные и носовые. В русском языке известны следующие плавные: r, r', ł, l'. При произнесении r кончик языка прижимается к твердому нёбу настолько неплотно, что выдыхаемый воздух, достигнув до образовавшегося затвора, приводит кончик языка в дрожание, устремляясь наружу через получающееся при этом отверстие; при произнесении r' к твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, которая под напором воздуха приходит в такое же дрожание, как кончик языка при произнесении r. В индивидуальном произношении встречается и такое r, при произнесении которого к заднему (мягкому) нёбу прижимается задняя спинка языка, приходящая в движение под напором выдыхаемого воздуха; такое задненёбное r можно условно изобразить буквой ρ. Наконец, известно и губное r, производимое при дрожании губ; этот звук употребляется при останавливании лошадей. Звук ł получается при прохождении воздуха в одно или оба боковые отверстия, оставленные языком, своею переднею стенкою плотно прижавшимся к твердому (переднему) нёбу и касающимся пространства за верхним рядом зубов своим кончиком, а заднею своею частью опирающимся о мягкое (заднее) нёбо: łos', łan'. Западно-европейское l (французское, немецкое) неизвестно литер. русскому языку: оно отличается от русского ł тем, что язык опирается своим кончиком в переднее нёбо (а не в область за верхними зубами), оставаясь в задней своей части в нормальном, не приподнятом положении. Близко по условиям образования к европейскому l русское l': язык опирается в переднее нёбо не своим кончиком, а переднею частью своей спинки.

Носовые n и m в полости рта преграждают воздуху свободное прохождение плотным затвором, образуемым при n кончиком языка, прижавшимся к луночной области, т. е. к мясистым частям, в которых сидят верхние зубы, а при m сближением нижней и верхней губы; эти затворы взрываются воздухом, но отличаются n и m от соответствующих зубных и губных взрывных тем, что воздух свободно устремляется при их произнесении через носовую полость, между тем как при произнесении взрывных согласных нёбная занавеска поднята и преграждает воздуху доступ в носовую полость. В некоторых языках, напр. в немецком, известно еще задненёбное n (ŋ), при произнесении которого происходит затвор, образуемый прижатием задней спинки языка к мягкому нёбу, взрываемый затем выдыхаемою струей воздуха, одновременно устремляющеюся в полость носа; быть может, именно такое ŋ слышится в слове *koŋka* в индивидуальном произношении. Мягкое n' отличается от n тем, что к твердому нёбу прижи-

мается передняя часть спинки языка, а при произнесении мягкого т' точно так же прижимается к твердому пёбу передняя часть спинки языка, между тем как кончик языка опирается о заднюю часть нижнего ряда зубов.

Плавные и носовые, как видно из предложенного их описания, в существенных чертах сближаются с гласными, а именно тем, что выдыхаемая струя воздуха проходит свободно или через носовую полость (при произнесении носовых, ср. носовые гласные) или через полость рта (при произнесении плавных); но с согласными они сближаются тем, что при произнесении их слышатся шумы, однородные с теми, которые наблюдаются при шумных согласных и производящиеся или взрывом (при m, n, ŋ), или дрожанием кончика языка (при r), или, наконец, трением о стенки полости рта (при ł, l). Близость физиологическая к гласным объясняет, почему во многих языках плавные и носовые выступают в качестве слоговых звуков, т. е. главных звуков в слоге, между тем как обыкновенно эти функции составляют удел гласных звуков. В русском языке плавные и носовые неизвестны в качестве слоговых. С другой стороны отличие плавных и носовых от гласных объясняет возможность появления их безголосных оттенков; без голоса (т. е. без вибрации голосовых связок) нет гласных, при отсутствии звучащего голоса не может быть произведен гласный звук; напротив, шумы при произношении плавных и носовых играют такое существенное значение, что эти звуки не теряют своей природы и при отсутствии голоса, т. е. звучащей струи. Глухие r, l, n, m встречаются вообще редко; в русском языке они появляются в конце слова после глухих согласных, ср. глухое r в *Пётр* (откуда и *Пёт*), *рупль* (откуда и *руп'*, *руп*), *драхм* (пример проф. Богородицкого).

Ш у м н ы е   с о г л а с н ы е распадаются на несколько категорий, сообразно с местом неполного (при фрикативных) или полного (при взрывных) затвора органов речи. Активную артикуляцию проявляет при этом нижняя губа, язык и заднее нёбо. При полной, интенсивной вибрации голосовых связок получаются звонкие шумные согласные (в громком разговоре), при слабой вибрации их шумные согласные, произносимые шепотом, а при отсутствии всякой вибрации связок получаются согласные глухие. Таким образом, в каждой категории шумных, определяемой местом затвора, полного или с протоком, различаются звонкие и глухие согласные. Сообразно с активным выступлением нижней губы, языка и мягкого нёба, шумные согласные распадаются на губные, язычные и так называемые фаукальные (от лат. слова faux: зев, ибо мягкое нёбо артикулирует о заднюю стенку зева).

Рассмотрю отдельно каждую из этих категорий.

Губные могут быть губно-губными или губно-зубными, в зависимости от того, примыкает ли нижняя губа к верхней губе или к верхнему ряду зубов. В русском литер. языке соединение обеих губ производит полный затвор: таким образом получаются губно-губные звонкое b и глухое p (ср. выше носовое m); напротив, соединение нижней губы с верхним рядом зубов дает затвор с протоком: так получаются губно-зубные звонкое v и глухое f. Рядом с твердыми b, p, v, f известны и мягкие: при произнесении их передняя часть спинки языка одновременно с соответственной губной артикуляцией прижимается к твердому нёбу: bok, pas, voł, frant; b́ič, ṕėró, v́aś (вяз), f'ėįa (фея).

Язычные различаются по тем областям нёба, о которые оперирует язык, и по тем частям языка, которые активно артикулируют. Во-первых, это зазубные: кончик языка артикулирует о пространство, находящееся непосредственно за верхним рядом зубов; при полном затворе получаются взрывные звонкое d и глухое t; при затворе с протоком — фрикативные звонкое z и глухое s (ср. выше носовое n). Во-вторых, это альвеолярные: кончик языка артикулирует об альвеолы (зубные лунки) задних зубов; при затворе с протоком получаются фрикативные звонкое ž и глухое š (иначе они называются шипящими в противоположность свистящим s и z). В-третьих, это какуминальные: нижняя часть загнутого назад кончика языка артикулирует об альвеолы, — взрывные ḍ, ṭ, фрикативные ẓ̌, ṣ̌, встречаются только в индивидуальном произношении говорящих литер. языком. В-четвертых, это смягченные зубные: одновременно с артикуляцией, производящею зубные твердые, передняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу, — взрывные d', t', фрикативные z', s'. В-пятых, это смягченные альвеолярные (шипящие): одновременно с артикуляцией, производящею альвеолярные твердые, передняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу, — фрикативные ž', š'; смягченные согласные встречаются частью только в индивидуальном произношении (напр. naś-ḿėśńik), частью же только в долгом виде (двойные ž, š, изображаемые буквами *жж*, *зж* и *щ*). В-шестых, средненёбные смягченные: средняя часть спинки языка прижимается к передней части среднего неба, — взрывные ģ, k', фрикативные j, χ'; в русском литер. языке отсутствуют средненёбные несмягченные, при произнесении которых средняя часть спинки языка прижимается вообще к среднему нёбу, а не только к передней его части. В-седьмых, задненёбные согласные: задняя часть спинки языка артикулирует о заднее (мягкое) нёбо, — взрывные g, k, фрикативные γ, χ (ср. выше носовое ŋ).

Фаукальные согласные производятся взрывом полного затвора, образуемого соприкосновением мягкого нёба к задней стенке зева. Они

встречаются только в соединениях с последующими n и m на месте этимологических t, p (глухие фаукальные) и d, b (звонкие фаукальные); как мы знаем, взрыв n происходит там же, где взрыв t, d, а взрыв m там же, где взрыв p, b [1]; в сочетаниях tn, dn и pm, bm вместо взрыва, свойственного звукам t, d и p, b, получается взрыв, преграждающей воздуху доступ в носовую область нёбной занавески (задней части мягкого нёба), прижавшейся к задней стенке зева. Ср. фаукальные согласные (обозначаю глухой звук знаком =, а звонкий знаком + над строкой) в par⁼noi, a⁺man, a⁺nako.

Кроме перечисленных простых согласных русский язык имеет несколько слитных согласных, называемых **а ф р и к а т а м и**; они образуются из тесного соединения взрывной с соответствующей фрикативной, причем в результате такого соединения является несколько ослабленное произношение взрывной; сюда относятся африкаты: c (пишется *ц*), разлагающееся на ts и ʒ (пишется *дз*, напр. в фамилии *Модзалевский* или в словах, как *подзадоривать*, *подзывать*), разлагающееся на dz; далее: č (пишется *ч*), разлагающееся на t (очевидно не зубное, а альвеолярное) и š, и ǯ (пишется *дж*, например в *поджаривать*), разлагающееся на альвеолярное d и ž. Впрочем, č известно в литер. языке в мягком виде (č) и представляет, следовательно, соединение t с š. Остальные африкаты тверды, хотя возможно, что в индивидуальном произношении c при известных условиях мягко (например в слове b'ec't'v'ije, roc't'v'en'ik). Равным образом индивидуальное произношение žž как žǯ (например požǯ'e) знает мягкое ž' (ср. šč вместо обычного šš).

Носовые, плавные и шумные согласные могут употребляться не только в кратком, но и в долгом виде. **Д о л г и е** согласные в русском литер. языке получаются или из соединения двух кратких, напр. kam'ɛn̄ɑi̯ вм. kam'ɛn-nɑi̯, s̄ora вм. ssora, s̄ynɑm, z̄'imy (первая часть z твердая, а вторая смягченная), ḡɑɫav'e, pad̲ak'ivat' (знак долготы можно ставить над буквой и под ней), или под влиянием аналогии: d'ɛr'év'an̄ɑi̯, aɫav'an̄ɑi̯ (ср. kam'ɛn̄ɑi̯, r'ém'on̄ɑi̯, sukon̄ɑi̯). Кроме того, находим n̄ в церковнославянских по происхождению причастиях страд. залога: učr'éžd'on̄ɑi̯, prodan̄ɑi̯. Также в иностранных словах: kas̄ɑ, pr'es̄ɑ, van̄ɑ, t'ɛl'égram̄ɑ. Впрочем, ɫ и l' в иностранных словах обыкновенно упрощается: al'éi̯ɑ, baɫast, il'ustracjɑ; произношение с двойной согласной представляется искусственным, слишком книжным.

Ряд дополнительных замечаний об употреблении в русском литер. языке гласных и согласных будет сообщен ниже при обзоре: 1) действующих в настоящее время звуковых законов, 2) некоторых пережитых московским наречием звуковых процессов в прошлом.

---

[1] В рукописи по описке: где взрыв m. (Р е д.)

Глава VII.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Строго говоря, в языке неиндивидуальном нет активных звуковых законов. Они зарождаются в индивидуальном языке, как всякое вообще изменение в языке, передаваясь языку окружающей среды путем подражания в том случае, если эти изменения отвечают уже сложившимся в языке индивидуумов, входящих в эту среду, условиям. Среда сдерживает разрушительный процесс, вносящийся в язык каждым говорящим, решительно осуждая и отвергая всякое изменение неожиданное, не оправдываемое психологическими и физиологическими условиями, общими для всей окружающей среды, и, принимая то, что естественно вытекает из этих условий. Закономерность в явлениях языка сказывается не в том активном процессе, который ведет за собой изменения в звуках и формах языка, а в том пассивном процессе, который регулирует их, вносит согласование с действующими нормами, распространяет на однородные случаи. Этот пассивный процесс принадлежит коллективной среде говорящих (составляющих семью, общину, племя, народ), между тем как активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантами, образованием (культурностью). Рассматривая действующие в настоящее время звуковые законы, мы имеем в виду те пассивные процессы, которые могут быть наблюдаемы, напр., при вторжении в язык того или иного элемента (иноязычного, инонаречного), не согласованного с другими сходными, однородными элементами; под действием указанных пассивных процессов изменяются звуки вторгшегося чужеродного элемента, они заменяются звуками, согласованными с существующею и живущею в языковом представлении говорящих нормою. Так, заимствуя иностранное слово la comète (фр.), русский язык, в силу действующих в нем лексикологических и морфологических норм, переводит его в разряд женских слов с окончанием *а* — kometa; но сочетание me чуждо русскому языку, оно заменяется поэтому сочетанием m'e; отсюда заключаем, что в русском языке действует закон о смягчении согласных перед *е*; он так же живуч, как и в общерусском праязыке, когда его можно впервые наблюсти, но, разумеется, живучесть эта пассивная, а не активная; мы изменяем kometa в kom'eta в силу подражания господствующей норме; и то же имело место в общерусском праязыке; активный процесс имел место в общерусскую эпоху в индивидуальном языке тех или иных лиц, обобщен же он, проникнувши во все слова языка, уже в силу пассивного процесса

говорящей среды. В современном языке kom'eta не перейдет далее в *kom'ota, между тем как в языке старшего периода такой переход был бы необходим (ср. P'otr вместо P'etr, S't'opa вместо S't'epa, s'v'okła вместо s'v'ekła, греч. σεῦκλον); очевидно, в настоящее время уже не действует процесс, по которому некогда всякое е в положении после мягкой согласной и перед твердой изменялось в о. Слово kom'eta в нашем литер. языке звучит kam'eta в силу того, что в слоге предударном о изменяется у нас в а (ср. vada, kal'eno); изменяя kom'eta в kam'eta, мы подчинили заимствованное слово господствующей звуковой норме и заключаем отсюда, что в числе действующих в настоящее время законов находится и закон о переходе о в а в предударном слоге. Правда, мы говорим son'et (а не san'et), но сохранение здесь иностранного произношения зависит от того, что это слово не вошло в обыденную речь; оно так же мало противоречит утверждению о наличности закона, по которому предударное о переходит в а, как произношение *профэсор, тэма* с несмягченными *ф, т*. Слово *парад* (фр. la parade, нем. die Parade) мы произносим *парат* с t вместо конечного d в силу закона, по которому звонкие шумные согласные становятся глухими в конце слова: закон этот признаем действующим; говоря по-французски мы произнесем la limonade, la commode, la méthode, le club, l'étage, по-русски — l'imonat, kamot, m'etαt, kłup, etaš, и это в силу действующих и в настоящее время законов. Таким образом, видим, что анализ современного языка приводит к обнаружению как звуковых законов, действующих в настоящее время, так и законов, действовавших в прошедшие эпохи.

Приведу ряд действующих в настоящее время законов, рассмотрев сначала законы, относящиеся к употреблению гласных, далее законы, относящиеся к соединению гласных и согласных, наконец, законы, относящиеся к соединению согласных между собою.

1. Гласная у (*ы*) не терпима в начале слова и слога и известна только после согласных.

2. Гласные ŷ, û, ů̂, ü̂ известны только под ударением; в неударяемых слогах им соответствуют ненапряженные у, u, ů, ü: dûšu, sŷnα, но dušá, synók.

3. Гласные о, ȯ, ö известны только под ударением: most, t'ȯtka, t'öt'a.

4. В слоге предударном вместо о является а: mastý, gadók, łav'ít', pragrés.

5. В прочих неударяемых слогах вместо о и а является α: mαstaváiα, staříká, nαxad'ít', łóv̌ak, słóvα, prαpagándα.

6. Начальное α, однако, заменяется через а: ad'inók, afs'écá, ab'ížát', astaróžnα.

7. Звук ė на месте этимологического е и др. является в предударном слоге; в других неударяемых слогах ему соответствует ɛ: l'ėt'ėt', vyl'ɛt'ɛl, v'ɛl'ičiná.

8. Звук i напряжен в начале слова под ударением: ivą, ненапряжен в неударяемом слове, например ivan, igrá. После гласной i вне ударения ненапряженно: vóin, xaz'äin, но voinśt'vɛnαį.

9. Гласные о, а под ударением становятся напряженными (ô, â) в положении перед ł, стоящим в конце слога, или перед гласной неполного образования: bâłkα, bâłαvαt', igôłkα, gôłαvu.

Также в положении перед ų в некоторых заимствованных именах и словах: Brâųn, Fâųstαvα, Brôųnαf.

10. Гласные заднего ряда а, о, u под ударением переходят в гласные среднего ряда после смягченных согласных, а именно в ȧ, ȯ, û: m'ȧta, l'ȯt, čûdα; они переходят в гласные переднего ряда ä, ö, ü между смягченными согласными: z'ät', t'öt'α, l'üd'i.

11. В неударяемых слогах u после мягких согласных переходит в ů, а между мягкими согласными в ü: čůdák, čüd'it'.

12. В предударном слоге а и о переходят после мягких согласных в ė: śėło (ср. севернорусск. s'ołó), s'ėstrá (ср. севернорусск. s'ostrá), čėsy, v'ėzát', p'ėták, gl'ėd'i, m'ės'n'ik. В прочих неударяемых слогах, не конечных в слове, а и о после мягких согласных переходят в ɛ: p'ɛtačok, t'ɛžėló, m'ɛdanósnαį, l'ɛdav'itαį (ср. m'od, l'od), výgl'ɛńɛt, záv'ɛs' (завязь), ná p'ɛt' (на пять), ná v́ɛsnu.

13. В конечных слогах неударяемые а и о после мягких согласных переходят в α там, где эти неударяемые гласные ассоциировались с ударяемыми а и о в родственных словах и образованиях: bán'α (ср. maz'n'a), vól'α (ср. s'ėm'įá), dobrαįα (ср. maįá), mór'α (ср. ružįó), dobrαįα (ср. maįó), vid'α (ср. naśá), s'ėm'α (ср. śėm'an). Но там, где подобной ассоциации не было, вместо конечных а, о после мягких согласных найдем ɛ: daįt'ɛ (ср. севернор. диалект. daįt'a из daįt'ä), dabŕėįɛ (ср. севернорусск. диалект. dobr'ėįa), m'ėl'čɛ, bagačɛ.

14. После согласных š и ž на месте а, о слышатся те же звуки, что после мягких согласных; это указывает на то, что эти звуки явились тогда, когда š и ž были еще мягки. Поэтому žėná (ср. севернорусск. žoná), šėl'it, šėłún, žėl'ėt', pšėnó. Произношение žará, šarý надо признать новым, явившимся под влиянием žar, šar. Точно также находим šɛłavl'if, łošɛt', kúšɛt'. В конце слова, с одной стороны, — todžα, tužα (ср. žα слабоударяемое в случаях, как sastal'nými žὰ, krásnuįu žα), с другой, — ûžɛ, xûžɛ, bol'šɛ, krašɛ.

15. Звуки а, о, û под ударением перед следующей мягкой согласной и перед i изменяются в конце в направлении к гласным переднего ряда: baba, но bäb'i, góru, но gör'α, dûp, но na düb'i. Звук u не

под ударением после ł изменяется в своем начале в направлении к напряженной гласной: łúb́ok, łúna.

16. Звук е перед мягкими согласными и перед i звучит как ê под ударением: ḿerα, но ḿêr'it', śenα, но na śên'i, l'ezu, но l'êś, p'eł, но ṕêl'i, ср. еще ućéńie, andŕêi̯, v́êt'εr, pĉêl'n'ik, s'él'skαi̯, ḿét'it' и т. д.

17. Сочетание εi̯ произносится как ii̯: s'in'ii̯, karov́ii̯, koźii̯, tr'et'ii̯, vyp'ii̯.

18. Звук y не употребляется после смягченных согласных.

19. После отвердевших (см. выше) согласных š, ž, а также после отвердевшего c, вместо i произносится y: šyrokαi̯, žyłα, žyr, kuŕicy, kupcy, nažy, kožy, šył. Поэтому и в иностранных словах, вошедших в обыденную речь, вместо i слышится y после š, ž, c: cyrkul', cyrul'-n'ik, cyfrα, šyrmα, žyrafa, šynα и т. п. Но если за y в том же слоге стоит мягкая согласная, оно звучит как гласная более переднего ряда (переднесреднего ряда) ẏ: žẏt', žẏz'ń, dvužẏl'nαi̯, šẏŕ и т. д.

20. Перед i все вообще согласные, как увидим, произносятся мягко, но, как указано, общее отвердение согласной ведет за собой переход следовавшего за нею i в y (ср. выше); равным образом, отсутствие смягчения согласной под влиянием звуковой аналогии имеет следствием переход следующего за нею i в y: такой случай наблюдается в отношении согласных предлогов, как v, iz, s, nad, pod, ob, k; они не смягчаются вообще по аналогии случаев, где эти предлоги стоят перед гласными заднего или среднего ряда, а также перед твердой согласной. Звук i после такой согласной и под ее влиянием заменяется звуком y. Начало этому явлению в глубокой древности, но продолжается оно до сих пор; ср. at yvanα (вместо ot ivana), vẏzbu, kygnatu, kyz'b́e, vẏgrax, atykony, abykońε, atyḿen'i; также в сложных словах: atygraccα, abyskat'. Впрочем, после k слышится также i, a k заменяется иногда через k': ḱis't'in'ε, ḱikon'ε, ḱiḿen'i. Произношение aḃis't'in'ε, aḃil'i̯e, равно и oḃixot[1] объясняется м. б. книжным влиянием. Кажется в индивидуальном произношении допускаются при этом и сочетания твердая согласная + i: ab il'jé, at ivana.

21. Сходное явление имеет место в сочетаниях предлогов с начальным е, вообще встречающимся только в местоимении etot. Возможно, что е переходит после несмягченной согласной в ė, ȇ, т. е. в соответствующую гласную среднего ряда: atėtαvα, sȇt'im, izėtαvα. Впрочем, в индивидуальном произношении слышатся и е, ê: atetαvα, sêt'im, ketomú.

---

[1] Это слово попало в контекст по ошибке: по морфологической структуре оно представляет сложение из префикса *оби-* (ср. иные разновидности этого префикса — *об, объ, объ*) и корня *ход*. (Ред.)

22. Сочетания ky, gy, xy неизвестны в современном языке; они заменились через k̑i, g̑i, x̑i еще в древнерусских наречиях; поэтому sat — sady, bop — baby, но katok — katk̑i, voda — vody, но noga — nog̑i. В окончании прилагательных м. р., как strogəi̯, uprugai̯, l'oxkai̯, vysokai̯, слышится не yi̯, а ai̯. Равным образом в многократных глагольных образованиях на этимологическое -*ивать* после твердой согласной слышится, повидимому, не y, а ɑ на месте i: vyskakɑvɑt', padyskɑvɑt', panukɑvɑt', zapugɑvɑt'.

23. Согласные звонкие в конце слова переходят в соответствующие глухие: sat, vos, karof, słof, doš̑, sapok. Произношение sapox, parox, drux в индивидуальном произношении — черта диалектическая (южновеликорусская).

24. Согласные губные в конце слова сохраняют мягкость только под влиянием мягкости губных в родственных образованиях: na z'ɛm̑ (ср. na z'ém'i), kroł' (kra v̑i), gołuṕ (gołub'a). В индивидуальном произношении распространено отвердение мягких губных и в таких случаях: śem, krof, l'ùbof, na z'ɛm.

25. Звуки š, ž, c отвердели при всяком положении в слове: patsv̑ešn̑ik, patsńežn'ik, parub'ežn'ik'i, s't'eržɛn', šyrok, šar, cak̑, cér'kɑf', kuz'n'ècy, nažy, naci̯ɑ.

Примечание 1. Долгие (или двойные) š, ž сохраняют свою мягкость: vož̑ž̑i, drož̑ž̑i, ugaš̑š̑u, sɑkraš̑š̑u.

Примечание 2. Мягкие š и ž встречаются в единичных случаях в индивидуальном произношении: ub'ežiš̑šɑ. Некоторые лица произносят š, ž последовательно перед мягкими язычными: nas'm'ěšn'ik, pr'ěžn'ɛi̯, z'd'ěšn'ii̯.

26. Глухие согласные перед звонкими шумными (кроме v) произносятся как звонкие, а звонкие шумные перед глухими как глухие: fp̑itat', f kùz'n'icu, fp'ér'ot, noškə, skaskɑ, dafkɑ, kłupka, votkɑ, patkovɑ, iskaz'it' — adb'it', zbŷt', maład'ba, svad'bɑ, kaz'ba. Ср. рядом svoi̯, tvoi̯.

27. Все согласные, кроме отвердевших š, ž, c, произносятся мягко перед гласными переднего ряда i, e (ɛ). Ср. произношение иностранных имен: b'ismɑrk, t'irol', t'ema, kat'ɛdrɑ, g̑reci̯ɑ.

Примечание. Произношение tema, profesɑr, švedy представляется искусственным.

28. Конечное s отвердевает, если не защищено аналогией со стороны ś в родственных образованиях (как в gúś): astai̯us вместо astai̯ùś, uc̑us, brośiłəs, rad'iłɑs, vz'ełas, n'ěsus. Ср. отвердение конечного t' в 3-м лице ед. и мн.: uc̑it, n'ěsot; в инфинитиве t' защищено аналогией t'i в n'éśt'i, paśt'i; dast, i̯est фонетически вм. daśt', i̯éśt', а i̯és't' (est) едва ли не церковнослав. архаизм: ср. sut', также boxv'ɛśt'.

29. Мягкие k', g', x' известны только перед гласными переднего ряда e, i: ruk'e, pałk'i, x̂itrai̯; в конце слова k' (на месте этимологического g' из g'i вм. z'i или прямо вм. z') отвердевает: l'ak (2-е лицо пов.). Сочетание k'a, k'u, g'á и т. п. чужды литер. языку, но он принял k'a в k'axta; иностранное g'ü переходит в g'i: g'intar (фамилия).

30. Язычные согласные перед мягкими язычными (кроме r) мягки: s'ńím, ź'd'ełat', pas't'él', końčik, ftoŕn'ik, s'l'ep, gońčaja, kos't', p'ét'l'a, ín'd'i̯a, kan'čat'. В island'i̯a, skand'inav'i̯a, kand'it'er (при kan'd'it'er) n твердо вследствие неподчинения этих иностранных слов общей норме.

В индивидуальном произношении r отвердевает: porča, gorn'ica, ftorn'ik, dvorn'ik, gorl'ica, gorl'enka, kurn'ik, ṕerčatka, v'erčenai̯.

Примечание 1. Сочетания tn, dn, как мы знаем, заменяют t, d фаукальными согласными; поэтому нельзя говорить о смягчении t, d перед n', но группа фаукальных согласных + n' составляет одно палатальное целое, ср. é в l'éd'n'ik, ṕer'éd'n'ik. Сочетания tl', dl' произносятся с одним общим взрывом; поэтому нельзя и здесь говорить о t', d', ср. p'ét'l'a.

Примечание 2. Зубные согласные в конце предлогов вообще не смягчаются перед следующей согласной: padn'at', atn'at', padd'ełat' (но и pad'd'ełat'). Но s'n'at', s'n'im.

31. Перед r' начальные язычные согласные тверды: tr'i, zr'a, zr'eł; в индивидуальном произношении они мягки не в начале слова: v'ét'r'enai̯, abv'ét'r'it', m'ét'rika.

32. Язычные согласные мягки перед мягкими губными: d'v́e, t'vér', čet'v'er't', iz'b'e, d'vér'i, d'v'igat', v'ét'v'i, kaŕm'it', skoŕp'. Произношение с отвердевшими язычными нередко: tv'éŕ, dv'inut'. Искусственное kanf'eta.

Примечание 1. Согласные t, d предлогов вообще не смягчаются перед губными: padv'én'éčnai̯, padv'ét'r'enai̯a storana, atv'et, atv'edat', atv'azyvat', atm'etka.

Примечание 2. Обычно отвердение r: karm'it'.

33. Язычные согласные сохраняют свою этимологическую мягкость перед твердыми губными и заднеёбными: kaz'ba, svad'ba, Kuz'ma, vas'moi̯, p'is'mo, v'éd'ma, sud'ba, fpat'max, t'ma, gan'ba, gur'ba, bar'ba, gor'kai̯, car'ka, Kus'ka, gus'kom, t'ür'ma.

Примечание. Смягчение r в сочетании ьr перед твердыми губными и заднеязычными произошло еще в эпоху общеславянскую (где была полумягкость) и общерусскую (где полумягкость превратилась в полную мягкость). В литер. языке r' сохранилось в следующих словах: čet'v'er'k, céŕkaf', v'ér'x, s't'ér'va (менее распространены p'ér'vai̯, z'ér'kała). Вообще же r' отвердело: v'erba, s'erp, čerpat', uššerp, m'erknut'; ср. его отвердение в d'v'erka. Можно думать, что мягкость r в

t'ûr'ma удерживается под влиянием: t'ûr'em, t'ûremnai̯, а в bar'ba gur'ba под влиянием других слов на -ba (gud'ba, sud'ba).

34. Язычные согласные теряют свою этимологическую мягкость перед твердыми язычными: gornai̯, godnai̯, d'er'ev'enskai̯, ženskai̯, carskai̯, adnu.

35. Мягкое l' сохраняет свою этимологическую мягкость при всяком положении, между прочим перед твердыми зубными: ispol'nai̯, l'du, pr'il'nût'.

36. Губные мягки перед мягкими средненёбными: kr'êp'k'ii̯e, n'êm'k'i, šap'k'i, laf'k'i, r'ûm'k'i, ššêp'k'i, d'êf'k'i, s'öm'g'i.

Примечание. Весьма, однако, распространено отвердение губных в таком положении: r'ümk'i, propk'i, n'emk'i, d'efk'i, ššepk'i.

37. Губные мягки перед мягкими губными не в начале слова: s'im'b'irsk, im'b'ir', łom'b'ernai̯. Известно ли также f'p'er'ot, не знаю.

38. Губные тверды перед язычными (и твердыми и мягкими): t'omnai̯, krûpnai̯, pravda, žeml'u, d'ér'evn'a, s't'ebl'i, s'érebrenai̯, łapt'i, ropšet, opšestva.

Примечание. В индивидуальном произношении мягкость губных сохраняется перед мягкими язычными в особенности после ударяемого ê: z'êm'l'u, s't'êb'l'i, d'ér'êv'n'a, naxl'êb'n'ik.

39. Задненёбные сохраняются, не смягчаясь перед мягкими язычными: l'exče, m'áxče, koxt'i, łokt'i, noxt'i, v'eks'el'.

Примечание. В индивидуальном произношении задненёбные переходят в мягкие средненёбные перед мягкими язычными в особенности после e: v'êk's'el', l'êx'če. Также объясняется произношение l'êk't'i̯a, prat'êk't'i̯a, s'êk't'i̯a, где t'i̯a заменило более обычное произношение ci̯a и cyi̯a.

40. В группе stn, zdn звук t, d (точнее, заменившие t, d фаукальные согласные) последовательно опускаются: praznai̯, grusna, česna, p'r'il'esnai̯, vłasnai̯, poz'n'ei̯, nam'ês'n'ik.

Примечание. Произношение mes⊥nai̯ с фаукальной согласной перед n представляется книжным и искусственным.

41. Двойные долгие согласные упрощаются в конце слова, также перед согласными и после согласных: f'in, f'inskai̯ (но f'iny и f'iny под влиянием fin), vaña, ruskai̯, francuskai̯, — opšesvo (вместо opššestvo), opšina, bor'š, mar'šina.

Примечание. Рядом opščesvo, bor'šč, mar'ščina у тех, кто произносит šš как šč. В индивидуальном произношении š вместо šš отвердевает: opšesva, opšyna.

42. В сочетании i̯i i̯ удерживается в начале слов i̯ix, i̯ixn'ii̯, едва

ли не под влиянием i̯èvó, i̯ei̯o, вообще же i̯i изменяется в i в положении после гласных: moi̯, straït'el'nai̯, pait'.

43. В слогах неударяемых, т. е. перед неударяемой гласной, i̯ в положении после гласной произносится редуцированно и даже совсем исчезает, причем следующее за ним *a* переходит в ă (шопотное), ė в i (шопотное), ŭ в ü (шопотное): stai̯a произносится staă̂, stai̯u — staü̂ (а произносится не как чистое а, но как а, склонное к ă в конце, ср. п. 15), nad'ėi̯ŭs как nad'ėü̂s, šėi̯ŭ как šėü̂, igrai̯et как igrait, igrai̯ŭt как igraü̂t, šėi̯a как šėă̂.

44. В положении после ł мягкое s' отвердевает: sabrałsá, dałsá, *z*av'ėłsá, s'n'ėłsá, ср. отвердение n' после ł в patsołnešn'ik и patsołnyšn'ik, вм. patsołn'ėšn'ik.

Глава VIII.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЗАКОНАХ, ДЕЙСТВОВАВШИХ В БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ЭПОХИ И СКАЗАВШИХСЯ НА МОСКОВСКОМ НАРЕЧИИ.

Ряд колебаний в произношении в современном московском наречии и современном литер. языке может быть объяснен только при предположении, что в настоящее время уже не действуют те законы, которые раньше производили в языке те или иные звуковые изменения. К наиболее значительным из них относится закон об изменении *е* в *о* в положении после мягких согласных. Сравнительное изучение русских наречий доказывает, что в общерусскую эпоху уже сложилось это явление, а сравнение с другими славянскими языками делает вероятным, что зачатки его относятся к общеславянскому праязыку.

1. В общеславянском праязыке мягкими были только те согласные, которые явились в результате смягчения а) r, l, n перед i̯ (j), б) s, z перед i̯ (j), откуда š, ž, в) t, d перед i̯ (j), откуда čč и žž, г) задненёбных (они смягчились в более древнюю эпоху в č, ž, š, в позднейшую в c', z' или ʒ', s') перед гласными переднего ряда и i̯ (j) в результате изменения сочетания kt перед гласными переднего ряда и в результате позднейшего влияния предшествующих гласных переднего ряда. Звук е после всех этих смягченных согласных перешел там, где за ним не было в следующем слоге гласной переднего ряда, в ö: čömu, lic'ö, къnežö, našö, mor'ö, pol'ö, vьs'öho, къ n'ömu. В общерусском праязыке это ö перешло в звук более задний, а именно в ȯ. Таким образом, в общерусскую эпоху ȯ после исконно мягких согласных являлся на месте этимологического е: 1) в положении в конце слова, 2) в положении перед твердой согласной. Отсюда далее в отдельных русских наречиях ȯ и о: в современном литер. ȯ после со-

хранившихся мягкими согласных и о после отвердевших: примеры приведу только для ударяемых слогов, ибо в неударяемых слогах о не удерживалось, переходя вообще в а, *α*, а после мягких согласных в ẻ, е; итак, 1) l'ico, fs'ȯ, 2) ššȯku, žonk*α*, pč̊ȯłka, šorax, sam šost.

Тот же звук ȯ явился в наречиях древнерусских на месте ь перед твердыми согласными (ср. переход ъ в *о*): ср. совр. čȯrn*α*į, žorn*α*f, šȯłk, čȯłn, žȯłt*α*į.

Звук е после į и после несмягченных согласных оставался в общеслав. праязыке без изменения. В общерусском праязыке перед е, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчились все вообще согласные. Это е перешло в ö в положении перед следующими твердыми согласными, а перед мягкими согласными в ė; так явились в общерусском: n'ösu, v'ösło, s'östrý, s'östry, m'ödъ, p'ökłъ при n'ėș'i, p'ėkl'i, s'ėm'ь. То же сохранялось в наречиях древнерусских, причем после падения глухих сильные ь перед твердыми согласными явились также в виде ö, а перед мягкими в виде ė (ср. переход ъ в *о*): p'ös, d'ön, m'örtv, d'örn, но d'ėn', p'ėn', v'ės', l'ės't'. В конце слова после мягких согласных на месте е являлось ä: id'it'ä, m'ėn'ä, įes'mä. То же ä являлось на месте е и после į: žit'įä (из žitьįä), l'is't'įä, kol'įä и т. п. В великорусском наречии ö с течением времени изменилось в ȯ; ср. совр. литер. m'ȯt, s'ȯstry, n'ȯs, v'ȯsł*α*, p'ȯk, p'ȯs, d'ȯn, m'ȯrtv*α*į, d'ȯrn. Звук ä одновременно перешел в а в слогах слабоударяемых, напр. m'ėn'a, t'ėb'a, тогда как в сильноударяемых явилось на месте ä, как кажется, е. В словах žit'įä, ružįä и т. п. ä заменено было звуком о (ȯ), заимствованным из других слов ср. рода, как kal'co, l'ico, v'ėsło, s'ėło, p'ėro.

Таким образом, в великорусских наречиях общею нормой стала наличность после мягких согласных звука о (ȯ) перед твердыми согласными и ė перед мягкими согласными. Вследствие этого, если по той или другой причине отвердевала согласная после ė, это ė заменялось звуком о (ȯ). Впрочем, как кажется, надо различать несколько категорий случаев: 1) согласная отвердевала перед следующей твердой согласной, 2) отвердение š и ž, 3) отвердение с. В первых двух категориях действительно по общему правилу ė, быть может, через посредство е переходило в о: t'ȯmn*α*į, p'εr'ėl'ȯtn*α*į, n*α*įȯmn*α*į; pad'ȯš, grab'ȯš, m'ȯžu, g*α*łav'ȯška, ad'ȯž*α*, s'ėr'ȯž*α*; между тем в третьей категории вместо ė является е: kup'ec, kuz'n'ec, šv'ec. Возможно, что отвердение произошло в первых двух категориях (в первой это даже наверное) раньше, чем в третьей, причем отвердение с наступило уже тогда, когда закон о непременном изменении е в о перед твердой согласной уже был нарушен, уже не существовал. Но возможно и другое объяснение: ė заменялось через о только перед такими согласными, которые произносились лабиализованно, т. е. при том же положении

губ, при котором произносятся o, u; оно заменялось через e перед согласными нелабиализованными. Самый переход e в ö в общер. праязыке зависел, повидимому, от лабиализованного произношения твердых согласных, являясь, таким образом, в результате ассимиляции гласной e следующей согласной (ср. переход e в ê перед палатальными согласными тоже в результате подобной ассимиляции). Теряя свою мягкость под влиянием следующей твердой, следовательно, лабиализованной согласной, отвердевшая согласная становилась сама лабиализованною и влияла таким образом на переход предшествующего e в 'ö; таким образом, t'ômnaį вместо t'êm'naį можно понять как уподобление звука ê следующему лабиализованному m, если объяснить таким уподоблением появление ö в sam s'öm (откуда sam s'om) в общерусском праязыке. Отвердение š и ž могло сопровождаться их лабиализацией; но согласные вообще склонны к лабиализации в разных языках. Напротив, c, отвердевая, не должно было подвергаться лабиализации; поэтому ê перед ними не переходило в ö — ȯ, а изменялось только в e. В пользу предложенного объяснения можно привести еще следующие соображения: 1) некоторые факты языка доказывают, что в московском наречии c отвердело раньше, чем š и ž; ср. подчинение основ на c склонению твердых основ, например, в форме род. мн., где находим kupcof, małatcof (при kupcy, małatcy), между тем как основы на š, ž сохранили связь с основами на мягкую согласную: nažêį, fšêį (при nažy, fšy), ср. rubl'êį, m'êčêį; 2) отвердение губных в случаях, как z'êm'l'u не повело за собой перехода ê в ö потому, что m не могло лабиализироваться перед мягкой согласной (хотя возможно, что отвердение в таких случаях сравнительно ново).

Во всяком случае недавно отвердевшие согласные не влекут за собой перехода e в ö. Это можно объяснить или так, что ко времени их отвердения уже нарушился закон о переходе e в ö перед твердыми согласными, или так, что при таком позднейшем отвердении не лабиализировалась вообще отвердевшая согласная. Ср. отвердение губных перед мягкими язычными: примеры — z'eml'u, d'ér'evn'a; отвердение губных перед суфф. sk, звучавшим, повидимому, долго как s'k (s' вместо s под влиянием предшествующей согласной): zemskaį; отвердение зубных и r перед тем же суффиксом: d' er'êv'enskaį, ženskaį; отвердение r перед твердыми губными и задненёбными: p'ervaį, čerpat', s'erp, z'erkałъ; также диалектическое отвердение губных перед мягкими средненёбными: ššepk'i.

Откуда же пошло нарушение общего закона о переходе e в ö перед твердыми согласными? Быть может, оно явилось следствием перехода звука *ѣ* в *e*, совпадения звуков *ѣ* и *e*; *ѣ* в древнерусском звучало отлично от *e* сначала как *ie*, а затем диалектически, вероятно,

как ie. Когда в московском наречии, как и во многих других, ie утратило свою неслоговую часть, древнее ѣ стало звучать в положении перед твердой согласной как е, а перед мягкой как ė: m'era, m'ėr'it'. Таким образом, в целой категории случаев получилось соединение е с последующей твердой согласной; е уже не могло в этих случаях подчиниться господствовавшей до тех пор норме, требовавшей перед твердой согласной ȯ: это повело к тому, что е перед твердой согласной стало вообще терпимо. И когда соединение е с твердой согласной получилось позже в результате отвердения согласных после ė, е уже не переходило в ö — ȯ.

В настоящее время, таким образом, литер. наречие, сохраняя древнее чередование ȯ перед твердой согласной — ė перед мягкой, имеет ряд случаев, где оно нарушено. Все случаи подходят под следующие категории: 1) е перед отвердевшим c: kup'ec, 2) е на месте ѣ перед твердой (или отвердевшей) согласной: v'ek, r'eš, m'estα, m'ełkai̯ (стар. мѣлкыи), 3) е перед поздно отвердевшими согласными: zeml'u, zemskai̯, d'εr'ėv'enskai̯, s'erp, čerpat', диалект. ššepk'i, 4) е перед твердой (или отвердевшей) согласной в словах церковнославянских: n'ebα, kr'est, žertvα, abyknav'ennai̯, duxav'enstvα, pad'eš, m'ėt'eš (ср. перечень этих слов выше, в главе I).

2. В настоящее время видим, что в московском наречии в слогах ударяемых известны гласные о, а, е, ė, между тем как в предударных вместо о, а является а, вместо е, ė является ė, а в прочих неударяемых слогах вместо о, а — α, вместо е, ė — ε; при этом после мягких согласных в предударных слогах вместо о, а находим ė, а в прочих неударяемых слогах ε, но в конце слов под влиянием грамматической аналогии не ε, а α. Понять эти явления, как было отчасти уже сказано в вводной главе, можно только с исторической точки зрения, предполагающей, что некогда звуковые отношения наречия, предшествовавшего московскому, были иные, чем теперь. Конечно, явления современного московского наречия и литер. нашего языка не трудно понять как результат редукции неударяемых гласных а, о, е, ослабления их в положении не под ударением и замены их гласными неполного образования. Но неясным представляется хотя бы то обстоятельство, что о и а в неударяемом, но непредударном, слоге одинаково нетерпимы, заменяясь здесь через α, между тем как в предударном слоге сохраняется а, и даже о переходит здесь в а (аканье). Для объяснения московского аканья и редукции неударяемых гласных надо, как кажется, исходить из следующих двух соображений.

Во-первых, аканье и редукция гласных — это явление общее всем южновеликорусским и белорусским говорам, следовательно, согласно предыдущему, общее некогда всем восточнорусским говорам. Активно

оно выступило поэтому впервые в восточнорусском пранаречии. Конечно, и аканье и редукция гласных в основании своем явления однородные; явления эти состояли в ослаблении (редукции) неударяемых гласных, но не всех, а только гласных широких или более широких, а именно а, о, ŏ, е, вероятно, и ė; гласные і, у, u редукции не подверглись; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер. праязыке; это повело к ослаблению силы слогов неударяемых, а такое ослабление, не отражаясь на природе сокращавшихся при этом в силе гласных узких (u, у, і), сказалось на природе сократившихся при этом в силе гласных широких (а, о, е). Эти гласные потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда α и среднего ряда ε. Таким образом, теоретически мы должны были бы ждать и в моск. наречии и в других южновеликорусских говорах во всех вообще неударяемых слогах на месте а, о звук α, а на месте е (ѣ) звук ε (имею в виду пока только а, о в положении после твердых согласных); следовательно, vαdá, stαrαná, krαsá, prαs'í, xαžú, stαr'ik, stαr'iká; d'εl'it', n'εs'í, d'εs'átαį, t'εsnαtá. Между тем, как в московском наречии, так, более или менее последовательно, и в других южновеликорусских говорах, находим вместо α — а, вместо ε — е в слоге предударном, тогда как в других неудар. слогах действительно являются α, ε. Понять это обстоятельство можно только при предположении, что закон о редукции гласных в неударяемых слогах изложен нами не вполне точно, что с самого начала в нем было дано еще одно соответствующее условие. Таким условием было, повидимому, следующее: ослабление силы слогов неударяемых было разной степени; в слоге предударном гласные становились менее сильными сравнительно с ударяемыми, а в других неударяемых слогах они переходили в совсем слабые; но ослабление а, о, е даже менее сильное давало в результате те же звуки α, ε, что ослабление полное; постепенное усиление α, ε, требовавшееся только-что приведенным сопровождающим условием, давало в результате звуки а, ė. Таким образом, а о, е в неударяемых слогах вообще переходили в α, ε, но в слогах предударных α, ε в силу требовавшейся здесь большей силы изменялись в а, ė, т. е. становились звуками полного образования, быть может, однако, более краткими, чем звуки ударяемые — а, о, е. Еще Потебня, определяя взаимное отношение по силе неударяемых слогов в южновеликорусском наречии и обозначая наиболее сильный (ударяемый) слог цифрой 3, определял слог предударный цифрой 2, а прочие неударяемые слоги цифрой 1; следовательно, слова stαr'ika, gałovuškα, gołαvu, na stαrαnu, stαrαná могут быть изображены как 123, 2311, 311, 3111; 123, равным образом

s'ėló, v'ɛs'ėlá как 23, 123; на месте цифры 1 из рассмотренных выше во взаимных их отношениях звуков стоят α, ɛ, на месте 2 звуки а, ė, на месте 3 звуки а, о, е.

Во-вторых, возвращаюсь к отмеченному уже выше обстоятельству, по которому в слогах неударяемых (не конечных) после мягких согласных стоят систематически вместо этимологических а, о звуки ė в слогах предударных и ɛ в прочих неударяемых слогах. Правда, о в таком положении звучало некогда как ö после не исконно мягких согласных, и переход ö в ė, ɛ понятен физиологически, так как ö принадлежит к гласным переднего ряда, того же ряда, что е; но в ė, ɛ изменяются также и ȯ в положении после исконно мягких согласных (žėnà, čėló), равно также и а в положении после всех мягких согласных (v'ėzat', čėsy). Это обстоятельство я объясняю себе так, что в московском наречии еще до редукции неударяемых гласных а, о после мягких согласных стали звучать как ä, ö (ȯ совпало, следовательно, с ö) в силу ассимилирующего влияния мягкой согласной на следующую гласную; сравниваю это с тем, что и под ударением, по крайней мере, между мягкими согласными, а, о звучат в московском наречии как ä, ö. Возможно, что такое изменение по происхождению своему не южновеликорусское, а северновеликор. (причем проникновение его в некоторые южновеликор. говоры обязано влиянию моск. наречия). Во всяком случае получаем хронологическое указание на глубокую его древность и понимаем, что при объяснении совр. моск. v'ėzat', čėsy, čėlo, равно как и s'ėlo, надо исходить из произношения v'äzat', čäsy, čölo, s'ölo. Итак, редуцируясь, гласные а, о переходили в α, а гласные ä, ö, е, ė (также i̯e, i̯ė, если так звучало ѣ) в ɛ в слогах неударяемых, причем α, ɛ̣, усиливаясь в слогах предударных, переходили затем в а, ė.

В-третьих, оказывается несогласованным с только-что выставленным утверждением то, что в конечном слоге после мягких согласных а, о звучат не как ɛ, а как α. Не думаю, чтобы при объяснении этого явления надо было исходить из предположения, что конечные а, о не подверглись переходу в ä, ö в конце слова после мягких согласных по причине физиологической. Более вероятно предположить, что такое изменение было задержано морфологическими причинами, а именно ассоциацией а, о после мягких согласных в окончаниях с а, о в окончаниях после твердой согласной: v'id'a, nos'a, xod'a, не переходили в v'id'ä, nos'ä, xod'ä под влиянием а в p'öka, ida, n'ösa; duša, ban'a, vol'a не переходили в dušä, ban'ä, vol'ä под влиянием а в voda, noga, kosa; pol'o, gor'o, l'ic'o имели о, не ö, под влиянием о в s'öló, v'ösló, čisló и т. д. Поэтому после редукции неударяемых а, о здесь получались v'id'α, ban'α, vol'α, pol'α, gor'α (а не v'id'ɛ, ban'ɛ, vol'ɛ, pol'ɛ, gor'ɛ). Понятно, что kol'i̯ä, звучавшее kol'i̯a, в силу ассо-

циации с kn'az'ia, drüz'ia перешло в kol'ia. Между тем dait'ä, xodit'ä фонетически изменилось в dait'ε, xod'it'ε. Равным образом в словах tožo, tužo о сохранялось под влиянием žo (žö) слабоударяемой частицы, между тем как в tužö, glubžö являлось ö; ср. совр. toža при tužε. Конечно ie (ѣ) систематически ослаблялось в конце слова в неударяемом слоге в ε: na s'ěn'ε, fpol'ε, vban'ε.

В-четвертых, в начале слова α физиологически оказывалось трудным для произношения и заменялось поэтому через а; следовательно, не только в предударном слоге: akno, adna, но и в других неударяемых слогах: ad'inákαf, adnavó, atvaz'it' и т. п.

3. Закон о падении слабых глухих и переходе сильных ъ и ь в *о* и *е* рассмотрены нами выше в главе 1. Там же рассмотрен закон о падении слабых глухих напряженных и переходе сильных ъ и ь в *о* и *е* (с дополнениями в главе 2).

4. Закон о монофтонгизации *ѣ* (ie) и переходе его в е и ě в великорусских говорах также рассмотрен выше. Возможно, что в некоторых условиях *ѣ* монофтонгизировалось в i еще в общерусскую эпоху. Быть может, дифтонг сохранялся только под ударением, а в неударяемых слогах только перед твердой согласной, между тем перед мягкой согласной и в конце слова ie заменялось монофтонгом i. Под ударением благодаря бо́льшей силе звука оба элемента дифтонга сохранялись неприкосновенными; в неударяемом слоге перед твердой согласной то же имело место потому, что твердая (согласно предыдущему, вероятно, лабиализованная) согласная препятствовала ассимиляции элемента е элементу i (т. е. переходу iė в iė, откуда ii,i); напротив, в неударяемых слогах перед мягкой согласной и в конце слова ie естественно переходило в iė, ii, i. Указание на общерусский переход ie в i в положении перед мягкой согласной извлекаем из слов как *дитя, сидеть* (ср. старослав. дѣтѧ, сѣдѣти, русск. *дети, сел*), быть может, также *мизинец* (ср. сербск. мезимац, древнерусск. мѣзиньць) и *свидетель* (вместо съвѣдѣтель, хотя здесь сказалось, вероятно, влияние слова *видеть*); эти слова звучат с *и* не только в великорусском и белорусском, но также и в украинском, причем белорусское *а* в *сядзець, сядзеў* надо объяснять [1] как результат нового изменения *сидеть* в *седеть* под влиянием *сеў, сели*. В *дитятко, сиднем* (совр. литер.), *насиженный* видим нефонетический перенос *и* под ударение. Указание на общерусский переход ie в i в конце слова извлекаем из совр. моск. и литер. *двести, колени*, являющихся формами двойственного числа; этимологически ждем и в памятниках имеем двѣ сътѣ, колѣнѣ. Если же вообще конечное ie (*ѣ*) не звучит как i в московском наре-

[1] В рукописи «объяснить». (Ред.)

чии, а как ε, возводящееся к е, то вероятно объяснить это еще общерусским диалектическим переносом ie (ѣ) в неударяемые окончания из соответствующих ударяемых[1]: na s'ẽn'ẽ вместо na s'ẽn'i под влиянием na gn'ẽzd'ẽ, na s'el'ẽ, na p'er'ẽ. — Звук е из ѣ, согласно предыдущему, не подлежал переходу в ö (о) перед твердыми согласными; если же мы в московском наречии находим несколько случаев подобной замены, то она произошла не фонетически, а по аналогии, отчасти в морфологических категориях. Так, вместо ожидаемых z'v'ezdy, v'edrα, gn'ezdα (этимологически *звѣзды, вѣдра, гнѣзда*) находим z'v'ozdy, v'odrα, gn'ozdα; ясно, что подобное произношение вызвано аналогией: s'ėło — s'ołα, v'ėsło — v'osłα, r'εm'ėsło — r'εm'osłα, m'ėtła — m'otły, s'ėstra — s'ostry. Вместо ожидаемых pr'iobr'eł находим pr'iobr'oł под влиянием аналогии m'oł при m'ės't'i, или c'v'oł (цвел) при c'v'ės't'i (цвести). Ср. еще простор. ub'ok вместо ub'ek по аналогии zažok, isp'ok, ut'ok. Произношение nad'ovαn под влиянием apl'ovαn, zat'osαn, rastr'opαn, ср. nad'ėvat' при apl'ėvat', zαt'ėsat' и т. д.

5. В род. пад. местоимений и прилагательных находим окончание -vo, -vα; в письменности до сих пор держатся окончания *-го*; ясно, что -vo объясняется из *-гσ*, но не из *-го* с g (go), а из *-го* с γ или h (γo, ho). Переход -go в -vo в великор. наречиях неизвестен, ср. slugoi, tugoi, pagon'a, zagon. На старое произношение -γo, -ho указывает диалект. северновеликорусск. -γo, напр. в олонецких наречиях Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского, Вытегорского уездов; -γö, -γa господствует и в южновеликор. говорах, но здесь оно может быть объяснено из -go, ибо всякое g звучит в них как γ; между тем в северновеликор. g сохранилось, а потому диалектическое γ нельзя объяснить в нем из g. Переход γ в v надо признать явлением великорусским, в частности северновеликорусским. Оно восходит, судя по памятникам, к XIV в. Общерусский праязык имел в род. падеже окончание -oho; это -oho унаследовано из общеславянского и возникло здесь из -oo, а это из -oso: *koso дало *koo нефонетически под влиянием нефонетического же перехода *kosmu дат., *kosmь местн. в komu, komь; ср. старое окончание -so в česo, čьso.

Глава IX.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЛИТЕРАТУРНОМ СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО.

Непоследовательность в проведении некоторых звуковых явлений может объясняться или поздним их происхождением и отпором со стороны различных обособившихся групп лиц, говорящих литератур-

[1] В рукописи по описке: «неударяемых». (Ред.)

ным языком, или также тем отпором, который оказывал вообще нововведениям письменный язык, отчасти опирающийся на письменные начертания. Впрочем, этот отпор не мог быть действительным, если бы он не находил себе поддержку и в живом народном произношении.

Рассмотрю несколько случаев.

1. В литер. наречии заметно стремление к отвердению звука r перед согласными. Так, в индивидуальном произношении, как указано в главе 7, господствует r твердое перед мягкими язычными после гласных заднего ряда: porča, fiorn'ik, dvorn'ik, kurn'ik, parn'i, afčarn'α (при v'ečér'n'ii̯, dav'ér'čivαi̯, m'ér't'v'ɛnnɜi̯); реже отвердевает r в таком положении после гласных переднего ряда (dav'erčivαi̯, v'erčɛnαi̯). — Весьма распространенно отвердение r перед твердыми губными и задненёбными согласными: p'ervαi̯, s'erp, z'erkαłα, čerpαt'; я приводил выше случаи, где r' удерживается в таком положении: čet'v'ér'k, cér'kαf', v'ér'x.

2. В литер. наречии отвердевает n в конце слова, если мягкость n не защищена аналогией, а именно в положении за неударяемыми гласными. Так объясняется р. мн. bašɛn, baryšɛn, pés'ɛn, bašɛn, но d'ɛr'év'én' (в kor'ɛn' ń защищено аналогией косвенных падежей). Однако имеем očɛn', не očɛn, хотя, впрочем, известно и očɛn.

3. В литер. наречии нередка замена r'i через ry после задненёбных согласных: skrypkα, gryp, gryby, skrypét', kryło, krynkα, но встречается и sḱŕipka, ǵŕip, ǵŕiby, ḱŕinka, и только kŕik, kŕiknut', ǵŕiva, xŕip.

4. В литер. наречии čn в ряде слов заменено через šn: malošnαi̯, kan'ešnα, но ряд слов, и не только церковнослав. происхождения, удерживает čn: v'ečnαi̯, r'ečnoi̯, točnαi̯.

Глава X.

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ АНАЛОГИИ, НАРУШИВШИХ ЗВУКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Распространение каждого звукового закона может повести за собой расширение его естественных пределов вследствие тех или иных лексикологических или морфологических причин. Выяснение природы таких явлений безусловно необходимо, иначе останется невыясненною самая сущность исследуемого звукового закона. Нередко указанные причины, напротив, не расширяют, а задерживают распространение звукового закона.

1. Повидимому, еще в очень древнюю эпоху отвердели конечные губные; ср. тв. ед. на m вместо ожидаемого m' (из -мь): synom,

sadom, или 1 л. ед. на -m: dam, i̯em. Но конечные губные мягкие, защищенные аналогией, удерживают свою мягкость до сих пор в литер. нашем языке: golup̕, s'ém', krof', ср. gołubi, s'ém'i, krovi; izbaf', pr'igołup', ср. izbav'it', pr'igołub'it'; ostaf', ср. ostav'it', и т. д. Диалектически, а также и в диалектах литер. наречия, губные конечные потеряли мягкость и в таких случаях, несмотря на действие аналогии.

2. Отвердение конечного t в 3-м лице ед. и мн. могло произойти только фонетическим путем: nos'it, nos'at; отвердение произошло во всех северорусских говорах (только в некоторых из них сохранилось окончание -ut' в 3-м лице мн.). Оно не распространилось на окончание инфинитива под влиянием задерживающей аналогии со стороны форм. на -t'i (n'es't'i, pas't'i); не распространилось на окончание имен. ед. слов, как n'it', mat', gospot', под влиянием форм склонения, где мягкая согласная (t', d') была защищена гласною.

3. Мы видели выше, как чередование о в ударяемом слоге с ė в слоге предударном, причем и о и ė восходят к исконному е, вызвало подобное же чередование в нескольких таких случаях, где ė восходит в предударном слоге к исконному ѣ, не переходившему фонетически в ö, откуда о; ср. zv'ozdy, gn'ozdα, v̇'odrα, pr'iobr'oł, nad'ovαn, padd'ofkα.

4. Чередование о в ударяемом слоге с а в предударном, восходящим к исконному о, вызывало по аналогии о в ударяемом слоге вместо исконного а при а в предударном слоге: našu-nos'it, kašu-kos'it, xažu-xod'it вызывает при płaču — płot'it вместо płat'it, pαsažu — pasod'it вместо pasád'it в нашем литер. языке; диалектически в южновеликорусск. говорах указанная аналогия захватила еще большее количество случаев. Точно также под влиянием kal'co — kol'cα и т. п. иностранное слово pal'to в просторечии получает во мн. числе произношение pol'tα.

5. Чередование о в ударяемом слоге с ė в предударном, восходящих к исконным е после мягкой согласной, вызывает появление о в ударяемом слоге в соответствии с ė в предударном, восходящим к звуку а после мягкой согласной; n'os — ńe·u. p'ok — ṕeku вызывает zapŕok вместо zapŕak при zapŕegu, tŕos вместо tŕas при tŕesu.

6. Чередование о, и в ударяемом и неударяемом слоге простого глагола (однокр.), с о в ударяемом слоге многократного на *-ивать* вызвано было старым общеслав. чередованием о с а в глаголах длительных *(просити — прашати*, отсюда русское *прашивать)*. Из таких случаев, как *просить — прашивать, косить — кашивать, носить — нашивать, молить — маливать, усвоить — усваивать*, такое чередование распространялось на случаи, как *колотить — околачивать*,

молотить — обмолачивать, *морозить — замораживать*, где *оро* восходит к общеслав. *or*. Позже оно распространяется и на ряд других случаев, неизвестных в древнем языке: *обуславливать*, *озабачиваться*. Такое произношение диалектически распространяется в нашем литер. языке.

Глава XI.

СКЛОНЕНИЕ.

Склонением называется изменение слов по падежам. В русском языке известны следующие падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и местный или предложный. Определение значения этих падежей, сложившихся исторически и притом в составе предложения, принадлежит синтаксису. Здесь отметим, что им. пад. — это та форма, которую в речи принимает грамматическое подлежащее, остальные падежи это формы, которые принимают грамматические дополнения; эти остальные падежи называют в противоположность именительному косвенными падежами.

Вин. пад. в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно. Род. пад. имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти. Дат. пад. имени означает, что на представление, соответствующее этому имени, направлено действие, что в интересах его оно совершается. Твор. пад. имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия. Местн. пад. в русском языке употребляется только после предлогов *в*, *на*, *при* и *об*, из которых первые три дают преимущественно указание на то, что действие совершается в пределах представления о получившем местный падеж имени.

Склоняемыми словами являются в русском языке: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, а также глагольные образования, объединяемые понятием причастия. Склоняемые слова объединяются понятием имя.

Эти склоняемые имена изменяются еще по другим категориям, а именно по категориям числа и рода. Категория числа (а в русском языке различаются два числа: единственное и множественное) свойственна всем склоняемым именам (кроме однако числительных количественных); она наблюдается и в глаголе. Категория рода (в русском языке различаются три рода: мужеский, женский и средний) свойственна именам прилагательным, местоимениям, числительным (в количественных — только числительным *один*, *два*), причастиям; та же

категория наблюдается в некоторых глагольных формах, по происхождению формах именных (прилагательных, причастиях). Таким образом, склоняемые имена в отношении к категории рода распадаются на имена, не изменяющиеся по родам: это имя существительное, и имена, изменяющиеся по родам: это имя прилагательное, местоимение, числительные и причастия. Правда, в именах существительных находим имена мужеского, женского и среднего рода, но эти три ряда имен даны как готовые, определенные ряды: из них не может быть извлечена категория рода, так как, во-первых, сами существительные не изменяются по родам, во-вторых, их род определяется в ряде случаев только синтактически (напр. *умная голова, городской голова*).

Указанное деление склоняемых имен на имена существительные и на остальные склоняемые имена устанавливается и синтактически: имена существительные это слова определяемые, а прилагательные, местоимения (кроме личных местоимений), числительные и причастия — имена определяющие (аттрибутивные). Различия между определяющими словами, как и вообще значение частей речи, определяются синтактически. Морфологические различия (в строении основ и в падежных окончаниях) дают основания и при изложении морфологии рассматривать отдельно определяемые слова (имена существительные) и слова определяющие, а в этих словах — отдельно: прилагательные, местоимения, числительные и причастия.

Глава XII.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

1. Категория рода.

Как указано, в именах существительных различаются три рода, грамматически не соединимых по одному из своих признаков: имена мужеского, женского и среднего рода. Эти имена исконно различались по самым своим основам, т. е. по тем неизменным частям слова, к которым присоединяются падежные окончания: только основы на -ĭ и на -ā еще в индоевропейском праязыке обнимали не только слова женского рода, но также слова мужеского рода; впрочем, явный перевес в основах на -ā исконно принадлежал словам женского рода; мужеского рода были только те слова, которые обозначали лица мужеского полу; то же наблюдается в русском языке и теперь.

Я упомянул об основах и падежных окончаниях. Тесное слитие окончания основы с падежным окончанием (в частности конечной гласной основы и начальной гласной падежного окончания) произо-

шло еще в индоевропейском праязыке. С течением времени, благодаря фонетическим изменениям, которым подвергались вообще конечные гласные основ, а также и те гласные, где слились окончание основы и падежное окончание, представление о первоначальной основе затемнялось все более, сменяясь в представлении говорящих представлениями о других, видоизмененных основах. Так, представление об основах мужеского рода на ŏ, в особенности после происшедшего уже на русской почве отпадения конечных -ъ в им. пад. (а -ъ из -os) и в вин. пад. (где -ъ из -om), сменилось представлением об основах на согласную; то же представление сменило также представление об основах мужеского рода на -й, ибо и здесь произошло отпадение в им. пад. -ъ (из -ŭs), а в вин. пад. -ъ (из -ŭm). Научное определение основы в современных именах существительных невозможно; но, так как разнообразие падежных окончаний в современном языке обусловлено, как и в старом, различием именных основ, то обозрение форм склонения должно основываться на различии этих основ по тому или иному их признаку. В настоящее время при обозрении наличных именных основ можно исходить из формы им. пад. ед. числа; окончание этого падежа, напр. в части имен женского рода и в именах среднего рода, не может быть признано падежным окончанием уже по тому самому, что язык наш имеет ряд имен мужеского и женского рода, где форма им. пад. ед. числа отличается от формы почти всех остальных падежей именно отсутствием окончания, представляясь таким образом тождественною с основой (напр. основы мужеского рода на твердую согласную: *стол, дом,* основы мужеского рода на мягкую согласную: *ключ, гост'*, основы женского рода на мягкую согласную: *кост'*).

Принимая во внимание исконное деление существительных на три рода, а также необходимость объединить некоторые группы существительных, в пределах каждого из тех родов, по общности падежных окончаний, я распределю обозрение склонения имен существительных по следующим отделам.

1. Имена мужеского рода: а) ед. число слов на твердую и мягкую согласную: *дом, нож, гость*; б) ед. число слова *путь*; в) мн. ч. слов на твердую согласную и на -*й* (ĭ): *столы, воробьи*; г) мн. число слов на *ж, ш* и на мягкую согласную: *ножи, родители*; д) мн. число слов на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся в им. мн. на -*ья*; е) мн. число слов, представляющих в ед. числе основу на -*ин*: *бояре*.

2. Имена женского рода: а) слова на *ж, ш* и на мягкую согласную; б) слова на *а* (женского и мужеского рода): *вода, буря, душа, куча, воевода, юноша*.

3. Имена среднего рода: а) слова на *о* (после мягких согласных

и исконно мягких, но отвердевших, — *е*): *село, море, ложе*; б) слова на *а*: *имя, дитя*.

Исходя из того принципа, что образование форм склонений распределяется по им. пад. ед. числа, я рассматриваю склонение слов, представляющих две или несколько основ, в том отделе, куда относится соответствующий им. пад.: *мать* и *дочь* рассматриваются в склонении основ женского рода на мягкую согласную, но их особенность — появление основы *матер-*, *дочер-* оговаривается особо; *чудо*, *небо* относятся к словам среднего рода на *-о*, но особо оговаривается производство ими мн. числа от основ *небес-*, *чудес-*; мн. *дети* я укажу при *дитя*, хотя оно возводится к другой основе, чем *дитя*, *дитяти*; мн. *жеребята*, *телята* укажу при склонении слов мужеского рода на твердую согласную, ибо им. ед. при них являются *жеребенок*, *теленок*; слово *господь* рассмотрю вместе с именами мужеского рода на мягкую согласную, несмотря на то, что в род. и других падежах является *господ-*.

Обзору склонения имен я должен предпослать несколько общих замечаний. Расположу их сначала по тем категориям, о которых я уже говорил: рода, числа, падежей.

Р о д и м е н с у щ е с т в и т е л ь н ы х, как указано, познается синтактически. Но частью и окончание слова свидетельствует о принадлежности его к тому или другому роду. Так, все слова на твердую согласную — мужеского рода; из слов на твердую согласную к женскому роду могут принадлежать только слова на *ш*, *ж*. Женского рода все слова на *а*, кроме слов, обозначающих лица мужеского пола (*парнишка*, *мальчишка*). Среднего рода все слова на *о* (*е*), кроме слов, обозначающих существа мужеского полу, как, напр., имя *Михайло*, *Серко*, фамилия *Ткаченко*, *Манько*, а также уничижительных на *-ишко*, *-енко*, произведенных от неодушевленных мужеского рода: *домишко*, *башмачишко*, *табачишко* (уничижительные от одушевленных оканчиваются на *-ишка*: *старичишка*), и увеличительных на *-ище* от одушевленных муж. рода: *мужичище*. Следовательно, только в словах на *ж*, *ш* и на мягкую согласную род не может быть определен окончанием; он определяется для одних падежей, в том числе для им., синтактически, а для других падежными окончаниями, ибо падежные окончания слов мужеского рода (в ед. числе) расходятся с окончаниями слов женского рода. Некоторые слова на *-а* могут быть мужеского и женского рода: *пьяница*, *ханжа*. Впервые при определении рода мы встречаемся с особой категорией, категорией одушевленных имен, и притом мужеского рода: только в эту категорию могут входить слова мужеского рода на *-а*; неодушевленные с этими окончаниями могут быть только женского рода.

2. Категория числа.

Категория числа входит в склонение существительных: вообще от каждого имени могут быть произведены формы как ед., так и мн. числа. Но некоторые имена по значению своему не могут употребляться во мн.; это, во-первых, названия стран света и местностей, как *север, юг, Китай, Саратов;* во-вторых, слова с отвлеченным значением, как *глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть;* в-третьих, слова, означающие действия: *бегство, служение, уженье, судоговорение, летание, стукотня, езда, молотьба, сев;* в-четвертых, слова со значением вещественным: *воск, мука, горох, лебеда, мак, серебро, ветчина, золото, молоко, медь;* в-пятых, названия некоторых народов (с собирательным значением): *Мордва, Черемиса, Литва, Русь.* Впрочем, многие из подобных слов допускают индивидуализацию, т. е. могут мыслиться не в сплошной неделимой массе, а выделенными в особые виды, входящие в состав собирательного или вещественного понятия, напр. *сено* луговое и лесное, *масло* подсолнечное и льняное, *мясо* русское и черкасское; при такой индивидуализации возможно употребление этих слов во мн. ч.: *масла, мыла, мяса́, сена, табаки́, спирты* и т. д. Равным образом возможна индивидуализация отвлеченных понятий, и это ведет к производству от них мн. числа: *радости* означает радостные события, впечатления; *должности* — места, занятые должностными лицами; *добродетели* — качества добродетельного человека и т. д. Таким образом, мы, анализируя имена в отношении к категории числа, встречаемся с категориями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Как увидим, эти категории связываются еще и с другими явлениями в склонении имен.

Напротив, ряд имен употребляется только во множественном числе; сюда принадлежат, напр., *сани, ножницы, щипцы, дрожжи, соты, гусли, духи́, весы, икры, корчи, клещи, вини, крести, бубны, червы, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы,* также названия городов и сел: *Холмогоры, Боровичи, Яссы.* Род этих имен только в некоторых случаях может быть определен морфологически: так, слова с окончанием *-ы* могут быть признаны женского рода, если оканчиваются в род. мн. на согласную основы; мужеского, если оканчиваются на *-ов*; впрочем, этот критерий произвольный; выставляя его, не считаются с тем обстоятельством, что слова мужеского рода, употреблявшиеся преимущественно во мн. числе, как раз не имеют в род. мн. окончания *-ов: сапог, солдат, рекрут.* С полною достоверностью определяются только слова среднего рода, ибо окон-

чание им. мн. -*а* свойственно только именам[1] среднего рода. Слово *ножницы* женского рода по своему суффиксу, неизвестному в мужеском роде. Слово *помои* представляется нам мужеского рода, благодаря род. *помоев*, но по происхождению своему это слово женского рода Синтактическое определение рода подобных имен невозможно потому. что слова определяющие (прилагательные, местоимения) во мн. числе утратили различие в роде. Особую группу составляют слова, означающие парные предметы: *глаза, бока, рога, уши, плечи, ноздри, колени*, устарелое *очи*.

3. Категория падежей.

Падежей, как мы видели, в склоняемых словах различается шесть. Но в некоторых именах мужеского рода в книжной, а частью и народной речи сохранились старые формы звательного падежа: *боже, отче, владыко, Иисусе Христе, господи.*

Много известно существительных, которые употребляются только в одном или двух-трех падежах. Такие существительные должны быть признаны (иногда в соединении с предшествующими предлогами) наречиями, ибо они потеряли главное свойство существительных, как слов определяемых; ср. *верхом* (существительное *верх* имеет твор. пад. *верхом*), *кругом, гуськом, наизволок* («я *пошел на изволок*» у Л. Толстого), *на показ, на изнанку, на выворот, на распашку, в потьмах, в торопях, в сухомятку, в приглядку, в прикуску, на бекрень, без умолку*. Мы говорим *на тощак* вместо диалектического *на тощах*, где форма местн. мн. от прилагательного. Слово *даром* мы рассматриваем как наречие, потому что при *даром* в известном его употреблении не может быть определения. Точно также наречием является *дома, молчком*. В народном выражении *по делом* сохранилась старая форма дат. мн. При *силком* известно простонародное *силом*, ведущее к слову мужеского или среднего рода, ср. *силомъ*, в адвербиальном употреблении, в совр. болгарском (напр. Извѣстия на семинара по слав. филология при унив. въ София, кн. III. с. 248). Особо отмечу некоторые фамилии, по происхождению оказывающиеся формами род. ед. или род. мн.: *Дурново, Петровых;* эти имена не склоняются, но и не сознаются как формы род. падежа.

Прилагательные с полным окончанием (*-ый, -ая, -ое* и т. д.), получившие значение существительных (большею частью благодаря пропуску определяемого ими существительного), склоняются вообще как прилагательные: *гостиная, крёстная, крёстный, ломовой, прохо-*

[1] Слово «именам» в рукописи, очевидно, по описке опущено. (Ред.)

жий, нищий, взрослый, худое, Бологое, Красный, Толстой, жаркое. Поэтому склонение таких существительных должно быть рассмотрено в отделе, посвященном прилагательным. Но прилагательные с именными окончаниями [(-ъ), *-а, -о*; (-ь), *-я, -е*], получая значение существительных, переходят в склонение существительных: ср. *царевна, королева, Николаевна, спальня;* сюда же имена городов на *-ск: Смоленск, Витебск, Кузнецк;* далее имена на *-в*, утратившие связь с притяжательными: *Киев, Глухов, Чернигов;* имена на *-ь*, как *Ярославль, Переяславль, Епифань* (в *Игумен* видим отвердение *н* в конце слова, ср. *башен*, вм. *башень*); также названия рек: *Десна, Шуя, Ельня.* Но многие прилагательные с именными окончаниями, ставши существительными, образуют некоторые падежи по склонению прилагательных — или точнее сохраняют вообще именное склонение прилагательных: сюда относятся фамилии на *-ов, -ин*, если эти имена употребляются и как прилагательные притяжательные: *Борисов, Царицын.* Склонение этих имен существительных должно быть поэтому рассмотрено в отделе прилагательных.

Здесь вернусь к некоторым грамматическим категориям в именах существительных, обнаруженным предшествующими указаниями.

4. Категория одушевленности и неодушевленности.

Выше было указано, что кроме имен уничижительных и увеличительных на *-о* (*-е*) могут оканчиваться только те слова мужеского рода, которые обозначают существа одушевленные: *подмастерье, Серко, Карько, Ткаченко.* Следовательно, категория слов одушевленных грамматическим образом отделяется от категории слов неодушевленных. Можно думать, что средний род потерял вообще возможность определять живые существа и что все слова среднего рода, означавшие имена одушевленные, перешли в мужеский род; этим объясняется, быть может, и переход *теля, жеребя* в *теленок, жеребенок.* Только слово *дитя, дитятко* осталось среднего рода. Можем проследить указанную категорию и в других грамматических явлениях, а именно в склонении ед. и мн. числа слов мужеского рода и мн. числа слов женского рода. В мужеском роде вин. падежи ед. и мн. числа тождественны по форме с им. падежами только в словах, обозначающих нечто неодушевленное: *столы, дома, посты*; между тем в словах, обозначающих нечто одушевленное, вин. падежи ед. и мн. числа тождественны с род. падежами: я вижу *брата*, я согнал *голубей.* Исключений из этого общего правила вообще не имеется: *за муж* имеет наречное значение (ср. выше); наречными выражениями являются также и такие, как вышел в *люди*, отдан в *солдаты*, в *рекруты*, произведен в *офицеры*,

полковники, пошел в *монахи* и т. п. Напротив, находим вин., сходный с род., от слов на *-атель*, *-итель*, как *числитель*, *знаменатель*, *множитель*, *делитель*, очевидно, под влиянием того, что вообще все слова на *-тель* означают имена лиц; говорят—поставить *идола*, сокрушить *идолов*, очевидно, вследствие представления об идоле как о живом существе. — В женском роде вин. ед. отличается в словах на *-а* от им.; по этой причине здесь не могло быть противоположения вин. пад. одушевленных и неодушевленных, подобного тому, что в мужеском роде; под этим влиянием не создалось такого противоположения и в словах женского рода на мягкую согласную, где вин. совпадает с именительным (*дочь*, *мать*, *свекровь*). — Но вин. мн. женского рода совпадает во всех именах с им.; такого совпадения нет однако в именах одушевленных; в них вин. пад. заменяется родительным: *я прибил собак*, *я позвал дочерей*. — В среднем роде совпадение винит. с им. замечается и в ед. и во мн. числе; словам среднего рода несвойственна замена вин. пад. род., ибо кроме слова *дитя*, это все слова с неодушевленным значением (некоторые отвлеченные могут быть и конкретизированы); в силу этого вин. пад. — *дитя*, *дитятко*, *лицо*, *божество*, *превосходительство*, во мн. — *лица*; но вообще, как мы видели, почти все слова одушевленные среднего рода (кроме *дитя*) перешли в мужеский род. В словах мужеского рода на *-о*, *-е* вин. пад. ед. числа не может быть, в силу указанной причины, тождествен с им. пад.; он в одних случаях (когда слово на *-о* означает не личность) принимает окончание род. ед., напр. *запряги Карька́*, в других (когда слово на *-о* означает личность) принимает окончание, свойственное склонению слова на *-а*: *Ткаченку*, *Сидоренку*, *Михайлу*; это обстоятельство повело к тому, что имена лиц на *-о* вообще склоняются как слова на *-а*. Слова, как *телята*, *поросята*, получают в вин. мн. окончание род. в силу того, что по роду своему они припадлежат к словам мужеского рода (ср. *теленок*, *поросенок*): *телят*, *поросят*. Категория одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именам существительным; прилагательные, получившие значение существительных, если эти существительные мужеского рода, имеют в вин. пад. форму род.: *позовите городового*. Прилагательные определяющие, так же, как аттрибутивные местоимения и числительные, согласуются в падеже и в форме падежа; поэтому находим и здесь в мужеском роде при определении одушевленных в вин. пад. форму род. пад.: *я люблю своего брата*, *я видел многих высоких людей*; также в женском роде при вин. мн. одушевленных: *завел злых собак*, *купил молочных коров*. Только неодушевленные мужеского рода могут иметь в род. ед. окончание *-у*; одушевленные не имеют этого окончания.

Особо стоят местоимения вопросительные, как употребляющиеся самостоятельно, а не аттрибутивно: в них выражено различие одушевленных и неодушевленных: *кто?, кого?* относится к одушевленным, *что?, чего?* к неодушевленным. Личные местоимения 1-го и 2-го лица означают, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вследствие этого вин. и род. совпадают здесь в одной форме: *меня, тебя, нас, вас*, но местоимение 3-го лица заменяет не только личные имена, но та́кже и названия предметов; в этом местоимении однако различение одушевленных и неодушевленных не удержалось; вин. пад. в одушевленных получил форму род., и эта форма заменила также форму вин. пад. неодушевленных: *я положил его* (камень), *я читал ее* (книгу), *я проезжал его* (село).

5. Категория лица и не лица.

По своему происхождению она древнее категории одушевленности и неодушевленности; это видно из того, что в словах на *-а* мужеского рода находим только имена лиц, а не животных (ср. позднейшее распространение мужеского рода на слово *собака* в украинск. и белорусск.); сопоставьте с этим и то, что в местоимениях личных и вопросительных категория лица имела исконно выражение. В современном языке категория лица имеет ограниченный круг распространения, расширившись (напр. в употреблении род. вместо вин.) в категорию одушевленности и неодушевленности. Тем не менее эта категория может быть определена и теперь; ср. только-что указанное обстоятельство — наличность в словах на *-а* только названий лиц мужеского рода: *воевода, тупица, умница, слуга, невежа, левша, заика, замарашка.* При этом, как мы видели, имена лиц среднего рода на *-о* переходят в своем склонении в склонение слов на *-а: Ткаченку,* от *Ткаченки* и т. д. Отметим кроме того замену окончания слов на *-ало*, означающих именно лиц, окончанием *-ала: обирала, объедала, оплетала, шагала, вышибала, подлипала.* Категорию лица находим еще в словах мужеского рода на согласную; так слова на *-ин* в ед. числе, если это *-ин* не повторяется во мн., означают только лиц мужеского полу: *гражданин — граждане, болгарин — болгаре, хозяин — хозяева, шурин — шурья* и т. д. Еще резче выражается эта категория во мн. числе: окончания *-е, -а* (неударяемое), *-ва* свойственны только именам лиц мужеского полу: ср. *граждане, бояре, римляне, хозяева, бояра;* также окончание *-ья́* (с ударением на *-я*): *мужья, друзья, кумовья;* окончание *-и* при основе на твердую исконно согласную точно также является только в именах лиц: *черти, соседи* (склоняются дальше по аналогии слов как люди: *чертей, соседям* и т. д.); напротив, окончание

-ья без ударения известно почти только от неодушевленных (исключения — *братья, холопья);* и также только в неодушевленных является окончание *-ы* с ударением (при неударяемости падежных окончаний в единств. числе): *пары́, сады́, ряды́, шаги́, духи́* (но *ду́хи*); единственным исключением является нерусское слово *пан: паны́; шуты́* является при *шута́, шуто́м.*

Категорию лица можно проследить еще в употреблении числительных *двое, трое, четверо:* они соединяются только с именами лиц: *двое мужей, трое друзей, четверо солдат,* также *двое детей;* имена женского рода, так же, как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных: *две женщины, два вола, три волка.*

6. Категория отвлеченности и конкретности.

Мы обнаружили эту категорию, определяя слова, не образующие мн. числа; только предметы, мыслимые как нечто конкретное, могут соединяться с представлением о числе и, следовательно, образовать мн. число; слова *красота, ясность, привлекательность* не могут соединяться с числительными; поэтому при них нет и множественного; но можно сказать «*Ты допустил две неосмотрительности*» в значении уже не отвлеченном, а в значении неосмотрительных поступков; поэтому возможно мн. число: *неосмотрительности.* Категория отвлеченности сказывается еще в нескольких грамматических явлениях. Так, они в противоположность конкретным охотно принимают в живом, разговорном языке окончание *-у* в род. мужеского рода, причем конкурирующее окончание *-а* в значительном числе случаев может быть отнесено насчет церковного, книжного влияния: *для виду, для запаху, для вкусу, со страху, сверху, снизу* (см. подробнее в отделе склонения слов мужеского рода). Те слова, при которых возможен счет (*два, три*), гораздо реже получают окончание *-у*. Отмечу еще, что все слова мужеского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*).

7. Категория единичности и множественности.

Некоторые понятия мыслятся нами только в ед. числе, не допуская множественного. Кроме рассмотренных отвлеченных и отмеченных ниже вещественных и собирательных, сюда относится ряд конкретных. Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в ед. числе, можно заметить, что он определяется прежде всего еди-

ничностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, напр., имена собственные, означающие местности (города, реки), название стран света; сюда же относятся слова, представляющие во мн. числе другую основу или ассоциирующиеся с другим словом: *человек — люди, цветок — цветы;* сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во мн. имеют другой оттенок значения; *хлеб* означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как мн. *хлеба́* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: *вынула хлеба́ из печи*). Все эти слова мужеского рода объединяются в одной категории единичности, что можно заключить, напр., из того, что ни одно из них не может образовать род. пад. на *-у* в современном литер. языке: ср. *из* ***Рима****, из* ***Петербурга****, из* ***Кашина****, из* ***Пудожа*** и т. д.; также — *дайте* ***хлеба;*** *с* ***юга****, с* ***востока***. Единичность в словах на *-ин* выражается этим суффиксом; во мн. находим основу без *-ин* (образования, как *воины, литвины, мордвины, русины,* принадлежат к книжным и искусственным). Замечательно соединение подобных образований на *-ин* с числительными *два, три, четыре;* также — *два* ***цветка****, два* ***человека****, три* ***человека*** (даже *сто* ***цветков****, пять, десять, сто* ***человек***). Ясно, что категория единичности не всегда исключает возможность мыслить те или другие единичные предметы в числе двух, трех и вообще многочисленных, но не допускает представления о них в неопределенном числе. Мы говорим: *пять* ***дворян****, сто* ***бояр***, не *дворянинов, бояринов*, в силу унаследованного издревле словоупотребления. Замечу, что слова на *-ин* рассмотрены уже выше: как указано, в них сказалась также категория лица. — Повторю еще раз, что категория единичности не исключает считаемости: можно сказать: *в России два* ***Кузнецка****, две* ***Десны****, два* ***Ростова****, две* ***Двины***, но мы не скажем: *Кузнецки, Двйны.*

Слова, употребляющиеся только во мн. числе, pluralia tantum, особенно красноречиво доказывают наличность категории множественности-единичности. Оставляя в стороне названия городов, горных хребтов (*Карпаты*), видим, что остальные слова обозначают: а) сложное или составное орудие или предмет: *сани, щипцы, дрожки, ворота, клещи, мехи́, гусли, счёты, весы*, б) части тела: *уста, икры*, в) карточные масти: *червы, вини*, г) разделения времени: *будни, святки, сумерки*, д) название праздников, обрядов, служб: *крестины, именины, похороны, мефимоны.* К словам этой категории отнесены те формы мн. числа, которые в ед. числе являются с другими оттенками и мало употребительны; напр. *плоды, святые дары, пески*, а также слова, как *люди* (при *человек*), *дети* (при *дитя*). Слова, употребляющиеся только во мн., могут подлежать счету; но, как увидим в обзоре

числительных, слово *один* получает при этом форму мн. числа, а вместо *два, три, четыре, пять* и т. д. употребляются *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.: *двое ворот, трое щипцов, у меня сегодня двое крестин.*

8. Категория собирательности.

Не будем смешивать ее с категорией множественности; слова с множественным значением разложимы на составные единицы; напротив, слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое. Повидимому, в совр. русском языке эта категория имеет незначительное распространение сравнительно с древним: собирательные получили значение мн. числа; ср. *друзья, братья,* которые некогда были именами женского рода ед. числа; также *господа,* склонявшееся раньше — р. ед. *господы,* вин. *господу,* дат. *господѣ* и т. д. Равным образом *листья, зубья, гвоздья* — это по происхождению формы им. ед. ср. рода, причем *листья* (фонетически вместо *листье*) склонялось: род. — *листья,* дат. — *листью,* местн. — *о листьѣ.* В определении Востокова: *листы* означает предмет в отдельности, или единицы, а *листья* совокупность предметов, собрание единиц. Собирательное значение сохранили слова, как *Русь, Мордва, Литва, Черемиса;* также слова на *-ство: множество, большинство;* равным образом слова, как *толпа, народ, ряд.* Только некоторые из этих слов могут образовать мн. число.

9. Категория вещественности.

Сюда относятся: 1) слова, употребляющиеся только во множ. числе: *дрова, сливки, соты, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи́,* 2) слова, употребляющиеся только в ед. числе: *мука́, соль, мед, масло, сено, вино, молоко, горох* и т. д. Как указано, мн. число является для обозначения разных сортов этих веществ: *иностранные вина, конопляное и подсолнечное масла.* Грамматически эта категория выражается в словах мужеского рода, употребляющихся в ед. числе: они образуют род. пад. на *-у: мёду, воску, гороху, анису, изюму, винограду;* правда, и другие слова (напр. слова с отвлеченным значением) образуют род. с окончанием *-у,* но только вещественные могут иметь окончание *-у* под ударением: *табаку, коньяку, песку, нашатырю.*

10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности.

Мы видели уже при рассмотрении категории рода, что указанная категория определяется и фактами языка; существует именно связь

между родом простого имени и произведенных от него слов с указанными значениями; связь эта нарушает ту зависимость рода от окончания, которую замечаем в языке (в силу этой зависимости, напр., иностранное *пальто* среднего рода). Так, мы знаем, что все неодушевленные на *-о* (*-е*) среднего рода; однако слова умепьшительные *башмачишко, домишко, голосишко* мужеского рода под влиянием *башмак, дом, голос*; также увеличительное — *попище*, уничижительпое — *мужиченко*; слова *ручища, ножища*[1], *головища* женского рода под влиянием *рука, нога, голова.* Так, местн. ед. *в уголку*, с таким окончанием, можно объяснить только влиянием со стороны *в углу*.

11. Общие замечания об основах имен существительных.

Укажу на несколько явлений, общих основам разных склонений Сюда относятся: 1) осложнение основы в некоторых падежных формах звуками *о, е*, 2) изменения конечных согласных основы, 3) подвижность ударения в некоторых основах.

Основой называется неизменная в склонении часть того или иного слова. Как указано, принимая во внимание данное определение, основы современных склоняемых слов не тождественны с древними основами. Все основы имен существительных в совр. языке являются основами, оканчивающимися на согласные твердую или мягкую; как в тех, так и в других различаются основы мужеского, женского и среднего рода: *нос-, вод-а, княз'-, бур'-а, гнезд-о, мор'-е.*

1. Во многих словах основа является в двояком виде: простом, оканчивающемся на ту или иную группу согласных, и осложненном, где группа согласных подверглась вставке гласной *о* или *е*; по своему происхождению оба вида восходят к одному первоначальному со звуком *ъ* или *ь* между согласными; мы знаем, что *ъ* и *ь* при одних условиях, а именно, когда в следующем слоге находился *ъ* или *ь*, переходили в *о* и *е*, а при других, когда в следующем слоге находилась гласная полного образования, опускались; вследствие этого и в корнях слов и в суффиксах возникали двоякие формы, причем в одних формах являлись звуки *о, е*, а в других они исчезали; такие звуки *о, е* можно по примеру школьных грамматик определять как беглые. Формы с беглыми *о, е* находим в им. и вин. пад. ед. числа мужеского и женского рода, оканчивавшихся некогда на *ъ, ь*: *ден'* (ср. *дн'а*), *рож* (ср. *ржи*), *сон* (ср. *сна*), *каток* (ср. *катка*); далее в род. мн. всех трех родов, также оканчивавшихся на *ъ, ь*: *турок* (ср. *турки*), *царевен* (ср. *царевна*), *пис'ем* (ср. *письмо*); затем в твор. ед. женского рода, оканчивавшемся некогда на *ью*: *любов'ју* (ср. *любв-и*). Беглое *е* (от-

[1] В рукописи: *ручище, ножище.* (Ред.)

куда при известных условиях *о*) находим в сочетаниях *аі̯е, оі̯е* и т. д. в соответствии с *аі̯, оі̯*: *заі̯ом-* (*заі̯ма*), *шеі̯ек-* (при *шеі̯к-а*). В некоторых случаях беглость *о-е* не оправдывается этимологией, но явилась по аналогии случаев, где беглые *о, е* восходят к ъ, ь: *лёд* (ср. *л'ду*), *потолок* (*потолк-а*), *камен'* (*камн'-а*), ср. в древнем языке ледъ, камене, в диалектах — *потолока*; иногда форма без беглой гласной переносится по аналогии в такие падежи, где беглая гласная требуется фонетикой: *причт — причта* (вместо *причет*), *Смоленск — Смоленска* (вместо *Смоленеск*). Напротив, по аналогии беглости *о, е*, восходящих к ъ, ь, в некоторых словах находим вставку *о, е* в группы согласных, этимологически не оправдываемую: *псалом* (*псалм-а*,), *досок* (ср. *доск-а*), *замысел* (*замысл-а*). Наконец, видим, что есть слова, где *о, е* удерживается во всех падежных формах, несмотря на то, что, по своему происхождению из ъ, ь, подлежали бы выпадению: *чеснок — чеснока, челнок — челнока, чернец — чернеца* (при древнем чьрнца), *мох — мохом* (но также *мху*), *кузнец — кузнеца, гордец — гордеца*; сохранение *о, е* во всех случаях вызвано стечением согласных. Благодаря выпадению ъ, ь в одних формах, сохранению их в других, видим такие дублеты, как: *пришелец — пришел'ца* при *пришлец — пришлеца*. Ограничиваюсь этими немногими замечаниями о беглости *о, е* в основах имен существительных.

2. Согласные в конце основы подвергаются изменениям благодаря а) положению в конце слова, б) положению перед гласной переднего ряда. Положение в конце слова вызывает: а) переход звонких согласных в глухие *рот* (род. *род-а*), *княс'* (*княз'-а*), *сапок* род. мн. и им. ед. (при *сапог-а*), *рош* (при *ржи*), *рып* (при *рыб-а*), *любоф'* (при *любв-и*); б) отвердение конечного *н'* в слоге неударяемом: *кухон* (при *кухн'а*), *башен* (при *башн'а*), *наковален*; в) диалектическое отвердение мягких губных: *кроф, любоф, голуп.*

Положение твердой согласной перед гласной переднего ряда или *і̯* вызывает: а) переход их перед *е* (из ѣ) в соответствующие мягкие: на *стол'е* (при *стол*), в *вод'е* (при *вод-а*); при этом задненёбные переходят в мягкие средненёбные: *кулак'-е, ног'-е, горох'-е* (при *кулак, ног-а, горох*); б) переход задненёбных в мягкие средненёбные перед окончанием *-ы*, которое изменяется под влиянием предшествующей согласной в *-и*: *рук'-и, яблок'-и, мух'-и*; в) переход задненёбных *к, г* в *ч, ж* в случаях, как: *суч-і̯а* (при *сук-*), *крючья, клочья, батожья*; ср. еще *ж* вм. *г* в *боже*; г) переход задненёбного *г* в *з* в слове *друз-і̯а* при *друг* (раньше переход *г* в *з, к* в *ц, х* в *с*, и притом именно перед ѣ и перед *и* из ѣ, был общим законом, но позднее *з, ц, с* вытеснены этимологическими *к, г, х*: *руке* вместо *руцѣ, други мои, волки* вм. *друзи, волци*). В книжном языке: *в бозе почивший.*

3. В отношении к ударению именные основы делятся на две группы: а) основы с неподвижным ударением, б) основы с подвижным ударением. Различие этих двух категорий зависело от известных звуковых явлений, имевших место частью еще в общеслав. праязыке, а частью еще в более отдаленную эпоху славяно-балтийскую: здесь долгие гласные (ā, ī, ū, ē, ȳ) и дифтонги имели двоякого рода долготу; одну из них называем экспираторною (или вслед за Фортунатовым длительною), а другую музыкальною (прерывистою); экспираторная долгота перетягивала на себя ударение с соседнего, ближе к началу слова, слога (краткого или с долготою музыкальною), между тем как гласные с музыкальной долготой так же, как и краткие гласные, этим свойством не обладали; вследствие этого, если ударение исконно падало на предпоследний слог с краткой гласной или гласной долгой с долготою музыкальной, то оно переносилось на окончание, если окончание имело экспираторную долготу; напротив, оно оставалось на основе, если окончание имело краткую гласную или гласную с музыкальной долготой: vódā переходило поэтому в vodā́ (ибо ā имело экспираторную долготу), но vódǫ в вин. сохраняло старое место ударения (ибо ǫ имело музыкальную долготу); rógā в им.-вин. двойственного переходило в rogā́, а rógā в род. ед. сохраняло старое место ударения (ибо ā в им.-вин. двойственного имело экспираторную, а ā в род. музыкальную долготу). Вследствие той же причины гласная основы с экспираторной долготой перетягивала на себя ударение с окончания, если гласная окончания была краткая или долгая с музыкальной долготой: sȳnъ́ переходило в sȳ́nъ, но sȳnȳ́ с ȳ в окончании вин. мн. экспираторно-долгим сохраняло свое наконечное ударение. Позднейшие ассоциативные явления в сильной степени видоизменили и осложнили указанные две первопричины подвижности ударения в склоняемых основах; мы находим (частью еще в общеслав. праязыке) передвижение ударения и при таких условиях, которые не могут быть прямо возведены к этим первопричинам: ср., напр., чередование ударений в *село́*, *села́*, *селу́* при им. мн. *сёла*, несмотря на то, что ā в selā (*сёла*) имело некогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя ударение с предшествующего слога. В виду того, что употребление тех или иных падежных окончаний (в особенности в словах мужеского рода) зависит от подвижности или неподвижности ударения основы, мне придется обращать ваше внимание на это свойство склоняемых основ и рассматривать состав слов с подвижным ударением при обзоре склонения по указанным выше отделам.

В виду выясненной причины подвижности ударения в некоторых словах, нам понятно, какие именно слова исконно не допускали подвижности в ударении: это, во-первых, слова с экспираторной долго-

тою в предпоследнем и притом ударяемом слоге, а также слова с краткою или музыкально-долгой гласной в предпоследнем слоге, когда ударение слова исконно падало на окончания: *клин, сила; поп — попа́, тоска́.* Оставляя в стороне отношения, выясняющиеся для древнего языка, видим, что с точки зрения современного языка ударение неподвижно, когда оно в им. ед. женского рода на *-а* падает на первый слог двусложного слова: *липа, рыба, сила, тяжба, баба*; далее, когда оно в словах женского рода на *-а* и среднего рода падает в многосложном слове на предпоследний слог: *поляна, лопата, ворона, солома, колено, кобыла, копыто*; также в словах мужеского рода, когда оно в род. пад. падает на предпоследний слог многосложного исконно русского слова: *проро́ка, горо́ха, челове́ка*; далее в словах женского рода, когда ударение падает на начальный слог многосложного слова: *вы́ставка*; далее в словах женского рода на *-ость: мо́лодость, старость, радость.* Определение того, какие слова с неподвижным ударением имеют его на основе и какие на окончаниях, заводит в вопросы, выходящие из пределов русского языка в его историческом развитии. Отмечу только, что все сложные с предлогами слова имеют ударение на основе (или на предлоге): *наро́д, пору́ка, рассада, разма́х, нарост, посуда́, и́згородь, за́говор, за́мок;* исключение составляют слова с подвижным *о, е*, как *замо́к — замка́, посо́л — посла́, наём — найма́,* а так же слова *похвала́, помело́* (это слово с подвижным ударением: *поме́лья*). Все слова мужеского рода с ударением на окончаниях имеют конкретное (или вещественное) значение, кроме слов *грабёж, делёж, мятеж* и прочих на *-ёж.*

12. Склонение единственного числа слов мужеского рода на твердую и мягкую согласную.

По происхождению своему объединяющиеся в одном общем склонении основы восходят: а) к старым основам на *-о*: *брат*, б) к основам на *-о* после согласной заднепёбной, которой предшествовала гласная переднего ряда, изменившая заднепёбную согласную в свистящую простую или африкату: *отец* (отьць из *otiko-s), *князь*, в) к основам на -jo: *край, муж*, г) к основам на -ŭ: *сын, дом*, д) к основам на -ĭ: *гост', лебед'.*

Падежные окончания ед. числа частью восходят к старому склонению на -о, частью же к старому склонению на -ŭ (окончания основ на -jo исчезли: напр. *-и* в местн. ед., ср., впрочем, ниже). Окончания эти следующие. Род. пад.: *-а* (из основ на -о), *-у* (из основ на -ŭ). Дат пад.: *-у* (из основ на -о). Твор. ед. *-ом* (из основ на -ŭ, причем замена более древнего окончания *-омь* через *-ъмь* произошла

еще в общерусском праязыке). Местн. ед. *-е* (па месте *-ѣ* из основ на -о), *-у* (из основ на -й). Об окончании на *-и* (*о Василии*) см. ниже. Вин. пад. сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончапия, общие для всех слов мужеского рода (кроме слова *путь*), произносятся различно в зависимости от того, падает ли на них ударение или нет: род. -а, в неударяемом слоге *-α*; дат. -ŭ, в неударяемом слоге -u; твор. -om, в неударяемом слоге -*α*m после твердых согласных, -em после мягких (па письме под ударением: *-ом*, *-ём*, *-ем*, в неударяемых слогах *-ом*, *-ем*); местн. -е, в неударяемом слоге -ε.

Из приведенных окончаний только окончапие *-у* местн. ед. перетягивает на себя ударение в словах с ударением подвижным. Это обстоятельство приводит к определению следующего состава слов с подвижным ударением (все приведенные слова могут образовать или образуют всегда местн. ед. на *-у* с ударением на окончании, между тем во всех прочих падежах ударение падает на основу).

Указываю только те слова, которые в моем словоупотреблении имеют окончание *-у*.

гроб, дуб, зоб, шкап, дом, Дон, плен, быт, чан, бал, вал, мел, пыл, пол, бор, жар, пир, ветер, бред, вид, год, зад, лад, мед, пруд, род, ряд, сад, ход, чад, холод, перед, лет, мост, пот, свет, цвет, воз, глаз, таз, низ, вес, квас, лес, нос, бег, долг, круг, луг, мозг, снег, торг, шаг, берег, бок, век, крюк, сок, шелк, верх, дух, мех, пух, смех, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай, хмель, хлев, остров, жир, сор, вечер, отпуск, смотр.

Кроме того видим перенос ударения на *-а* в род. ед. некоторых слов после числительных *два*, *три*, *четыре* и после слова *пол*; слова эти следующие: *шаг*, *раз*, *шар*, *час*, *ряд*: мы говорим *полчасá*, два *шагá*, два *часá*, так же два *разá*, при два *рáза*, три *шарá* (более обычно, чем три *шáра*). Окончание *-а* в этих случаях по происхождению не окончание род. ед., а им.-вин. двойственного, которое систематически перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением.

Многие слова колеблются в своем ударении: при род. *шáра* (*земного шáра*), *плóда*, *прýда*, *ýса*, *бáса*, *тáза*, *бáнта*, *кожýха*, *шýта* (ср. в особенности *к шýту*), *жýка*, *сóкола* известно и *шарá*, *плодá*, *прудá*, *усá*, *басá*, *тазá*, *бантá*, *кожухá*, *шутá*, *жукá*, *соколá* (я подчеркнул то ударение, которое свойственно моему словоупотреблению).

Как мы знаем, ряд основ мужеского рода является в двояком виде с беглыми *о*, *е* и без этих гласных. Беглые гласные принимают ударение на себя, если оно вообще падает на окончания: *отéц* — *отцá*,

висо́к — виска́, костёр — костра́, наём — найма́. Но в словах *у́зел, у́гол* ударение переносится не на беглые гласные, а на корень.

В связи с основами, имеющими беглые *о, е,* стоят и те основы, которые в им. пад. оканчиваются на *-ий.* В чисто русских словах это окончание неизвестно; вместо него является *-ей: жеребей — жеребья, улей — улья.* Но в церковных именах при русском окончании *-ей* является церковное *-ий: Василей, Юрей* при *Василий, Георгий;* в церковном окончании выдерживается *и* также и в остальных падежах: *Василия, Василию, Василием;* в местн. ед. находим *Василии* (при *Василье*). Итак, в именах собственных на *-ий* является окончание местн. ед. *-и,* неизвестное в русских словах.

Как указано, в род. и местн. ед. слова мужеского рода представляют по два окончания: одни из них *-а, -е* восходят к основам на -о, другие *-у, -у* к основам на -ŭ. Остановлюсь на вопросе о распределении этих окончаний.

Родительный падеж. Окончание *-а* можно признать обычным и господствующим окончанием. В известном синтактическом употреблении формы род. пад., а именно после числительных *два, три, четыре,* современный литературный язык знает исключительно окончание *-а: два года, три дома, четыре рода.* Род. пад., как мы уже знаем, заменил здесь древнюю форму двойственного числа; это видно из ударения в таких случаях, как *два го́рода, два му́жа, три го́да* и т. д.; *го́рода, му́жа, го́да* по месту ударения формы род. пад., в им.-вин. двойственного ударение основ с подвижным ударением переносилось на окончание: *города́, мужа́, года́;* ср. сохранение старого ударения в случаях выше указанных, как *два шага́, два раза́, два часа́, два ряда́.* Совпадение окончания *-а* им.-вин. двойственного с *-а* род. ед. повело к употреблению род. пад. после числительных 2—4, а это закрепило окончание *-а* во всех словах, подлежащих счету. Напротив, слова, по значению своему не употреблявшиеся после числительных, укрепили за собой окончание *-у.* Слова эти двух категорий: 1) вещественные, 2) отвлеченные (см. ниже). Кроме того, исключительно *-а* имеют все слова, означающие живые существа, в том числе и имена собственные; нарицательные могут подойти под разряд слов, соединявшихся с числительными, но имена собственные требуют для своего *-а* другое объяснение. Дело в том, что исконно (еще в общеслав. праязыке) слова, обозначавшие лица, получали в вин. пад. форму род пад., но окончанием, общим для обоих падежей, было исключительно *-а,* ибо употребление формы род. пад. на *-у* в основах на -ŭ для вин. пад. было совершенно неизвестно, напротив, и здесь являлась в вин. форма *сына* при род. *сыну;* вытеснение окончания *-а* в род. слов, обозначающих лица и живые существа, вообще

через -*у* стало невозможно именно вследствие того, что то же окончание -*а* было окончанием вин. падежа. Итак, для окончания -*а* определяются следующие области нераздельного господства: 1) слова, обозначающие живые существа, 2) конкретные слова, подлежащие счету. Но относительно господства -*а* в этих последних словах должна быть сделана следующая оговорка: там, где форма род. пад. исконно совпадала с формой им.-вин. двойственного, вытеснение окончания род. -*а* окончанием -*у* было невозможно; напротив, там, где форма род. пад., отличаясь по ударению от формы им.-вин. двойственного, не совпадала с ней, вытеснение окончания -*а* окончанием -*у* стало явлением обычным; первый случай имел место в словах с неподвижным ударением: *клина* род. ед. и им. двойственного, второй — в словах с подвижным ударением: вместо *го́рода* род. ед. (при *города́* им.-вин. двойственного) могло явиться *городу*. Таким образом, область конкретных слов, где господствует безраздельно окончание -*а*, ограничиваем так: 2) конкретные слова, подлежащие счету, с ударением неподвижным. Это объясняет, почему в современном языке совершенно неизвестно окончание -*у* в словах с ударением на окончании, если слово не имеет значения вещественного (*табаку, пӗску* и т. п.); ср. *куста́, конца́, креста́, холста́, сундука́, двора́, угла́, боба́, топора́* и т. д.

Из предыдущих замечаний выясняется, что область распространения окончания -*у* ограничивается теми группами слов, куда -*у* могло проникать, не встречаясь с безраздельным господством -*а*, следовательно, теми группами, где форма род. пад. не была тождественна с другим падежом (вин. ед. в именах, означавших живые существа; им.-вин. двойственного в конкретных с ударением неподвижным). Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежавшим счету в составных своих частях: *народу, люду, товару, сору, бархату, перцу, супу, во́ску, мёду, са́хару, сыру, гороху, чаю, клею, мелу, дёгтю, песку́, табаку́, огню́, киселю́, миндалю́, фуражу́, коньяку́, мышьяку́*, также *льну, льду* (вместо древнего *леду́*); далее слова со значением отвлеченным (и потому счету не подлежавшие): *вкусу, счету, запаху, цвету, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, без умолку, крику, до зарезу, весу, от роду, с размаху, спросу, духу, слуху, шуму, мору, толку, до верху, с низу;* наконец, слова со значением конкретным при условии подвижности их ударения (многие из приведенных форм на -*у* только в соединении с предлогом): *Дону, из лесу, из дому, до́ дому, с часу, без году, с боку, и́з ряду, с возу, из носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, с миру, с полу, от роду, с краю*; сюда же относится *и́зо рту*; в этом соединении форма род., потерявшая ударение, не совпадала с формой им.-вин. двойственного

рта. Итак, определяются следующие группы с господствующим окончанием *-у*: 1) слова со значением вещественным, 2) слова со значением отвлеченным, 3) слова конкретные с подвижным ударением.

Однако полное господство *-у* видим только в первой группе. Но и здесь необходимы оговорки. Если счету подлежат сорта того вещества, которое обозначается одним из рассматриваемых слов, то употребляется форма на *-а*, как форма исключительно господствующая при счете: *два разных табака́.* Слово *овёс* по причине неясной не образует *овсу,* а только *овса* (влияние слов как *про́са, пшена́*?). Слово *хлеб* имеет *хлеба* потому, что означает не только вещественное понятие *(у нас нет хлеба)*, но и конкретное *(подали два хлеба)*. Ср. употребление *сыра* при счете: *два сыра.* Также *народа: два народа.* Вообще индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания *-а*: *лес состоит из ельника* и *березника, очистить лес от хвороста, он вышел из простого народа, предание русского народа* (ср. Востоков). Сюда же такое словоупотребление: *свойство сахара, пряность аниса, перца* (но возможно и: *вкус коньяку, запах табаку*).

Во второй и третьей группе окончание *-у* не только чередуется с окончанием *-а*, но и вытесняется им. Вытеснение *-у* во второй группе обязано двум причинам: во-первых, влиянию книжного языка, упорно державшегося старого окончания *-а*; ср. *страха* ради Иудейска, *блеска, срама, разврата, возврата* (а под этим влиянием: *доклада, отпуска, смеха* и т. д.). Во-вторых, еще тем, что окончание *-у* не вытесняло вообще окончания *-а* в форме, сопровождаемой определяющим словом: *для виду,* но *для одного вида, от расходу,* но *от большого расхода;* это обстоятельство вело к тому, что слова отвлеченные, более тесно определенные, так сказать, индивидуализированные, систематически стали удерживать *-а*: *этого вида я не забуду, от этого вкуса, зеленого цвета, от постоянного расхода* и т. д. Вытеснение *-у* в третьей группе обязано тем же двум причинам, но также еще и третьей, а именно употреблению формы на *-а* при счете: *два носа́, ряда́, бока́, года́* и т. д. вытеснены формами *два но́са, ря́да, бо́ка, го́да* и т. д.; эти формы содействовали утрате форм *но́су, ря́ду, бо́ку, го́ду* в родительном, и последние, как мы видели, сохранились отчасти только в положении после предлогов. В современном литер. языке нет ни одного слова с конкретным значением, которое не могло бы образовать формы род. пад. на *-а*; и, напротив, параллельные формы на *-у* все более утрачивают под собою почву.

Местный падеж. Употребление обоих окончаний *-е* и *-у* гораздо строже разграничено, чем употребление обоих окончаний *-а* и *-у* в род. Обычным окончанием местн. ед. является *-е*; нет слова, которое бы

не могло образовать в местн. пад. формы на *-е*. Но при этом форма местного падежа является в двояком виде в зависимости прежде всего от предшествующего ей предлога.

После предлогов *о (об), при* господствует, и притом исключительно, форма на *-е*: *об угле, при саде, о береге, о верхе, о рте, о рае, при бое* и т. д. Возможно, однако, что слово *полк* образует *полку* в соединении с предлогами *о, при*. После предлогов *в, на* в большей части слов держится окончание *-е*. Но в некоторых группах слов находим окончание *-у*. Это окончание имеет всегда на себе ударение, причем переносит его на себя, если другие окончания в склонении являются без ударения.

Окончание *-у* в местн. ед. находим: 1) во многих словах с подвижным ударением: *в гробу, в зобу, на дому, на Дону, в чану, на балу, на пиру, в ряду, на ходу, в цвету, на весу, на носу, на бою, в раю* и т. д. (все эти слова перечислены выше), 2) в некоторых словах односложных в местном падеже: *во рту́, на лбу, на льду, во мху, на дню,* 3) в следующих словах с неподвижным ударением на окончаниях: *в полку́, в посту́, в углу, на плоту́, в уголку* (возможны также, но моему словоупотреблению они чужды: *в песку, в узлу, в полону́,* ср. рядом *в песке, в узле;* слово *полон* вышло из употребления), 4) в наречных выражениях: *на яву, на скаку.*

Многие из этих слов образуют и формы на *-е*. Так, мне, напр., возможно сказать: *в дому* и *в доме, на балу* и *на бале, на холоду* и *на холоде, в цвету* и *в цвете* (только *в цвете лет*), *в глазу* и *ни в одном глазе, на весу* и *убавил в весе, в квасу* и *в квасе, в носу* и *в носе, в кругу* и *в круге моих знакомых, на веку* и *в I веке, на верху* и *на верхе дерева, на смеху* и *в его смехе, на острову* и *на острове, в жиру* и *в жире, в вечеру* и *на вечере, в отпуску* и *в отпуске, в чаю* и *в чае,* и др. Я говорю только *в по́гребе, в тереме,* хотя известны и формы *в погребу́, в терему́*. При этом бросается в глаза еще и следующее обстоятельство: определяемая форма местн. ед. чаще имеет окончание *-е,* чем неопределяемая; частью это видно из приведенных примеров, хотя необходимо заметить, что окончание *-у* известно и в определяемой форме: *в платяном шкапу, на моем веку, в высшем кругу, в великом посту.* Ср. еще *в моем доме, в деревянном гробе, на его глазе.*

Скажу несколько слов о происхождении чередования окончаний *-е* и *-у* в местн. падеже. В основах на -о было искони известно окончание *-ѣ* (переходившее в *-и* после мягких согласных в основах на -jo; в основах на -ŭ было окончание *-у*. Оба окончания имели некогда длительную долготу и потому перетягивали на себя ударение в словах с подвижным ударением: род. — *са́да*, местн. — **садѣ́*; род. — *до́му*, местн. — *дому́*. Но в основах на -о, а также вероятно и в основах на -ŭ, с течением времени, впрочем, еще в общеславянском праязыке, произошла

оттяжка ударения в форме местн. ед. в словах с подвижным ударением; эти слова только в местн. ед. переносили ударение на окончание; влияние ударения других падежей имело последствием перенесение ударения на основу и в местном. *са́дѣ* вместо * *садѣ́*. Но после предлогов *въ* и *на* сохранилось старое место ударения, вследствие, быть может, тесного соединения формы местн. ед. с этими предлогами; мы увидим, что такая же оттяжка ударения, вызванная такою же причиной (влиянием других падежей), замечается в местн. ед. слов женского рода на -ь (как *речь, часть*), причем старое место ударения сохранилось в формах, следующих за предлогами *в, на* (я говорю *о ночи, о речи, о крови*, но *в ночи, в речи, на крови*). Под влиянием основ на -й в основы на -о проникало окончание -*у* в местн. ед.; но сохранилось такое -*у* вообще только там, где форма местн. ед. отличалась от формы дат. ед. В древнем языке, напр. находим *на холму, во льну, в обыску, в Смоленску*; но в современном исчезли все те формы местн. падежа на -*у*, которые по звуку тождественны с дат. пад.; остатками старого словоупотребления оказываются приведенные выше односложные формы, а также местные падежи, как *в полку́, в посту́, на плоту́, в полону́; углу́* при им. *у́гол* предполагает существование ударения *у́гла, у́глу* в дат., а это узаконивает *углу́* в местном; *в уголку́* под влиянием *в углу́*. Впрочем, данные древнего языка свидетельствуют о том, что самое распространение окончания -*у* насчет -*е* задерживалось там, где форма местн. на -*у* совпала бы с формой дат. ед.; но зато в древнем языке имелись условия, благоприятствовавшие распространению -*у* вопреки указанным задерживающим началам, а именно окончание основы на задненёбную согласную; в совр. литер. языке это условие устранено совсем и в полную силу вступили задерживающие начала.

Замечательно, что названия одушевленных предметов не знают совсем окончания -*у*. Это объясняется тем, что такие названия могли приходить в соединение с предлогами *в, на* только случайно, в единичных случаях; ср. *в во́роне, в во́лке, на во́ре, в бе́се* и т. д.

О некоторых особенностях отдельных слов. Слово *день* обычно склоняется так же, как рассматриваемые основы на твердую и мягкую согласную; но в литературную речь проникают и формы, образованные по другому склонению (ср. слово *путь*); так, находим *два́ дни, три́ дни* вместо *два дня, к Петрову́ дни, от Петрова́ дни*. То же в склонении слова *рубль: два́, три́ рубли*. — Слово *господь* имеет при себе зват. форму *господи*; все остальные падежи образуются от основы *господ-*: род. — *господа*, дат. — *господу* и т. д. — О том, что имена мужеского рода на -*ий*, как *Василий, Георгий*, образуют местн. ед. на -*ии*, см. выше. — О звательном ед. *боже, Христе, отче* см. выше. Слово *Христос* в других падежах имеет основу *Христ-*.

13. Склонение единственного числа слова *путь*.

Слово *путь* оказывается единственным из многочисленных слов мужеского рода с исконной основой на -ĭ, которое в ед. числе сохранило старые формы склонения; остальные слова перешли в склонение основ на -о, -jо (напр. *гость, лапоть*); некоторые слова сохранили свои формы склонения, но зато перешли в женский род (и образовали в твор. пад. форму на *-jу* вместо *-ем*); сюда относятся, напр., *печать, корь, гортань*. И слово *путь* в народном языке получает женский род.

Слово *пут'* склоняется так: род. — *пути́*, дат. — *пути́*, вин. — *пут'*, твор. — *путём*, местн. — *пути́*. Итак, ударение во всех падежах на окончании. — О формах *дни, рубли* сказано выше.

14. Склонение множественного числа слов мужеского рода на твердую согласную, кроме *ш, ж*, и на *-й* (окончание именительного множественного: *ы, -ы́, -а́*).

Основы, получающие такое склонение, те же, что рассмотренные выше в склонении ед. числа; но из основ на -jо сюда относятся только те, которые в им. ед. оканчиваются на дифтонг с *-й* (*край, бой, воробей* и т. д.); старые основы на -ĭ исключаются отсюда совсем. Отличием рассматриваемого склонения от склонения основ на мягкую согласную является окончание род. мн.: здесь находим *-ов, -ев* (*-ъ*), там *-ей*.

Падежные окончания мн. числа только отчасти восходят к старому склонению мн. ч. основ на -о, -jо; в им. мн. находим кроме того окончания, восходящие к двойственному числу мужеского рода, а также к им. ед. собирательных слов женского и среднего рода; в дат., твор., местн. находим окончания, заимствованные из основ женского рода на -а. Окончания эти следующие.

Им. мн.: *-ы*, (*-и*), *-а*. Род. мн.: *-ов* (*-ев*, т. е. jəf в неударяемых слогах после гласных и мягких согласных), (*-ъ*), точнее отсутствие всякого окончания. Дат. мн.: *-ам*. Твор. мн. *-ами*. Местн. мн. *-ах*. Вин. пад. мн. числа сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания в зависимости от фонетических условий, как отчасти указано в скобках, получают различное произношение. Звуку *-ы* в им. после твердых согласных соответствует звук *-и* после *j*(*i̯*): *столы*, но *боjи, чаjи, воробjи;* вместо *-ы* находим *-и* также после *к, г, х: волки, полки*. Звук *-а* известен только под ударением: *города́, краjа*. Окончание *-ов* произносится под ударением как -оf, в неударяе-

мых слогах как -af, после j находим в ударяемых слогах также -of, а в неударяемых -af: bojof, bratjaf. Окончание *-ам* дат. мн. под ударением -am, в неударяемых слогах -am. Окончание *-ами* твор. мн. под ударением -ami, в неударяемых слогах -ami. Окончание *-ах* местн. мн. под ударением -ax, в неударяемых слогах -ax.

Во мн. числе резко различаются основы с неподвижным ударением (на корне или окончаниях) и основы с подвижным ударением. Эти последние могут иметь ударение на окончаниях или во всем склонении, противополагаясь ед. числу, где ударение на корне, или только на окончаниях род., дат., местн., между тем как им., вин. мн. имеют, как и формы ед. числа, ударение на корне. Таким образом, в словах с подвижным ударением различаются две группы: в первой ударение переносится на окончания им. мн. *-ы* и *-а*, во второй ударение не переносится на окончание им. мн. *-ы*; объединяются обе группы тем, что ударение переносится в той и другой на окончания, начиная с род. мн. Определение подвижных основ предлагается ниже при рассмотрении соответствующих окончаний им. мн. При этом оказывается необходимым различать следующие три окончания: *-ы* (*-и*), перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением, *-а*, всегда имеющее на себе ударение, *-ы*, не перетягивающее на себя ударения в словах с подвижным ударением.

Именительный падеж множественного числа на *-ы* (*-и*), перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Это окончание надо признать господствующим; правда, его можно отличить от *-ы*, не перетягивающего на себя ударения, только в словах с подвижным ударением, но сопоставление слов, употребляющих то или другое окончание, доказывает, что первое из них (*ы*, перетягивающее ударение) свойственно преимущественно неодушевленным, между тем как второе (*ы*, не перетягивающее ударения) преимущественно одушевленным. В виду этого *-ы* (*-и*) в словах с неподвижным ударением одушевленных не отношу к рассматриваемому теперь окончанию. Это окончание по происхождению окончание вин. мн. числа; замена древнего окончания им. мн. *-и* окончанием вин. мн. *-ы* в словах, означающих неодушевленные предметы,[1] принадлежит к одним из ранних явлений в области русского склонения; произошла эта замена под влиянием того, что падежи им. и вин. мн. совпадали в склонении основ женского и среднего рода, а также и того, что эти падежи совпали в одной общей для всех родов форме в словах определяющих (прилагательных, местоимениях и т. д.); кроме того особенное значение при замене окончания им. мн. окончанием

---

[1] Слово «предметы», очевидно, по описке, в рукописи опущено. (Ред.).

вин. мн. имело и то обстоятельство, что в ед. числе слов мужеского рода, обозначающих неодушевленные предметы, им. и вин. падежи имели одну общую форму (*воз — воз, дом — дом*). В словах с основой на *-ц*, а также с основой на *-й* (*-ĭ*) находим окончание *-и* (которое после *ц* перешло в *ы*); это *-и* заменило окончание *-ѣ* под влиянием окончания *-ы* после твердых согласных. Примеры для окончания *-ы* в словах с неподвижным ударением: *столбы, посты, хвосты, плоды, дворы, суды, животы; доходы, размеры, заводы, товары, заносы, выступы, ножики; венцы, паи, лишаи.*

Окончание вин. мн. *-ы* имело некогда экспираторную долготу; вследствие этого ударение слов с подвижным ударением переносилось на это окончание. Вот почему окончание им. мн. на *-ы* (*-и*) в словах с подвижным ударением имеет на себе ударение. Перечислю слова с подвижным ударением, имеющие окончание *-ы* (*-и*); это перечисление необходимо потому, что слова с подвижным ударением могут иметь еще и другое окончание *-а*:

балы́, боры́, бои́, валы́, верхи́, весы́, дары́, долги́, дубы́, духи́, жары́, жиры́, зады́, зобы́, квасы́, круги́, лады́, миры́, меды́, мозги́, мехи́, носы́, низы́, паны́, пуки́, пупы́, полы́, пары́, пуды́, переды́, раи́, рои́, ряды́ разы́, сады́, склады́, слои́, сыры́, торги́, фунты́, хлевы́, цветы́, часы́, чаны́, чины́, чаи́, шаги́, шелки́, шкапы́.

Итак, это все двухсложные слова (трехсложно только *переды́*, но и оно исконно было двухсложно: *перед* из **пердъ*). Повидимому, они могут быть распределены на три группы. К п е р в о й относим те, которые вообще не употреблялись при счете, не могли, следовательно, образовать двойственного числа и таким образом получить окончание *-а* (проникшее, как увидим, из формы им.-вин. двойственного числа). Сюда относятся слова с вещественным значением: *меды, чаи, шелки, жиры, квасы, сыры;* далее слова употребляющиеся только во мн. числе: *цветы* (ед. число — *цветок*), *весы* (*вес* в другом значении), *мозги* (*мозг* стоит отдельно), *переды* (ед. число *передок*), *зады* (ср. *на задах, твердить зады*, где *зад* не стоит в прямой связи с ед. числом *зад*), *верхи* (то же), *низы* (то же), *лады́, нелады́, мехи́, склады́, круги́, духи́; жары* (в спец. значении, ср. ед. число *жара́*), *полы* (имеет то же значение, что ед. *пол*: **полы** *в этой комнате не годятся*), *торги́* (при счете не употребляется), *долги́* (то же). Сюда же относятся *часы́, разы́, шаги́, ряды́*, ибо *часа́, раза́, шага́, ряда́* не получили значения мн. числа, а употребляются только при числительных *два, три, четыре.* Слова *пу́ды, фунты* можно признать редко употребляющимися во мн. ч., ибо при счете употребляются или *пуд*, или *пу́да*, или *пуд, пу́дов* (после числительных). Ко в т о р о й категории относим книжные и новые слова, как *шкапы, балы, паны* (польск.), *раи, слои.* К т р е т ь е й ка-

тегории относятся: *сады, чины, миры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады* (последние три слова в других значениях, чем выше). В первых двух категориях появление *-ы* вместо ожидаемаго *-а* понятно (ср. или их книжный характер, или отсутствие возможности сочетать их с числительными 2, 3, 4). В третьей категории *-ы* непонятно, если не предположим, что мы имеем здесь дело со старой формой двойственного числа от исконных основ на -ŭ; *два сады́, три сады́* и т. д. укрепляло за *сады́* значение им. мн., как *два года́, три года́* вызывало в форме *года́* значение им. мн. — В некоторых словах замечается колебание: *возы́, воза́, хлевы́* и *хлева́* (у Востокова *хлева́*, но *хлевы́*).

Именительный падеж мн. числа на *-а*, имеющее на себе всегда ударение. Окончание *-а*, согласно только что сказанному, надо признать обычным и правильным окончанием им.-мн. слов с подвижным ударением. Все слова с подвижным ударением должны образовать им. мн. на *-а*. По происхождению это окончание им.-вин. двойственного; оно исконно имело длительную долготу и, следовательно, перетягивало на себя ударение; из сочетаний с числительным *два* формы двойственного числа переносились и в положение после числительных *три, четыре*: *два города́, топора́, три города́, три топора́*. Совпадение формы двойственного числа с формой род. ед. в части слов (в словах с неподвижным ударением), в связи с утратой самой категории двойственного числа, привело к синтактическому употреблению после числительных 2—4 формы род. пад. ед. числа: *два го́рода, топора́, три го́рода, топора́*; замена словоупотребления *два, три города́* словоупотреблением *два, три го́рода* привела к тому, что, во-первых, такие сочетания, как *два, три города́*, исчезли совсем, во-вторых, форма *города́* получила значение мн. числа. С предложенным объяснением согласно то, что слова с неподвижным ударением не могут образовать мн. на *-а* (ибо в них форма на *-а*, по происхождению форма двойственного числа, была по звуку[1] тождественна с формой род. пад.).

Слова, имеющие окончание *-а́* в им. мн., распределяю по следующим трем группам:

1. Слова двусложные или трехсложные вследствие полногласия:

боров, берег (брег), бок, ворох, год, город, век, ветер, дом, желоб, глаз, короб, голос, край, луг, лес, мех, рог, снег, стог, терем, хлеб, цвет. Быть может, сюда же *хлева́* (как у Востокова); также употребительны *раза́, волоса́, воза́*.

[1] Т. е. по месту ударяемости (при одинаковой флексии род. ед. и им.-вин. двойственного числа. (Ред.)

2. Слова трехсложные и многосложные; в них ударение, вероятно, перенесено с предпоследнего слога, гласная которого (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержать на себе ударения:

жернов, счет, погреб, откуп, окорок, порог, пояс, вечер, повар, остров, пристав, потрох, ястреб, колокол, шелеп, образ. Востоков дает еще: *возраста́.*

3. Иноязычные слова, разновременно заимствованные и подчинившиеся аналогии указанных трехсложных слов; во всех этих словах ударение не на предпоследнем слоге:

парус, купол, сорт; корпус, шомпол, орден, ситец, паспорт, ордер; мастер, кучер, катер, кивер, вахтер, доктор, ректор, профессор и пр., *мичман, флагман.* Что до *офицера́*, то *офице́р* отступает от указанного правила об ударении; быть может, надо допустить в старшем языке *офи́цер*, как заимствованное из польского.

Совершенно отдельно стоит *рукава́*, так как *рука́в* имеет неподвижное ударение на окончаниях; здесь видим явный остаток двойственного числа (ср. украинск. *рука́ва* с перенесенным ударением). Без сомнения, со значением двойственного числа употреблялись и слова *глаза́, рога́, бока́* как означающие парные предметы.

Большая часть приведенных слов может образовать им. мн. на *-ы* (без ударения); вероятно, подобные формы представляют книжные образования: *сто́ги, сне́ги, ве́хи, о́бразы, го́ды, жерновы, откупы, парусы, поясы*; это относится в особенности к иноземным, как *мастеры, профессоры, ордены.* Но особо должны быть оговорены: *ро́ги* (напр. охотничьи), *хле́бы* (с другим значением, чем *хлеба*); о них скажу ниже. — О некоторых параллельных образованиях на *-ы* ударяемое, как *цветы́, разы́, мехи́*, сказано выше.

Именительный падеж множественного числа на *-ы*, не перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Отличить окончание *-ы*, не перетягивающее на себя ударение, от *-ы*, перетягивающего ударение, можно, конечно, только в словах с подвижным ударением. Поэтому поговорим сначала о них, а затем перенесем полученный вывод и на слова с ударением неподвижным. Сначала укажу на те слова с им. мн. на *-ы*, которые с большею или меньшею вероятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное ударение, а потому не подлежащими нашему рассмотрению.

Это

гробы (ср. *гроба́*), *громы, долы, домы* (ср. *дома́*), *ду́бы, ви́ды, гра́ды, сло́ги, ве́ки* (ср. *века*), *со́ки, снеги* (ср. *снега*), *стоги* (ср. *стога*), *цехи, годы* (ср. *года́*), *ро́ды, клу́бы, сорты, ве́тры.*

Остальные слова делятся на две группы:

1. Слова, означающие одушевленные предметы: *во́лки, бо́ги, бесы, тру́сы, мо́ты, плу́ты, воры, ду́хи.*

2. Слова: *волосы, зубы, роги, хлебы, бо́ки* (*руки в бо́ки*).

Что до слов второй группы, то они имеют при себе и другие образования в им. мн.: *волоса* (и *волосья*), *зубья, рога, хлеба*; последние три слова отличаются по значению от *зубы* (*зубья* у пилы), *роги* (*рога* у коровы), *хлебы* (*хлеба* в поле); повидимому, множ. на *-ы* индивидуализирует их значение: *волоса, зубья, рога, хлеба* не означает нескольких волос, зубов, рогов, хлебов, а имеют или собирательное или парное значение. И это значение слов *зубы, роги* сближает их со значением множ. в словах одушевленных. Обращаясь к окончанию *-ы* в одушевленных, видим, что выводить его из вин. мн. невозможно; этому препятствует ударение; кроме того при давнем стремлении давать в вин. мн. одушевленных форму род мн., непонятно было бы, каким образом форма вин. мн., сравнительно редкая, могла вытеснить форму им. мн., тем более, что в ед. числе формы им. и вин. пад. отличались по форме. В виду этого принимаю, что *-ы* в *бесы, моты* и т. д. не есть окончание вин. мн. этих слов; *-ы* заменило окончание им. мн. *-и* под влиянием господствующего в других словах окончания *-ы* (по происхождению окончания вин. мн.); но при переносе этого окончания сохранилось древнее место ударения. Подтверждение такому объяснению, тому, что им. мн. слов, означающих одушевленные предметы, сохраняли окончание *-и* дольше, чем неодушевленных, вижу в том, что некоторые слова мужеского рода сохраняют окончание *-и* до сих пор (причем переходят в другое склонение): *черти, соседи*. Что до форм как *зуби, волоси, рози* (отсюда *роги*), *хлеби*, то, повидимому, эти формы в известную эпоху жизни русского языка сохраняли значение нескольких зубов, рогов, волос, хлебов, между тем как формы *зубы́, волосы́, хлебы́* (по происхождению формы вин. мн.) означали совокупность зубов, волос, или получили значение собирательное (ср. замену их через собир. *зубья, во́лосья*), *рога* означало пару рогов; формы *зубы́, волосы́, хлебы́* сменились через *зубья, волоса* или *волосья, хлеба*, а *зуби, волоси, хлеби, рози* через *зубы, волосы, хлебы, роги* (ср. *духи, волки, воры* вм. *дуси, волци, вори*).

Из того обстоятельства, что *-ы* в *бесы, трусы* и т. д. обнаруживает иное происхождение, чем *-ы* в окончании неодушевленных, можно заключить, что иное происхождение имело *-ы* и в одушевленных также с неподвижным ударением, т. е., что, напр., в *игумены, приказчики, греки, попы́, мужики́* — *-ы* (*-и*) заменило окончание им. мн. *-и*.

Родительный падеж множественного числа на *-ов* (*-ев*). Обычным окончанием род. мн. при им. мн. на *-ы* (*-и* после *k, г, х*), на *-а* является *-ов*: *возов, волков, городов*. Поэтому отношу к рассмат-

риваемому склонению и такие слова, как *чаи, рои, края*; в род. они оканчиваются на *-ов*: *чаёв, роёв, краёв*. Во всех словах с подвижным ударением *-ов* имеет на себе ударение; мы находим ударяемое *-ов* не только при формах им. мн. на *-ы* (*-и*), *-а* ударяемое, но также и при им. мн. на *-ы* (*-и*) неударяемое: *волков, бесов, трусóв* (так у Востокова; я говорю *трýсов*), *богов, хлебóв, рогóв, зубóв* и т. д. Причиной перенесения ударения на *-ов* было, как кажется, то обстоятельство, что *-ов* произносилось с долгим *о*, удлинившимся вследствие отпадения после *в* звука *ъ*: ср. указанный выше переход *кáменьје* в *камéнје* в связи с удлинением *е*, вызванным выпадением звука *ь*.

Родительный падеж множественного числа без окончания. Такие формы встречаются вообще крайне редко и представляются архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образование род. мн. было обычным (древним окончанием род. мн. было *-ъ* в основах на *-о*, а окончание *-ов* свойственно основам на *-й* и из них уже на почве русского языка переносилось в основы на -о). При этом выясняются две группы слов с таким образованием род. мн.: 1) слова, часто употребляющиеся при счете и сохраняющие древнюю форму род. мн. после числительных *пять, шесть* и т. д., а также после слов, как *несколько, много*; сюда относятся *аршин, раз, человек*; многие употребляют в род. мн. также еще форму *пуд*; в старинном языке также *алтын* (слово, вышедшее из употребления); 2) многосложные слова, означающие одушевленные предметы, лица, как: *гренадер, драгун, кадет, солдат, турок*. Как указано выше, одушевленные сохраняли в им. мн. окончание *-и* дольше, чем неодушевленные. Быть может, окончание *-ов*, ассоциировавшееся именно с окончанием им. мн. *-ы*, не так легко проникало в слова с окончанием *-и* в им. мн. (понятно, что приведенные иностранные слова подчинились аналогии своих русских слов). Та же причина удерживала при им. мн. *вóлоси* (выше было указано, как долго держалась эта форма) род. мн. *волóсъ* (ударение *волóсъ* при *вóлоси* зависело от различного качества ударения на сочетания *ол*; *ол* имело ударение нисходящее, но в слоге перед выпавшими *ъ, ь* нисходящее ударение переходило в восходящее; ср. с этим выше: *черéнья, черéпья, колóсья, полóзья* при *чéрен, чéреп, кóлос, пóлоз*). Та же причина могла удерживать форму *глаз* при предполагаемом **глáзи* (на **глáзи* указывают некоторые диалектические формы, как *глазёх, глазём, в глазях*), существовавшую при двойственном *глазá*. Та же причина могла удерживать форму *сапог* при им. *сапозú* (откуда *сапогú*), долго державшуюся при двойственном *сапогá* (ср. двойственное число от этого слова в еванг. тексте). Следовательно, та же причина может быть предположена и для *чулок* при им. **чулци* (откуда *чулки*); значение слова *чулок* позволяет допустить наличность формы двойствен-

ного *чулка́ при более редком мн. *чулци. Формы во́лоси, *гла́зи, сапови, *чулци держались, не заменяясь формами волосы́, глазы́, сапогы́, чулкы́, так как означали собрание нескольких предметов (выделенных из совокупности или из парности волос, глаз, сапог, чулок). Таким образом значение им. мн. на -и в именах лиц (соседи, черти) и в таких словах, как волоси, зу́би, объясняется представлением о собрании индивидуальных лиц или предметов и противополагается значению мн. числа, поглощающего единицы: такое значение в словах со значением неодушевленных развивалось, повидимому, только там, где существовало от них мн. число со значением собирательным или парным.

Окончание дательного, творительного, местного множественного числа. Эти окончания *-ам, -ами, -ах* заимствованы из основ женского и мужеского рода на *-а*; они заменили старые окончания *-омъ, -ы, -ѣхъ.* По общему правилу ударение падает на эти окончания тогда, когда ударение падает на окончание род. мн. *-ов* (см. выше при род. мн.): *бога́м, хлеба́м, волка́м.*

Замечания о некоторых группах слов. Слова на *-ёнок* образуют им. мн. на *-ята*. Сюда относятся те слова, которые в древнем языке оканчивались в им. ед. на *-я* и представляли во всех других падежах основу на *-ят*: древние *теля, порося, жеребя, козля* и т. д. перешли в *телёнок, поросёнок, жеребёнок, козлёнок;* но эта новообразованная основа удерживается только в ед. числе, во мн. продолжала существовать старая основа, склонявшаяся в среднем роде: *поросята, ребята, козлята.* Понятно, что теперь и эти формы мн. числа под влиянием формы ед. числа перешли в мужеский род. Реже образования на *-енята*: *бесенята, чертенята.* Неправильная форма *бурята* вместо *буряты*, проникающая в газеты, обязана аналогии слов, как *ребята, котята.*

Замечания об отдельных словах. О формах *черти, соседи, холопи* сказано выше; о них скажем и ниже. Слово *друг* образует *друзья, кум — кумовья, сын — сыновья*; см. об этих образованиях ниже в 16-м отделе. — Там же см. образования им. мн. от *брат, холоп, сук, зуб.* — *Тетерев* образует *тетерева*, но в род. *тетеревей.*

15. Склонение множественного числа слов мужеского рода на мягкую согласную и на отвердевшие *ш, ж.*

Главным отличием этого склонения от склонения основ на твердую согласную является окончание род. мн. *-ей*, между тем как в тех основах находим *-ов.*

Сюда относятся слова, принадлежавшие исконно к основам на -ĭ и к основам на -jo. Падежные окончания им. мн. *-и*, род. мн. *-ей* восходят

во всех этих основах к окончаниям -ĭ, -ьĭ основ на -ĭ; правда, им. мн. основ на -jo фонетически можно возвести и к старой форме им. мн. основ на -jo: *кони*, *ключи*, но не забудем, что *ключи* должно было бы вытесниться формой *ключѣ*, т. е. старой формой вин. мн.; если такого вытеснения не произошло, то, очевидно, под влиянием основ на -ĭ: *ключѣ* заменено через *ключи* под влиянием *пути*, *гвозди*, *ногти* и т. д.; или *ключѣ* не вытеснило *ключи*, так как окончание *-и* в *ключи* отождествлено было с окончанием *-и* (по происхождению вин. мн.) слов, как *пути*, *гвозди*, *ногти*. На тождество окончаний *-и* в *ключи* и *-и* в *пути* указывает и наличность при *ключи* формы род. мн. *ключей*, явившейся вместо старой формы *ключь*. Так же точно им. мн. *черти*, *соседи*, *холопи* не вытеснено через *черты*, *соседы*, *холопы* под влиянием отождествления их окончания *-и* с окончанием *-и* в *гуси*, *люди*, *гости*; ср. новообразования *чертей*, *соседей*, *холопей*.

Итак, в рассматриваемом склонении обнаруживаются следующие окончания: им. мн. *-и* (*-ы*), *-а*; род. мн. *-ей*; дат. мн. *-ам*; твор. *-ами*; местн. *-ах*. Вин. пад. сходствует с именительным, но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

В отношении к ударению рассматриваемые формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижные с ударением на окончании или корне при им. мн. на *-и*, 2) подвижные при им. мн. на *-и* или *-а*. Подвижность ударения второй группы выражается в том, что род., дат., твор. и местн. мн. переносят его на окончание, между тем как в им. оно падает на корень. Мы видели, что в основах на твердую согласную *-ы* обыкновенно перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением; напротив, окончание *-и* в основах на мягкую согласную никогда ударения на себя не перетягивает; это свидетельствует о совершенно различном морфологическом происхождении окончаний *-ы* и *-и*; ошибочно было бы утверждать, что в *ключи* то же окончание, что в *топоры* и различающееся от него только вследствие положения после мягкой согласной. Замечательно, что слово *конь*, исконно с неподвижным ударением на окончании, переносит его в им. мн.: *кóни*; очевидно, здесь сказалось влияние слов, как *гости*, *гуси*, *лебеди* и т. д. В группе слов с неподвижным ударением большинство слов имеет ударение на окончании; исключение составляют некоторые слова на *-ич* (*Ивáновичи*, название местности *Боровичи*) и *-ищ*, как *товáрищ*, *государь*, *родители*, *камни*. Рассмотрю отдельно окончания и сделаю при этом еще несколько замечаний об ударении.

Именительный множественного на *-и*, никогда не переносящее на себя ударение. В словах с неподвижным ударением: 1) *лучú*, *мечи*, *бичи*, *богачи*, *клещи*, *плащи*, *ножи*, *чижи*, *ковши*, *торгаши*, *кораблú*, *киселú*, *псари*, *олтари*, *богатыри*, *угрú*, *ка-*

расú, дождú; 2) *товарищи, госудáри, попóвичи,* сюда же *сóседи, холопи.* В словах с подвижным ударением (ср. ниже при окончании род. мн.): *голуби, овощи* (но у Востокова *овощú,* с неподвижным ударением), *гости, лебеди, люди,* сюда же *черти.* То обстоятельство, что слова на *-ь* не образуют им. мн. на *-а,* быть может, служит указанием на то, что в окончании *-и* частью сохранилось старое окончание им.-вин. двойственного от основ на -ĭ: *два, три карасú* вызывало сохранение формы *карасú* во мн., ибо рядом в течение долгого времени не существовало соединения *два, три карася́.* Под влиянием основ на -ĭ это окончание переносилось в основы на -jo. Ср. *два рубли* вместо *два рубля.*

Именительный множественного на -а, переносящее на себя ударение. Сюда отнóсятся преимущественно слова заимствованные, подчинившиеся аналогии слов с основой на твердую согласную. Это слова на *-тель* книжного, церковнославянского происхождения: *учителя, смотрителя;* слова на *-арь,* заимствованные с польского: *лекаря, писаря;* слова *тополь, якорь;* слова на *-ель: вексель, вензель, крендель, пéдель, дупель, штемпель, флигель;* слово *егерь.* — Что до слово *сторожá,* то, повидимому, оно заменило старшее *сторóжа* под влиянием слов, как *мужья́, князья́.*

Родительный множественного числа. Окончание *-ей* в словах с неподвижным ударением: *путей, плащей, ключей, голышей, кораблей, госудáрей, родúтелей.* Окончание *-ей* в словах с подвижным ударением имеет ударение всегда на себе. Перечислю эти слова.

Им. пад. мн. числа на *-и* неударяемое: *голубь, гвоздь, гость, груздь, гусь, зять* (?), *зверь, лебедь, лапоть, коготь, кóзырь, корень, локоть, окунь, омуль, ноготь, перстень, соболь, тать, уголь, угорь, óвощ, муж, червь.* — Кроме *муж* и *овощ* — это все исконные основы на ĭ.

Причина переноса — образование сочетания -ьĭ с -ь сильным; ср. перенос ударения на -ov из -ovъ.

Дательный, творительный, местный множественного числа. Окончания *-ам, -ами, -ах* всегда имеют на себе ударение в словах с подвижным ударением: *голубям, ногтями.* Ср. сказанное выше об ударении этих окончаний в основах на твердую согласную.

Замечания об отдельных словах. Слово *день* кроме *дней* образует форму род. мн. *дён,* редко употребляемую в литер. наречии; *полдни — полдён.*

Муж, зять, князь образуют *мужья, зятья, зятевья, князья; гвоздь — гвоздья,* см. об этих словах в следующем отделе.

16. Склонение множественного числа слов, оканчивающихся в именительном множественного на *-ья.*

Окончание *-ья* в имен. мн. двоякого происхождения. В словах, означающих одушевленные предметы, точнее лица, это окончание восходит к окончанию им. ед. женского рода собирательных; слово *братья* в старом языке склонялось в ед. числе: вин. — *братью*, род. — *братьѣ* и т. д.; ср. слово *братья* (монастырская *братья*) и в современном языке. Сюда относятся им. мн. *братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья.* Совершенно ясно, что *друзья* заменило древнее *дружья*, известное в памятниках, под влиянием формы им. мн. *дру́зи*; также *князья* вместо *княжья* под влияним *князи.* Поэтому можно думать, что *зятевья, сыновья, кумовья* заменили *зятья, *кумья, *сынья* под влиянием форм им. мн. *зятеве, сынове, кумове.* Таким образом им. мн. на *-ья* имеют как слова с основой на твердую согласную (при них также *-овья*), так и с основой на мягкую согласную (при них также *-евья*). Слова с неподвижною по ударению основой не переносят ударения на *-ья́*: *братья, холопья*; напротив, слова с подвижною по ударению основой переносят его на окончание: *мужья, зятья, друзья, князья, сыновья, кумовья;* различие в ударении слов, как *братья* и *зятья*, восходит еще к той эпохе, когда эти слова означали им. пад. женского рода.

В словах, означающих неодушевленные предметы, *-ья* восходит к окончанию им. ед. собирательных среднего рода; окончание это звучало *-ье*, но неударяемое *-е* в конце слова фонетически перешло в *-а* (ср. *меня* вместо *мене*, переход *есме* в *есмя, татарове* в *татаровя*); слова, как *листье, гвоздье*, склонялись некогда в ед. числе: род. *листья*, дат. *листью*; но, когда им. *листье* перешло в *листья*, его окончание *-а* стало вызывать представление о мн. числе: ассоциации им. мн. *листья* с *лист* не препятствовал мужеский род этого последнего слова, ибо подобная ассоциация уже существовала в случаях, как *братья — брат, холопья — холоп.* Возможно, что *листья* сменялось и сменилось бы совсем через *листьи*, если бы не влияние слов, как *перья, деревья*, среднего рода. О существовании ед. числа *листье, гвоздье, каменье* и т. д. свидетельствуют не только памятники, но и современные северновеликорусские говоры (*ли́стьё, гвоздьё*). Перечислю формы им. мн. на *-ья* от слов со значением неодушевленных:

1. Двусложные с неподвижным ударением в ед. и мн. числе (на корне или окончаниях): *кол, клок, крюк, лист, сук, гвоздь, — стул, струп, брус, клин.*

Двусложные с подвижным ударением в ед. и мн. числе: *зуб, ком, луб, прут.*

2. Трехсложные, исконно двусложные, с подвижным ударением: *колос, полоз, череп, черен;* сюда же *уголь.*

Трехсложные с неподвижным ударением: *волдырь, пузырь, пупырь, батог,* — *кочан, камень.*

Трехсложные с подвижным ударением: *обод, корень, лоскут.*

Итак, приведенные формы образуются как от слов с основой на твердую согласную, так и от слов на мягкую согласную. Ударение никогда не падает на *-ья,* оно падает на слог перед *-ья;* поэтому в двусложных оно ложится на первый слог, а в трехсложных на предпоследний (но *уголья*); в словах, как *ободья, коренья, каменья* явный перенос ударения на удлинившийся слог вследствие выпадения за ним в следующем слоге ъ; слово *камень,* имеющее неподвижное ударение (ср. род. мн. *ка́мней*), все-таки представляет такой перенос; в слове *уголья* ударение падает не на последний слог потому, что *уголья* восходит к древнему *у́глѣje;* в словах *коло́сья, чере́пья* имеем другое ударение, чем в *ко́лос, че́реп,* в зависимости от подобного же процесса, а именно наличности в следующем слоге ослабленного звука, ср. ударение род. мн. *воло́с* при род. ед. *во́лоса.* Только *-ья*: *стулья, колосья.* При *листья* находим *листы* в другом употреблении, с другим значением; *листы* при *листья* ср. *зубы, во́лосы* (следовательно, *-ы* заменило здесь *-и,* старое окончание им мн.); при *крючья* — *крюки́,* при *гвоздья* — *гвозди,* при *уголья* — *у́гли,* при *коренья* — *корни* (в другом значении) при *клочья* — *клоки* (в другом значении), при *колья* — *колы* (в другом значении), при *зубья* — *зубы* (в другом значении), и т. д. Востоков замечает: «когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *стру́пы, батоги́, крюки, камни, корни*; когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрание единиц, тогда употребляют окончание на *-ья*: *струпья, батожья, крючья, каменья, коренья*».

Склонение слов, оканчивающихся в им. мн. на *-ья,* распадается на две группы: в первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое *-ья*; в род. пад. мн. они имеют *-ев: братья — братьев, сучья — сучьев, каменья—каменьев;* во вторую, обнимающую только собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое *-ья;* в род. пад. мн. они имеют *-ей: мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей.* Таким образом, первая группа примыкает к словам с основой на твердую согласную, а вторая к основам на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференциации следующая: при им. мн. на *-ья* (-ja) возникал род. мн. -jев потому, что такое окончание являлось и при форме им. мн. на *-ьи* (-ji): *краснобаи — краснобаев, горностаи — горно-*

стаев; вообще окончание *-ей* не являлось после j; причиной этому было то, что в словах с основой на -ĭ не было таких, которые перед -ĭ имели j, следовательно, представляли р. мн. *-јей*; поэтому при *боји*, *горностаји* являлись формы *бојов*, *горностајев*; и так же при им. мн. м. р. *братья* являлось *братьев*. Между тем в ряде слов на *-ья́* с новой формой им. мн. ассоциировалась форма род. мн. на *-ей*, которая принадлежала к старому склонению с им. мн. на *-и*: так, при *мужья́* род. мн. был *мужей*, относящийся собственно к им. мн. *мужи* (и заменивший форму *мужь*, когда *мужи* ассоциировалось с *гости*, *тати*), при *друзья* род. мн. *друзей*, относящийся собственно к им. мн. *друзи* (ср. новообразование *чертей*, *холопей* при *черти*, *холопи*), при *зятья* — *зятей*, при *князья* — *князей*; под влиянием таких слов и новообразования *кумовья*, *сыновья*, *зятевья* получили при себе новообразованные формы род. мн. *сыновей*, *зятевей*; но также являются и формы на *-ёв*: *кумовьёв*, *зятьёв* (ср. ниже *шурьёв*). — Что до прочих падежей мн. числа, то в основании их была положена основа им. мн.: поэтому *бра́тьям*, *сучьям*, *друзьями*, *сыновьях*.

17. Склонение множественного числа слов, представляющих в единственном числе основу на *-ин*.

В единственном числе слова на *-ин*, означающие лица мужеского пола, склоняются как все вообще основы мужеского рода на твердую согласную: *боярин*, *боярина* и т. д. Но во мн. числе окончание *-ин* откидывается, не является; причиною этого то, что суффикс *-ин* имел значение единичности, ср. *-ин* в *один*, *ин-* в *инок*, *-иноходец*. Таким образом, для образования мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. В древнем языке основы на согласную получали особые, свойственные именно им, окончания: им. мн. *-е*, род. мн. *-ъ*; прочие падежи исконно образовывались или по основам на -ĭ, или по основам на -о. Современный язык сохранил эти старые формы в значительной части относящихся сюда слов: *мещанин* — *мещане*, *мещан*, *мещанам*, *мещанами*, *мещанах* (последние формы по склонению на *-а*, вследствие общего перенесения окончаний основ на *-а* в основы на *-о*). При основах на *-итин* явились новообразованные формы мн. числа на *-итяне*, собственно образованные при формах ед. *-итянин*: *москвитин* и *москвитянин* — *москвитяне*, *тверитин* и *тверитянин* — *тверитяне*. Но в некоторых словах окончание *-е*, фонетически переходившее в *-а* (ср. сказанное выше относительно *листья*, *меня*, *есмя*), получало затем (перед этим *-а*) отвердевшую согласную под влиянием, конечно, твердости согласной во всех прочих падежах мн. числа; так, вместо *бояре*, *татаре*, *баре*, откуда *бояря*, *баря*, *татаря*, явля-

лось произношение *бояра, бара, татара*. Окончание *-а* сменилось окончанием *-ы*, напр. в *болгары, татары*. В род. мн. не явилось новообразования на *-ов* по той общей причине, что *-ов* являлось только там, где форма род. мн. совпадала с формой им. ед. Приведу ряд относящихся сюда основ: основы на *-ан*: *мещане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, цыгане, египтяне*; основы на *-ар* с окончанием *-аре*: *бояре, татаре, болгаре* (форма устаревшая); с окончанием *-ара*: *татара, бояра, бара* (также малоупотребительные формы); с окончанием *-ары*: *татары, болгары*. Сюда же относится им. мн. *хозяева* при *хозяин*; *хозяева* вместо **хозяевя*, а это из **хозяеве* с окончанием им. мн. *-еве* (ср. предположенное выше *зятеве*, вошедшее в состав *зятевья*).

Особую группу образуют те слова на *-ин*, которые во мн. числе представляли исконные слова собирательные. Прежде всего сюда относится *господин — господá, госпóд, господáм*; слово *господá* по происхождению собирательное женского рода (род. — *господы*, вин. — *господу*); склонение *господá, госпóд* явилось в связи с переходом других собирательных женского рода в формы мн. числа, ср. указанные выше: *мужья, зятья, сторожа*; форма род. мн. *господ*, не *господóв*, доказывает, что здесь не было влияния со стороны образований, как *городá — городóв*; *господ* не сменилось формой *господов* под влиянием слов как *бояр, мещан* и т. д.; *господ* так относится к *господин*, как *мещан* к *мещанин*. Также при *шурин* является *шурья*, также форма ед. числа с собирательным значением по своему происхождению (род. — *шурьи*, вин. *шурью*); *шурья* имеет при себе род. мн. *шурьёв*, не *шурей*; очевидно, что здесь почему-то не сказалось влияние слов, как *друзья — друзей*. Слова *русин, литвин, мордвин, чудин, черемисин* имеют при себе собирательные *Русь, Литва, Мордва, Черемиса, Татарва* (впрочем *Черемиса* заменяется формою мн. числа *черемисы*, ср. *татары* вместо *татара*). Слова *сербин, турчин, немчин* (теперь уже устаревшие) имеют при себе мн. ч.: *сербы, турки, немцы*.

Некоторые книжные слова на *-ин* образуют им. мн. на *-ины*: *воины, властелины*. Также искусственно: *русины*. — *Цыганы* ведет к им. ед. *цыган*, а *цыгане* относится к *цыганин*; равным образом *молокане* относится к *молоканин*, а при им. ед. *молокан* можно ждать *молоканы*.

18. Склонение слов женского рода на *ш, ж* и на мягкую согласную.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на -ĭ, а также к основам на согласную -r и к основам на -ū (-ъv). Звуки *ш* и *ж* твердые восходят к исконным мягким *ш* и *ж*. Падежные оконча-

ния восходят все к старому склонению. Окончания эти следующие: род. ед. *-и*, дат. *-и*, твор. *-ью*, местн. *-и*, вин. пад. совпадает с им.; им. мн. *-и*, род. мн. *-ей*, дат. мн. *-ам*, твор. *-ами* (реже *-ми*), местн. *-ах*, вин. мн. *-и*.

Основы на исконное -er отличаются тем, что основу -er представляют во всех падежах, кроме им. и вин., где является более краткая основа на предшествующую звукам er' согласную: *мат'*, *доч'*, род. *матери*, дат. *матери* и т. д. Основы женского рода на мягкую согласную могут иметь или неподвижное ударение (всегда на корне, не на окончаниях), или подвижное; к первым относятся, напр., *медь*, *нить*, *сладость*, *юность*; ко вторым, напр., *грязь*, *лошадь*, *кровь*, *мать*.

Замечания об отдельных падежах. В твор. пад. является окончание *-ју* из древнего *-ьју*; в связи с выпадением *ь* стоит то, что основы, имеющие в слоге перед окончанием *ъ* (или *ь*), заменяют его через *о*: *вошь*, *вошью* (при *вши*), *церковь*, *церковью* (при *церкви*). Вместо *-ју* является *-ей*, заимствованное из склонения основ на *-а*, в словах *басней*, *песней*, следовательно, *-сней* вм. *-снју*; но *-знју* сохраняется, не заменяясь через *-зней*, напр. *жизнью*, *казнью* (произносится почти *жизню*, *казню* или *жизн̄ю*, *казн̄ю* с долгим *н*).

Окончание местн. ед. *-и* исконно отличалось от окончаний *-и* род. и дат. качеством долготы: в мест. ед. *-и* имело длительную долготу, а в род. и дат. прерывистую. Вследствие этого в словах с подвижным ударением оно переносилось на окончание местн. пад., оставаясь на основе в род. и дат. Как можно заключить из современного литер. языка, а также из того, что сказано было нами раньше об ударении местн. ед. муж. рода, в общеславянском праязыке ударение переносилось в местн. пад. с окончания на основу под влиянием ударения других падежей ед. числа; но перенесение это задерживалось при одном сопровождающем условии; когда форма местного падежа находилась в положении за предлогами *въ* и *на*, она удерживала старое ударение. Поэтому в современном русском языке старое наконечное ударение в словах с подвижным ударением является в местн. ед. только после предлогов *в* и *на*; те же слова после предлогов *при*, *о* имеют ударение на корне. Перечислю слова с перенесенным ударением в местн. ед. после предлогов *в* и *на*: *бровь*, *ветвь*, *горсть*, *грязь*, *глушь*, *грудь*, *десть*, *дробь*, *дверь*, *кровь*, *корь*, *кость*, *клеть*, *ночь*, *мель*, *ось*, *печь*, *пыль*, *плеть*, *речь*, *сеть*, *связь*, *тень*, *Тверь*, *шерсть*, *степь*, *цепь*, *часть*. Кроме того: *лошадь*, *площадь*. Кроме того — *взаперти́*.

Замечу при этом, что известно и произношение в *ре́чи*[1], в *ча́сти*[1] (но непременно в *части́*, когда *часть* употребляется вместо *участок*);

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

на лошади, на площади употребительнее, чем на *лошадú*[1], *площадú*[1]. Но только *в пылú, в грязú, на грудú, в кровú, в корú, в глушú, на мелú, в Тверú, в степú* (рядом: *о пы́ли*[1], *о гря́зи*[1]). Что до предлога *при*, то в моем произношении и он может требовать после себя ударения, но в редких случаях: при *грудú*[1]; по Востокову *при* оказывает на форму местного падежа такое же влияние, что предлоги *в* и *на*. В моем произношении предлоги *в* и *на* часто не требуют за собой формы местного падежа с ударением на окончании, когда отделены от этой формы определяющим словом: *в моей кро́ви*[1], *на слоновой ко́сти*[1], *в мытой ше́рсти*[1], *на железной о́си*[1]; но — *в моей грудú*[1], *в этой пылú, грязú*. — Слова *вервь, зыбь, жердь, масть, трость*, показанные Востоковым как переносящие ударение в местн. пад., в моем произношении его не переносят. Ясно, что в древности подобный перенос был обычнее, чем теперь: так, напр., ряд слов с подвижным ударением, доказанным для род. мн., не переносят ударения в местном ед.: *треть, соль, весть, сласть, вещь, власть, страсть, волость, новость, должность* и др., впрочем, часть случаев, где имеется перенос ударения в род. мн., обязана позднейшему перенесению; но такие слова, как *соль* или *волость*, исконно подвижны в отношении к ударению.

Окончанием род. мн. является *-ей*; только одно слово *саже́нь* имеет при *саженéй* также и форму *са́жен, са́жень*, вероятно, восходящую к основе на *-а*. Окончание *-ей* принимает на себя почти всегда ударение в силу очевидно отмеченного выше закона, по которому еще в общерусском праязыке перетягивали на себя ударение удлинившиеся вследствие отпадения за ними *ъ* и *ь* слоги: итак, *бровей, ветвей, грудей, частей* и также *солей, вестей, помочей, вещей, волостей, новостей, крепостей, мышей, сластей, кистей, смертей* и т. д., равным образом *матерей, дочерей, церквей*. Не переносят ударения лишь несколько слов, повидимому, редко употребляющихся во мн., как *жизнь, сладость, болесть, пажить, горесть, участь, нить, радость*. Слово *свекровь*, кажется, обычно не переносит ударения (*посте́лей* к *постеля, басней* к *басня*).

Окончания дат., тв., местн. на *-ам, -ами, -ах*[2] перетягивают на себя ударение, следуя при этом ударению род. мн.: *волостям, волостями, новостях*, но *горестям* и т. д. Некоторые слова сохранили старое окончание тв. мн. на *-ми* (из *-ьми*): *плетьми, лошадьми, дверьми, дочерьми; костьми* только в выражении: *лечь костьми*.

Замечания об отдельных словах. Только во мн. числе

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

[2] После *«ах»* в рукописи следовало «всегда», зачеркнутое карандашом. (Ред.)

употребляются: *гусли, дрожди, отруби, сани, сени.* — Слово *церковь* сохраняет в дат., твор., местн. мн. древнюю параллельную основу *церква-: церквáм, церквáми, церквáх;* впрочем, известны и образования *церквя́м, церквя́х.* Востоков указывает на *свекровáм,* но обычно, кажется, *свекрóвям.* — Слово *щель* имеет во мн. не только *щели,* но и *щелья* (из старого собирательного *щелье*), но в других падежах, кажется, только *щелéй, щеля́м.* — Мн. *дети, детей* получило значение среднего рода под влиянием ед. *дитя́;* множ. *очи, очéй, ýши, ушéй* также под влиянием *око, ухо.* Множ. *слю́ни* является при ед. *слюнá.* Слово *сажéнь* имеет во множ. *сажéни,* а в род. мн. *сáжен.*

19. Склонение слов женского и мужеского рода на *-а.*

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на -ā и -jā; слова, как *рана* и *баня* (в случаях, как *душа, кожа, девица,* отвердели согласные исконно мягкие *ш, ж, ц*), отличались раньше в склонении своими падежными окончаниями; но теперь они совпали в одном склонении, причем перевес получили окончания твердых основ. Впрочем, фонетические причины требуют замены некоторых звуков, известных только после твердых согласных, другими соответствующими звуками.

Окончания падежей следующие: род. ед. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), дат. *-е* (из *ѣ*), вин. *-у,* местн. *-е* (из *ѣ*), твор. *-ой* (после мягких согласных *-ôį*), а в неударяемых слогах *-αį* (после мягких согласных *-εį*). Им. мн. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), род. мн. не имеет окончания (старая форма оканчивалась на ъ), а в некоторых основах с мягкою согласною или с *ж, ш* перед окончаниями *-ей,* вин. мн. *-ы* (после мягких согласных *-и*), дат., твор., местн. *-ам, -ами, -ах.*

Обосложненный беглою гласною *о* или *е* вид основы является в форме род. множественного. Сюда относятся многие основы, которые перед окончаниями имеют две согласные, причем в части таких основ между согласными в древнем языке находились звуки ъ или ь. Так, находим род. мн. *княжóн, кóпен, сóсен* (древнее соснъ), *царевен, гривен, тяжеб, судéб, свáдеб; спален, вечерен, сотен, песен, деревéнь, игол, кукол, мётел, сабель* (др. сабль), *земéль* (др. земль), *кровель* (др. кровль), *капель* (др. капль), *сестёр* (др. сестръ), *овец, денег, серёг, сёмог, розог* (др. розгъ), *досóк* (др. дъскъ), *ручек, ножек, кошек, нянек* и т. д. В соответствии с сочетанием *į* + согласная находим *įе: бóен, саек, построек, коек, воен.* Повидимому, при *тяжеб, свадеб* обычны *тяжб, свадьб.*

Особо стоят слова на -ja после согласной; в род. мн. перед окончанием *-į* (окончанием основы теперешнего слова) является звук *е:*

се́мей, свине́й, су́дей. Также *мо́лней*, но обычное правописание требует *молний*. Впрочем, в им. пад. имеем не двусложное *молнịа*, а трехсложное *молния* в книжном произношении (?). Книжными являются и формы имен на *-ия* как *Со́фия, Евге́ния*; с ударением на *и: Мари́я*.

Конечная согласная основы *н'* мягкое отвердевает в форме род. мн., напр., *kухон, барышен, башен*, но, как мы видели, только в неударяемом слоге; между тем в ударяемом *н* мягкое сохраняется: *деревен', бан'*. Слово *петля* образует в род. не только *петель*, но и *петел*.

Слова на *-а* имеют исконно подвижные и неподвижные в отношении к ударению основы. Подвижность зависит от того, что некоторые из окончаний имели длительную долготу, перетягивавшую на себя ударение с предшествующей краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаниями были -ā им. ед., -āmъ, -āmi, -āхъ в дат., твор., местн., *-ѣ* в местном и отождествившем свое окончание с ним дат.; кроме того перетягивали на себя ударение (под влиянием разных причин) окончание род. ед. -у и твор. ед. -ojǫ (откуда -oju, -oi). Не переносят на себя ударение окончание -ǫ (откуда -u) в вин. ед., окончания -у в им.-вин. мн. и -ъ в род. мн. Таким образом, в современном языке только формы вин. ед., им.-вин. мн. в словах с подвижным ударением сохраняют старое место ударения; что до род. мн., то его ударение по общему правилу стоит на старом месте только в словах двусложных, а в трехсложных оно переносится на предпоследний слог (см. ниже). При этих четырех падежных формах мы и приведем основы с подвижным ударением. Впрочем, влияние им.-вин. мн. числа сказалось и на ударении дат., твор., местн.: оно во многих словах переносится с окончания на основу.

Родительный падеж. Исконными окончаниями были *-ы* в положении после твердой согласной и *-ѣ* после мягкой; это последнее окончание уступило место окончанию *-и*, явившемуся в соответствии с *-ы* после твердой согласной. Чередование *бани — банѣ, души — душѣ*, явившееся следствием этого (и закончившееся вытеснением форм *банѣ, душѣ*), вызвало в свое время формы на *-ѣ* и в положении после твердой согласной: *у женѣ, от избѣ*; до сих пор формы на *-е* (из *ѣ*) держатся в говоре лиц, употребляющих литературное наречие: ср. *у Софье, у Лизе* (и *у Лизи*), *у Марье*.

Дательный падеж. Исконными окончаниями были *-ѣ* после твердой согласной и *-и* после мягкой; последнее окончание вытеснено. В именах женского рода на *-ия* так же, как в иностранных словах на *-ия*, держится окончание *-и*: *k Марии, администрации, агонии*.

Исконно *-ѣ* в дат. ед. не перетягивало на себя ударение, перетянуло оно его на себя под влиянием местного и родительного. Старое

место ударения сохранилось в диалектическом, но не чуждом литературному языку произношении: *k стѣне, k зи́ме.*

Винительный падеж. Слова с подвижным ударением по общему правилу сохраняют ударение в форме вин. пад. на основе. При этом видим две группы слов: в первой не допускается ударения на окончании, во второй такое ударение допускается, причем вероятно думать, что перенос ударения на окончание явление новое, вызванное аналогией, влиянием других падежей.

1. *Зи́му, спи́ну, сте́ну, це́ну, го́ру, ко́су, по́ру, во́ду, сре́ду* (день недели), *ду́шу, но́гу, ру́ку, стро́ку, щёку, со́ху, зе́млю*[1], *до́ску, — го́лову, бо́рону, сто́рону, бо́роду, бо́розду, се́реду, же́лезу, по́лосу, — ско́вороду.*

2. *Гу́бу, и́збу, сто́пу, зо́лу, по́лу, но́ру, о́су, ро́су, бло́ху, кро́ху, збрю, ре́ку, тра́ву, ко́зу, сви́нью, се́мью, о́вцу* (я говорю *ре́ку*, могу сказать: *и́збу, зо́лу*, бьют *зорю*, но в остальных случаях имею ударение на окончании).

Слова *нужда́, гряда́, кора́, скала́, смола́, руда́, семья́* известны мне только с ударением на *у* в винительном. Востоков указывает на *ну́жду, гря́ду* и т. д. *Весна* имеет *весну́*, но встречается и *в вёсну.*

Творительный падеж рядом со старым окончанием *-ою, -ею* получил еще в древнерусском языке *-ой, -ей*; в настоящее время эти новые окончания, явившиеся в силу стремления сделать форму твор. пад. равносложною с формами всех остальных падежей, окончательно вытеснили старые, оставшиеся только на письме. Понятно, что наше письменное *-ей* изображает ѐі̯, восходящее не к старому -еі̯ (-еі̯u), а к *-аі̯* из старшего -оі̯ (-оі̯u): *бан'оі̯* (откуда *бан'ѐі̯*) вместо *данеі̯у*, ср. *душоі̯* вместо *душеі̯у, земл'оі̯* вместо *земл'еі̯у.*

Местный падеж представляет то же окончание, что дат. В словах на *-ия* держится и здесь в книжном языке окончание *-ии: в конференции, аудитории, в Софии.*

Именительный падеж множественного числа и тождественный с ним вин. пад. в основах на твердую согласную сохранили старое окончание *-ы*; ему соответствует окончание *-и* в основах на мягкую согласную: это *-и* заменило под влиянием *-ы* старое окончание *-ѣ*: *земли, души* вместо *землѣ, душѣ* (как звучали эти формы в древнерусском, что видно из памятников и из украинских форм *земли́, души́*). Общим, как кажется, правилом можно признать, что окончание *-ы* (*-и*) в современном языке не имеет на себе ударения; поэтому мы не находим ударения на этом окончании не только в словах со старым подвижным ударением, но также и в тех словах, которые, судя по наконечному ударению вин. падежа, принадлежали

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

к исконно неподвижным по ударению словам. Следовательно, не только в словах, перечисленных выше при вин. ед. числа, как, напр., *го́ры, зе́мли, ро́сы, сви́ньи, ну́жды, ска́лы* и т. д., но также: *лу́ны, у́зды* [1], *слёзы, пи́лы, ску́лы, све́чи, ско́бы, ды́ры, сто́пы, се́рьги, во́жжи, со́пли, но́здри, тю́рьмы* [1], *и́глы, слу́ги, сёстры, со́вы, ме́жи* [1] и т. д. Исключения из общего правила редки; можно указать на несколько слов, уже по самому своему значению чрезвычайно редко употребляющихся во мн. числе, как, напр., *судьбы́* (при *су́дьбы*), *толпы́, парчи́, четверни́, долбни́, клешни́,* далее слова мужеского рода *паши́, ханжи́.* Трехсложные и многосложные слова, переносящие ударение в вин. падеже ед. на первый слог, переносят его также и в им. мн.: *го́ловы, бо́роны, ско́вороды* и т. д.; сюда же употребляющееся только во мн.: *по́хороны* (ср. *похорона́м*). Остальные трехсложные имеют ударение на предпоследнем слоге: *высо́ты, сиро́ты* (но есть и *си́роты*), *тяго́ты, пасти́лы, длинно́ты, седи́ны, стреко́зы.*

Родительный множественного числа в нескольких словах на *-а* с предшествующею мягкою (или отвердевшею) согласною получает окончание *-ей.* Сюда относятся, во-первых, слова с ударением на окончании, как-то: *свеча́* (но и *свеч*), *заря́* (*заре́й* и *зарь?*), *стезя́, межа́* (и *меж*), *паша, ханжа, вожжа, парча, клешня, долбня, четверня, ноздря, сопля́*; во-вторых, слова на неударяемое *-а,* которому предшествует группа согласных, как-то: *притча, толща, ве́рша, векша, распря, букля, басня, песня, рохля, пе́тля* (*пе́тлей* и *пе́тель*), но *капель; туфля* образует: *туфлей* и *туфель.* Особо стоят слова, в именительном оканчивающиеся на неударяемое *-а,* а в род. мн. переносящие его на окончание *-ей*; сюда относятся: *тоня* (*тоне́й* и *тонь*), *до́ля* (*доле́й* и *доль*), вероятно, можно предполагать для более древнего языка *тоня́, доля́*; при *пе́ня* находим *пе́ней* (но это слово устарело). Слова мужеского рода, как *дядя, юноша, святоша, вельможа,* образуют *дядей, юношей, святошей, вельможей* едва ли не под влиянием слов мужеского рода на *-и, -ей,* как *гости, кони* (впрочем, чаще *вельмож;* также известно *святош*).

Слова на *-ья* имеют в род. мн. *-ей: бадей, сви́ней, го́стей.* Но слова на *-ия* получают в книжном языке *-ий: мумий, трагедий, келий, оргий.* Слова на *-я* после гласной оканчиваются на *-й: змей, верей, колей, стай.*

Как было указано выше, многие слова имеют в род. мн. беглые гласные *е, о,* отсутствующие в других падежах: *трубок, палок, досо́к, ро́зог, игор, игол, кукол, чу́хон, гривен, поповен, сосен, сотен, княжо́н, ко́пен, боен, тюрем, тяжеб, свадеб* и т. д.

---

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.)

Как указано выше, слова на *-ня* с предшествующею согласной имеют в род. мн. окончание *-н* твердое: *сотен, таможен, башен, кухон, барышен, вечерен, спален, боен, обеден, каменоломен*, но известно также произношение с мягким *н* (и мне оно не чуждо): *сотень, башень, вишень, барышень* (ḃaršen'), *сплетень, кухонь*, у Востокова: *каменоломень*. Но при ударении на окончании *-н'* сохраняется: *деревень*.

Относительно ударения род. мн. отметим общее стремление сохранять его на последнем слоге (если ударение в им. ед. на окончании *-а*): *голо́в, хлопо́т, поло́с, сторо́н, сиро́т, высо́т, боро́зд, сковоро́д*; во многих словах ударение падает при этом на беглую гласную: *ове́ц, досо́к, земе́ль, суде́б*, сюда же *свине́й, семе́й* (также: *сви́ней, се́мей*), *ножо́н, княжо́н, серёг, сестёр*. Формы на *-ей* имеют ударение на этом окончании, когда в им. оно падает на *-я*: *ноздре́й, вожже́й, свече́й*; в словах *доле́й, тоне́й* видим перенос ударения, но, как указано, в древнем языке могло быть *доля́, тоня́*.

Но во многих случаях род. мн. получает ударение им. мн., и это, вероятно, объясняется позднейшим перенесением, зависевшим от того, что в двусложных словах односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударению всегда с формой им. мн.: *тю́рем, и́гол, и́гор, су́дей, го́стей, сви́ней, се́мей, и́кор, си́рот, и́зоб* (и *изб*) и т. д. Слово *деревня* имеет в род. мн. *дереве́нь* (едва ли не указывающее на параллельную форму *деревня́*). *Похороны — похоро́н*.

Дательный, творительный и местный падежи множ. ч. представляют старые окончания. В словах с подвижным ударением, а также с ударением неподвижным на окончаниях, формы названных падежей должны иметь ударение на *а* (*ам, а́ми, ах*): *гора́м, нога́ми, сторона́х, полоса́ми, зима́м* и т. д. Но многие слова переносят ударение на тот слог, который имеет ударение в им. мн., очевидно, под влиянием ударения им. мн., что особенно ясно обнаруживается из того, что слова с исконно подвижным ударением, имевшие поэтому ударение в им. мн. не на окончании, сохраняют его в значительном числе слов в названных падежах, между тем как слова с исконно неподвижным ударением на окончаниях, переносившие его в им. мн. с окончания на корень по аналогии, весьма нередко представляют такой же перенос в названных падежах. Таким образом, в словах, переносящих ударение в дат., твор., местн. мн. с окончаний на корень, выясняются две группы: 1) слова, переносящие ударение также и в вин. ед., 2) переносящие ударение только в имен. мн.

К первой группе относятся: *земля, цена, изба, душа, оса, роса, стена, нужда, нора, среда́* (день недели), *река, кроха, коза, свинья, семья, овца, спина, сковорода́*. Впрочем, я знаю перенос только в *земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца*, употребляя, впрочем,

формы с накопечным ударением после предлога *по* в случаях *по душáм, по средáм, по овцáм.*

Ко второй группе относятся: *вдовá, совá, трубá, женá, пчелá, струнá, скалá, нуждá, звездá, слугá, дугá.* Кроме того: *тюрьмá, иглá, игрá, судья, изба, икрá, семья,* переносящие ударение и в род. мн. (см. выше). Далее *сестрá, свинья́* при род. мн. *сестёр, свинéй.*

Как указано выше, перенос ударения в формах дат., твор., местн. вызван влиянием формы им. мн. Замечательно, что старое ударение сохраняется во многих словах исконно подвижных и имеющих ударение не на конце в вин. пад.; таковы: *рука, нога, вода, доска, блоха* и др. Кроме того, старое ударение является в словах, редко вообще употребляющихся во мн., как *луна, узда, скобá, стопа, весна, килá.* Наконец, еще и в других словах: *слеза, свеча, вожжа, ноздря, сопля, дыра, скула, серьга.* Большинство слов, допускающих перенос ударения в указанных падежах, могут иметь ударение и на окончаниях: часто здесь сказывается книжное влияние; ср. в ***стéнах** замечены трещины,* но в ***стенáх** обители; что творится в их **дýшах,*** но *о **душáх** нашихъ; пойди к **óвцам**, к **овцáм** стада Христова* и т. п. Замечательно, что plur. tantum и употребляемые преимущественно во мн. сохраняют старое ударение: *похоронáм, ноздрям, вожжáм.*

Возможно, впрочем, что ударение *кóзам, слýгам* и т. п. заменило *козáм, слугáм* не под влиянием аналогии, а фонетически; ибо вследствие отпадения *ъ* на *а* получалось такое ударение (нисходящее), которое переносилось на предшествующий слог.

Некоторые слова женского рода на *-ня, -ля* имеют при себе параллельные образования на *н', л'*: *басня* и *басень* (поэтому и в род. мн. *басен* и *басней*), *песня* и *песнь* (род. мн. *песен* и *песней*), *туфля* и *туфель* (род. мн. *туфель* и *туфлей*), *постель* и редко *постеля* (род. мн. *постель* и *постелей*). При ед. *слюна* является во множ. *слю́ни,* род. мн. *слюнéй.* — При *дырá,* им. мн. *ды́ры* известна также форма *дырья,* по происхождению собирательное (род. мн. *дырьев*). Слово *дядя* под влиянием слов мужеского рода образует во множ. *дядья́,* при котором в род. мн. *дядéй, дядьёв.* При им. ед. *курица* во мн. не только *курицы,* но более обыкновенно *кýры.* При *девчонка* во мн. являются: *девчата* и *девченята.*

20. Склонение слов на *-о.*

Склонение этих слов обнимает: 1) старые основы на -о, 2) старые основы на -jo, оканчивавшиеся в им. на -je (-е с предшествующею смягченною согласною), 3) старые основы на -os, -es, оканчивавшиеся в им. ед. исконно на *-о.* Что до основ на -jo, то они приняли во всех падежах окончания основ на -о на почве русского языка;

и в им. пад. старое окончание *-е* сменилось окончанием *-о*; в неударяемых окончаниях это *-о*, как и всякое исконное -о, звучит редуцированно, как *-а*; на письме это *-а* по традиции изображается после мягких согласных, а также после отвердевших *ш, ж, ц*, буквой *е*: *сердце, ложе*; традиция до последнего времени поддерживала написания с *е* вместо *о* даже под ударением: *лице, яйце*; равным образом пишется до сих пор *е* (при *ё*) в положении после буквы *ь* для изображения звуков *jo*: *ружье* (и *ружьё*), *мытье* (и *мытьё*). Основы на -os, -es давно уже перешли в склонение основ на -о; *тела, слова, небу, чуду* являются уже в древнейших русских памятниках на месте *тѣлесе, словесе, небеси, чудеси*. Впрочем, во мн. числе под влиянием церковной речи держатся формы, как *чудеса, небеса, словеса* (только с особенным оттенком, о словах высокопарных), *телеса* (в значении тучного, жирного тела).

Слова на *-о* вообще все среднего рода. Мужеского — те слова, которые обозначают: 1) лица мужеского полу, 2) животные, 3) уменьшительные и увеличительные при словах мужеского рода. Ср. *Михайло, Короленко, объедало, подмастерье, жучко́, гнедко́, воронко́; домище, домишко, чиновничишко, воришко, плутишко, сыни́шко*. Впрочем, уменьшительные и увеличительные на *-о* могут получать также и средний род: *этакое* ***сапожи́ще***, *небольшое* ***топори́шко***. Слова на *-о*, означающие лица мужеского пола, могут переходить в склонение слов на *-а*, заменяя *-о* через *-а* даже в им., или образуя только косвенные падежи по указанному склонению; первый случай видим, напр., в словах, как *верзила, меняла, Михайла;* второй случай имеет место, напр., в именах на *-енко*. Впрочем, правильнее признать, что этот второй случай вызван тем, что имена на *-енко* заимствованы в великорусском языке, а потому сохраняют искусственное свое произношение и нередко совсем не склоняются.

Окончание ед. числа, кроме формы им. пад., тождественны с окончаниями имен мужеского рода на согласную. В им. находим: *-о* (под ударением), *-а* (в неударяемом положении); возможно, что рядом с *-а* надо принимать окончание *-ε* в словах книжного происхождения на *-иε*: *знаниε, желаниε*. В род.: *-а* (под ударением), *-а* (в неударяемом положении). В дат.: *-у*. В вин. те же окончания, что в им.; в одушевленных мужеского рода обязательно является окончание *-у*, заимствованное из слов женского рода. В твор.: *-ом* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В местн.: *-е* (под ударением), *-ε* (не под ударением), а также в словах книжных: *-и*.

Во мн. числе *-а* (под ударением), *-а, -ы*, после мягких согласных *-и* (не под ударением), также *-ja*. В род. мн. является основа без окончания, весьма редко является при этом окончание *-of* (в неударяемом

положении *-аf*). В дат.: *-ам* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В вин. те же окончания, что в имен., но в словах одушевленных является окончание род. мн. В твор.: *-ами* (под ударением), *-ами* (в неударяемом положении). В местн.: *-ах* (под ударением), *-ах* (в неударяемом положении).

Обосложненная вставною гласною *о* или *е* основа является в форме род. пад., не принимающей согласно предыдущему окончания; стечение согласных устраняется вставкой названных гласных, этимологически восходящих, впрочем, в ряде случаев к гласным *ъ* и *ь*; ср. *о*, *е*, восходящие к *ъ*, *ь*, в случаях: *колéц*, *крылéц*, *сердец*, *полотенец*, *полотен*, *гумен*, *писем*, *брёвен*, *пятен*, *суден*, *окон*, *сукон*, *волокон*, *домишек*; *о*, *е* вставлены между согласной и конечными *р*, *л*, *н* в случаях, как: *рёбер* (при *рёбр*), *ядер* (и *ядр*), *вёдер*, *чисел*, *ремесел*, *кресел*, *вёсел*, *сёдел*, *зёрен*.

Слова на *-о* имеют или подвижное, или неподвижное ударение. Подвижное ударение находим: во-первых, почти во всех словах, имеющих ударение на окончании *-о* в им. ед. (во мн. ударение переносится на предшествующий слог): *колесó*, *волокнó*, *полотнó*, *ремеслó*, *кольцó*, *окнó*, *зернó*, *письмó*, *селó*, *клеймó*, *винó*, *ружьё*, *плечó*, *лицó*, *перó*, *звено*, *крыло*, *гнездó*, *числó*, *жерлó*, *веслó*, *сукнó*, *пятнó*, *гумнó*, *бревнó*, *стеклó*, *бельмó*, *тенетó* (слова *житьё*, *нытьё* и т. п. неподвижны потому, что от них вообще не употребляется множ. число). В слове *лезвеё* ударение переносится не на предпоследний, а на третий от конца слог: *лéзвея*. Во-вторых, в ряде слов с ударением на начальном слоге, причем во мн. числе ударение переносится на окончания: *пи́во*, *пра́во*, *сло́во*, *дéло*, *тéло*, *сéно*, *мы́ло*, *си́то*, *ма́сло*, *лéто*, *по́ле*, *сéрдце*, *ста́до*, *чрéво*, *нéбо* (*небеса́*), *чу́до* (*чудеса*), *про́со*, *во́йско*, *дéрево*, *зéркало*. При этом отметим: *дéрево* образует не только *дерева́*, но и *дерéвья* с ударением на предпоследнем слоге; *о́зеро* переносит во мн. ударение на предпоследний слог: *озёра*, *озёр*; *кру́жево* переносит ударение на последний слог во мн., но в род. мн. сохраняет его на начальном слоге: *кружева́*, *кружева́м*, но *кружев* (не *кружо́в*).

Неподвижно ударение, во-первых, в словах с ударением на серединном слоге: *боло́то*, *полено*, *корыто*, *копыто*, *око́шко*, *полотенце*, *сели́шко*; во-вторых, в словах на *-ье* и *-ие* неударяемые: *жалованье*, *знание*, *пение*, *прение*; в-третьих, в словах на *-ко*: *дрéвко*, *ушко́*, *очко́*; в-четвертых, в отдельных словах, как *лы́ко*, *жа́ло*, *я́блоко*, *со́лнце*, *пра́вило*, *стойло* (но диалектически: *стояла́*).

Таким образом, видим, что мн. число в значительном количестве слов среднего рода отличается по ударению от ед. числа. В склонениях слов мужеского и женского рода на согласную, а также в склонении слов на *-а* подвижность ударения в склонении зависела, как

мы видели, от того, что ударение (обычно предпоследнего слога) переносилось на окончание, если оно имело гласную с долготою длительною, оставалось на основе, если окончание имело гласную краткую или с долготою прерывистою. Впрочем, в склонении слов на *-а* мы видели перенос ударения с окончания им.-вин. мн. *-ы*, имевшего долготу прерывистую и потому не перетягивавшего на себя ударение с предшествующего слога: *жóны* вместо ожидаемого на основании *женá, женý — жены́*. В склонении слов на *-о* видим, с одной стороны, перенос ударения на окончание *-а: сенá, летá*, при *сéно, лéто*; с другой, перенос ударения с окончания *-а: сёла, чи́сла*, при *селó, числó*. Показания других индоевропейских языков заставляют признать за окончанием *-а* длительную долготу; следовательно, перенос ударения в словах как *сéно, прóсо* (имевших в предпоследнем слоге гласную прерывисто-долгую или краткую) произошел по той же причине, что и в других случаях, когда длительная долгота окончания перетягивала на себя ударение предшествующего слога (ср. *водá*, при *вóду, вóды; рогá* им. двойственного при *рóга* род.). Поэтому причину оттяжки ударения с окончания им.-вин. мн. *-а* нельзя понять иначе, как результат влияния аналогии. Повидимому, слова среднего рода в им. ед. получили ударение на окончании *-о* под влиянием аналогии со стороны слов женского рода, имевших, как мы знаем, ударение на окончании *-а* (говорю о тех словах, предпоследний слог которых имел краткую или прерывисто-долгую гласную): *селó, перó*, вместо *сéло, пéро* под влиянием *водá, ногá*; но эти слова женского рода в им.-вин. мн. имели ударение не на окончании, а на основе, что и повело к тому, что такое же ударение получило мн. число слов среднего рода. Влияние слов женского рода на слова среднего рода было тем естественнее, что первоначально им. мн. женского рода оканчивался на -ā (из индоевропейского -ās), т. е. так же, как им. мн. среднего рода: vodá — vóda вело за собой seló — séla (вместо более первоначального sélo — selá). Замечу еще, что исконное ударение на основе сохранили те слова среднего рода, которые редко или совсем не употреблялись во мн.; это доказывает, что самый перенос ударения на окончание в словах среднего рода стоял в зависимости от мн. числа, точнее от совокупного влияния ед. и мн. числа слов женского рода на склонение слов среднего рода; так, мы находим *прóсо, тесто, сено, пиво* (во мн. числе уже под влиянием аналогии являются как новообразования *просá, тестá, сенá,*[1] *пивá*). Слова, как *дело, тело, слово*, сохранили ударение на корне потому, что множ. число при них образовывалось от другой основы: *делесá, словесá, телесá*.

[1] Ударение в рукописи не обозначено. (Ред.).

Скажем несколько слов об отдельных падежных формах.

Отмечу сначала ряд слов, представляющих разные основы в ед. и мн. числе. Сюда относятся: во-первых, упомянутые уже выше *чудо* и *небо*, образующие заимствованные из книжного языка формы *чудеса* и *небеса;* во-вторых, *дерево, звено, крыло, колено, полено, перо, шило* образуют *дерёвья* (диалект. *деревá*), *звенья, крылья, коленья* (о дудчатых составах растения или орудия), *поленья, перья, шилья;* по происхождению своему это имена собирательные; раньше они звучали, например, *дерéвье, перье* и склонялись только в ед. числе: род. *деревья*, дат. *деревью* и т. д.; но фонетическое изменение конечного неударяемого *е* в *а* повело к произношению *дерéвья*; такие формы сближались с формами, как им. мн. *кушанья, платья, одонья, поместья*, и получали вследствие этого значение мн. числа: ср. аналогичный переход *листье, зубье, колье* и т. д. при *листъ, зубъ, колъ* в *листья, зубья, колья.* В-третьих, слово *ухо* образует во мн. *уши* (по происхождению форма двойственного числа); при устаревшем *око* является *очи*, употребляющееся в книжном и церковном языке; слово *колено* имеет при себе (в значении части тела) *колени* (по происхождению форма двойственного числа), но в род. мн. употребляется не только *коленей*, в дат. *коленям* и т. д., но также *колена, колен, коленам*,— последние формы значительно реже; слово *плечё* имеет при себе *плечи*, но в род. мн. *плеч* (форма, ведущая к им. мн. *плéча*). В-четвертых, при ед. *судно* во мн. является *суда*, род. *судóв* (что ведет к форме ед. числа мужеского рода *суд*).

Винительный единственного. Как указано, слова мужеского рода на *-о*, обозначающие всегда одушевленный предмет, получают в вин. ед. или окончание род. ед. *-а* под влиянием слов мужеского рода на твердую согласную, где вин. ед. тождествен с род., напр.: ***на этого подмастерья, позвать сюда подмастерья,*** или окончание *-у*, заимствованное от мужских слов на *-а: за **Михайлу,** за этого **объедалу.*** Впрочем, последняя замена стоит в связи с переходом слов на *-о* в склонение слов на *-а*.

Местный единственного. Слова на *-ье* имеют в местн. ед. два окончания: *-е* и *-и: на жалованье, в пенье, при рукобитье* и рядом *на жалованьи, в пеньи, при рукобитьи.* Представляется более обычным употребление *-и* именно в словах на *-анье, -енье*, причем возможно, что здесь сказалось влияние слов на *-ание, -ение*, правильно употребляющих в местном окончание *-и*. Мне лично свойственны формы, как — *на жалованьи, в селеньи, при катаньи*, но я говорю — *в пенье, при рукобитье.* Многие не различают звуков і и ε (из *е, ѣ*) в таком положении.

Именительный множественного. Отметим, во-первых, что все слова мужеского рода имеют окончание *-ы* (после мягких со-

гласных -*и*): *подмастерьи, объедалы, сапожищи, домишки*. Во-вторых по общему вообще правилу все слова с неподвижным ударением (т. е. не оттягивающие его в форме им. мн. с окончания и не переносящие его, напротив, в этой форме на окончание) имеют в им. мн. окончания -*ы* (-*и*) вместо -*а*; поэтому от *дно — дны*, от *очкó — очкú, ушкó — ушкú, судно — судны, лыко — лыки, веко — веки, дрéвко — древки, яблоко — яблоки*; также *колéчки, сердечки, пёрушки, окошки, крылышки*; почти все приведенные примеры имеют перед окончанием -*о* звук *k*. В этих словах укоренилось -*и* вследствие того, что предшествующая окончанию мягкая согласная препятствовала вытеснению этого окончания через -*а*, перед которым согласная была твердая. После других согласных окончание -*ы* (напр. *железы, жалы, солнцы, полотенцы* и др.) легко вытеснялось окончанием -*а* частью в живом произношении, частью только на письме: *болота, копыта, правила*; вытеснению способствовало то обстоятельство, что в род. мн. являются формы не на -*ов*, а формы без окончаний, устанавливающие связь соответствующих слов со словами среднего рода, как *мест, лет, гнёзд* и т. д. В им. мн. -*ья* решительно держится окончание -*а*, быть может, под влиянием того, что такое окончание известно и в мужеском роде, причем окончание -*а* (*деревья*) при -*ов* (*деревьев*) находило себе соответствие как в тождественных образованиях мужеского рода (*листья — листьев*), так и вообще в том обстоятельстве, что, напр., при *городов, домов, лесов* и т. п. известны формы им. мн. *города, дома, леса*.

Родительный множественного. Обычны формы без окончания. Слова на -*ье* (т. е. -i̯ε и -i̯o) оканчиваются при этом на -i̯, а перед -i̯ является гласная *е* (ср. *е* в случаях как *писем, ядер*, см. выше); так, находим при *ружьё — рýжей, кóпей*. Точно также слова на -*ие* оканчиваются в род. мн. на -*ий*: *желаний, сидений, селений*. Некоторые слова на -*ье* имеют окончание -*ьев*: *кушаньев, вареньев, устьев, одоньев, платьев, поместьев*; это окончание перенесено, повидимому, из таких случаев, как *деревья — деревьев, перья — перьев* и т. д.; здесь подобное склонение, как мы видели, возникло под влиянием мужеского рода, т. е. таких случаев, как *листья — листьев, колья — кольев*. — Окончание -*ов* проникло в некоторые слова среднего рода с постоянным окончанием -*и*, -*ы*: *днов, очков, ушков, яблоков* (но рядом и *яблок, очок*; также *суден, лык, окошек, древок, крылышек, колечек*). — Слова мужеского рода на -*о* по общему правилу получают окончание -*ов*: *подмастерьев, домишков, сынишков, людишков*; впрочем, слова на -*ище* едва ли не сохраняют свои старые формы: от этих *сапожищ*, от таких *каблучищ*. — Слова *море, поле* имеют в род. мн. *морей, полей*, очевидно, под влиянием склонения основ на -ĭ; ср. твор. *польми* в старом языке, образованное от такой же основы.

21. Склонение слов среднего рода на *-а*.

Сюда относятся: 1. Слова на *-мя* с основой на *-мен*. 2. Слова на *-я* с основой на *-ят*.

1. Слова *имя, бремя, племя, семя, стремя, пламя, темя, знамя, вымя* образуют падежи ед. и мн. числа от основ *имен-, бремен-* и т. д. Слово *семя* в род. мн. представляет основу *семян-* (ср. основу *имян-* в *имянинник, племян-* в *племянник*); основа *семян-* заменила *семен-* под влиянием *семя*. Сюда же относится *письмена*, употребляющееся только во мн. числе.

Все эти основы представляют в склонении подвижное ударение, а именно оно переносится в формах мн. числа (впрочем, слова *темя, вымя* и *пламя* мн. числа не образуют): в *имя, бремя, племя, семя, стремя* ударение переносится на окончания мн. числа (*имена́, семена́м, стремена́х*); в *знамя* ударение переносится на предпоследний слог (*знамя — знамёна*, ср. с *озеро — озёра*).

Окончания: им. вин. ед.: *-я*, род.: *-и*, дат.: *-и*, твор.: *-ем*, местн.: *-и*; им. мн.: *-а*, род.: не имеет окончания, дат.: *-ам*, твор.: *-ами*, местн.: *-ах*.

Слово *дитя* образует падежи ед. числа от основы *дитят-*. Сюда же относятся формы мн. числа, как *телята, жеребята, поросята, медвежата, котята* и т. д. (при которых в ед. числе являются: *теленок, жеребенок* и т. д., образования, о которых мы говорили выше).

Ударение во всех этих основах неподвижное.

Окончания в склонении слова *дитя* те же, что в словах на *-мя*, но твор. ед. имеет женское окончание *-ей* вместо свойственного тем словам мужского окончания *-ем:* им.-вин. *дитя*, род. *дитяти*, дат. *дитяти*, твор. *дитятей*, местн. *дитяти*.

Окончания в склонении *телята* и т. п. те же, что в словах *времена* и т. п. Им.-вин. мн. *телята*, род. *телят*, дат. *телятам*, твор. *телятами*, местн. *телятах*. — Слово *дитя* мн. число образует от основы женского рода на -ĭ: *дети, детей, детям* (реже *детя́м*), *детьми́* (реже *детями*), *детях* (реже *детя́х*).

Глава XIII.

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Формы именного склонения прилагательных употребляются: 1) в притяжательных прилагательных на *-ов, -ин: Петров, отцов, дядин, сестрин, братнин,* 2) в прилагательных-сказуемых. Склоняются, изменяясь по падежам, только притяжательные; прилагательные-сказуемые изменяются только по родам и числам, образуя, впрочем, твор. падеж.

Об основах прилагательных притяжательных. Основы оканчиваются на *-ов*, когда прилагательное образовано от имени существительного, означающего лицо мужеского рода, оканчивающегося на твердую согласную, на мягкую согласную, на *-й*, на *-о, -е*: *царёв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренков, подмастерьев.* Они оканчиваются на *-ин*, когда образованы от имени, означающего лицо мужеского или женского рода на *-а*: *Данилин, Фомин, Михайлин, царицын, Софьин, кухаркин.* Впрочем, на *-нин* оканчиваются и некоторые прилагательные от основ мужеского рода на твердую и мягкую согласную: *братнин, мужнин*, заменившие более старые формы *братень, мужень.* Ср. при слове *господь* церковное образование *господень.* По происхождению своему к притяжательным относятся и фамилии на *-ов, -ин: Попов, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Княжнин, Солнцев* (предполагает прозвание *Солнце*), *Волков* (от прозв. *Волк*), *Овцын, Свиньин.* Равным образом по происхождению своему сюда относятся имена городов, как *Борисов, Лихвин, Камышин, Ардатов, Кадников.*

Основы притяжательных имеют неподвижное ударение. Обыкновенно оно падает на коренной слог на основах на *-ин*, напр. *сéстрин, жёнин;* но фамильные имена на *-ин* имеют ударение на окончаниях когда такое ударение падает на том имени, от которого они образованы: *Блохи́н*, род. *Блохинá, Свиньинá* (*Óвцын*, потому что *óвцу*). В именах на *-ов* ударение падает или на коренной слог, когда оно произведено от имени с таким ударением, или на суффикс *-ов*, когда произведено от имени с ударением на окончаниях (при этом ударение в прилагательных на *-ов* не переходит на окончания): *Семёнов, Гóрев, Мóрев, Вóлков; Петрóв, Попóв; Иванóв* предполагает *Ивáн — Иванá.* Только притяжательное *Петрóв* в выражениях *до Петровá дни, к Петровý дни* переносит ударение на окончания. Ср. сибирскую фамилию *Петровы́х.* Прилагательные притяжательные сохранили именные окончания только в им. и вин. падежах всех чисел и родов, а также в род. и дат. ед. мужеского рода. Поэтому им. *отцов, отцова, отцово, отцовы;* вин. — *отцов* или *отцова, отцову, отцово, отцовы;* род. — *отцова*, дат. — *отцову.* Все остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончания у местоименного склонения прилагательных мужеского и среднего рода: твор. ед. — *с отцовым*, местн. *в отцовом;* женского рода: род. — *отцовой*, дат., местн. — *отцовой*, твор. — *отцовой* (*отцовою*)*;* во мн. числе: род. — *отцовых*, дат. — *отцовым*, твор. — *отцовыми*, местн. — *отцовых.* Притяжательные *божий, вражий* и др. склоняются как и прочие прилагательные на *-ий*, сохраняя именные окончания только в им. и вин. всех родов и чисел: ср. *божья воля, божью власть, милость*, но *из божьего храма.* Притяжа-

тельное *господень* сохраняет церковнославянское склонение, являясь, очевидно, книжным заимствованием: *о гробе господне, от руки господни;* но во мн. исключительно неименные образования. Кроме род. *Петрова́ дни*, дат. *Петрову́ дни* сохранился и местн. *о Петрове́ дни.*

Существительные, являющиеся по своему происхождению прилагательными притяжательными, а именно фамилии, склоняются так же, как эти прилагательные, с тем лишь отличием, что в местн. мужеского рода имеют окончание *-е*: *Попов*, род. *Попова*, дат. *Попову*, местн. — *в Попове;* им. — *Попова*, вин. — *Попову;* мн.: *Поповы;* в твор. — *Поповым;* в женском роде: род. — *Ивановой*, дат., твор., местн. — *Ивановой;* во мн. ч.: род., местн. — *Ивановых*, дат. — *Ивановым*, твор. — *Ивановыми.*

Названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов, Борисов, Юрьев, Царицын*, имеют именные окончания во всем склонении (ед. число), кроме, однако, твор. пад.: *с Романовым, с Царицыным.* Лишь только такая связь утрачена, именное окончание является и в твор. пад.: *под Кашином, с Киевом, с Ростовом, с Гдовом.* Понятно, что тут неизбежны колебания: *с Лихвином* и *с Лихвиным.* Имена городов на *-ск*, представляющиеся по происхождению краткой формой прилагательных, склоняются по именному склонению: *Петровск, Петровска, с Петровском, в Петровске* (в народном языке сохраняются и формы *с Петровским, в Петровском*).

Совершенно единично прилагательное *третéй, третья́*, представляющее краткую именную форму при полной, местоименной *трéтий.* Употребляется в выражении *сам-третéй, самá-третья́.* Таковы же прилагательные: *друг* (*сам-друг*), *четвёрт, пят, шост, сём.*

Прилагательные-сказуемые отличаются от прилагательных, склоняющихся по местоименному склонению, тем, что представляют в мужеском роде основу, а в женском, среднем и во мн. числе основу, обособленную соответствующими окончаниями *-а, -о, -ы.* Основа мужеского рода отличается в ряде слов от основ женского, среднего рода и мн. числа вставкой беглых гласных *о, е*, из которых часть соответствует исконным *ъ, ь*, а часть вставлена позже или по причинам фонетическим, или под влиянием аналогии. Ограничусь некоторыми примерами для *о, е* в основах мужеского рода, отсутствующих в основах женского, среднего рода и мн. числа; *о* восходит к *ъ*, напр., в *зол, ловок, крепок, низок; е* восходит к *ь*, напр., в *болен, славен, силен, горек.* Не восходят к *ъ, ь*, напр., *о, е* в сочетаниях *оло, ере: полон, долог, черен; е* в сочетаниях *ер, ел: остёр, тёпел; о* в сочетании *ов: резов.* В соответствии с дифтонгом *-ой-* находим в мужеском роде *-ое: спокоен*, а в книжном слове *достоин* сочетание *-ои-*.

Одни основы прилагательных-сказуемых и только что указанных прилагательных порядковых имеют ударение неподвижное на основе, напр. *рад, виновáт, спокóен, крáток, богат;* другие имеют неподвижное ударение на окончаниях (а в мужеском роде, понятно, на основе): *мал, бел, сер, мёртв, гол, синь, добр, остёр, хитёр, полон, умён, высок, грешен, горяч, силён, хорош, широк,* — напр., *малá, малó, малы́.*

Третьи основы имеют подвижное ударение: в мужеском, среднем роде и во мн. числе ударение падает на основу, а в женском роде на окончание: *нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цел, хил, дик, горд, скор, спор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туг, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нем, туп, скуп, слеп, крив, жив, тих, тощ, чист, зрел, смел, спел, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх, велик, глубок, далёк, виден, крепок, долог, весел, дёшев, зéлен, гóлоден, хóлоден, мóлод, хóлост.*

В некоторых случаях видим колебание, а именно там, где ударение склоняемого прилагательного падает на основу: *пьянó, новó, старó, великó, глубокó, далекó, голоднó, холоднó.* Обратно: *си́льно, высóко, ширóко, мáло, пóлно.*

Причастия страдательные на *-н, -т* относятся сюда же. С неподвижным ударением: *брóшен, отпу́щен, оставлен, расчищен, завален, задет, у́бит, обу́т — дан (данó), несён, повеленó.*

С подвижным ударением: *приви́т, взят, нáчат, зáперт, óтперт, óтпит, прóжит, прóклят, прóлит; óтдан, при́знан, прóдан.* Следовательно: *приви́то, приви́ты,* но *привитá; отдано, óтданы,* но *отданá.*

Как сказано, прилагательные-сказуемые изменяются только по родам. Но они образуют также твор. пад. в ед. на *-ым, -ой,* во мн. на *-ыми:* быть **сытым, проклятым;** *он стал* **весёлым,** *она была всегда* **весёлой,** *он сделался* **неподвижным,** *они становились* **нетерпимыми.** В старинном языке держался едва ли не до последнего времени дат. на *-у: быть* **бодру, любиму, веселу.**

Причастия прош. вр. на *-л* (получившие значение прош. вр. изменяются также только по родам; во мн. числе они имеют окончание *-и: был, былá, бы́ло, бы́ли; берёг, береглá, береглú.*

Глава XIV.

МЕСТОИМЕНИЯ.

Склоняемые местоимения делятся на пять групп: 1) местоимения личные 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) местоимение *кто, никто, некто; что, ничто, нечто,* 3) местоимение 3-го лица: *он,* 4) местоимения, не получающие в им. пад. мужеского рода особого окончания,

5) местоимения, получающие в им. пад. мужеского рода окончание *-ой.*

1. Местоимение 1-го лица: ед. числа *я*, вин. и род. *меня* (заменило более древнее мене), *мне*, *мной*, *мне*; мн. *мы*, вин. и род. *нас*, *нам*, *нами*, *нас*.

Местоимение 2-го лица: ед. числа *ты*, вин. и род. *тебя* (вместо тебе), *тебе*, *тобой*, *тебе*; мн. *вы*, вин. и род. *вас*, *вам*, *вами*, *вас*.

Форма *те* в «*я те дам*» заменила старшее *ти* под влиянием *тебе*.

Возвратное местоимение: вин. и род. *себя* (вместо себе), *себе*, *собой*, *себе*.

Форма *ся* находится только в соединении с глаголом; *ся* под ударением: *взялся́*, *дрался́*, *родился́*; *ся* неударяемое после согласных: *берёгся*, *бойся*, *назвался*, *нашёлся*, *отрёкся*; после гласных является *-с* (*съ*): *остаюсь*, *прячусь*, *родилась*.

Местоимения 1-го и 2-го лица изменяются по падежам и числам, не по родам, а возвратное местоимение только по падежам.

2. Вопросительное и относительное *кто* из древнего къ-то представляет в падежах основу *ко-*. Изменяется только по падежам; относится только к лицам, безразлично какого рода и числа. Склонение: *кто*, род. и вин. *кого* (произносится *ково*), *кому*, *кем* (заменило более древнее цѣмь из **коімь* с обосложненною основой *коі-*), *ком*. Определительное *никто* склоняется так же. Определительное *некто* в формах склонения получает образования, стоящие в связи с формой им. *некой* (*некий*); что до отрицательных *нѣ кого*, *нѣ кому*, *нѣ кѣм*, *нѣ о ком* (мы пишем *некого*[1] и т. д.), то при них не употребляется именительная форма.

Вопросительное и относительное *что* из древнего чь-то представляет в падежах основу *че-*. Изменяется только по падежам; относится только к предметам, безразлично какого рода и в каком числе. Склонение: *что*, род. и вин. *чего* (произн. *чево*), *чему*, *чем* (заменило более древнее чимь из **кеімь* с обосложненною основою *кеі-*), *чём*. Определительное *ничто́* склоняется так же. Определительное *нечто* не склоняется; что до отрицательных *нѣ чего*, *нѣ чему*, *нѣ чѣм*, *нѣ о чём* (мы пишем *нечего*[1] и т. д.), то при них не употребляется имен. форма.

3. Местоимение 3-го лица представляет две основы: *он-* только в им. пад. всех трех родов и обоих чисел: *он*, *она*, *оно*, мн. для всех родов *они*: эта основа не проникла даже в вин. пад. среднего рода, который вообще и в именах и в местоимениях тождествен с имен. падежом. Вместо *они* употребляется также для всех родов форма *оне*

---

[1] Т. е. такие написания (с *е*, не с *ѣ*) принадлежали уже старой орфографической системе, до ее реформы в 1918 г. (Ред.)

(моему употреблению она чужда). Различие, рекомендуемое грамматиками: *они* для мужеского и среднего рода, *оне* (*онѣ*) для женского[1] искусственное и не оправдывается историей языка. Окончание *-е* в *оне* ср. в *те*, *все*. Прочие падежи образуются от основы *је-*, являющейся в твор. ед. и во множ. числе в виде *ји-* (из *јеі̯-*, представляющегося обосложнением основы *је-*); в мужеском и среднем роде: род. и вин. *его* (произн. *јево*), дат. *ему*, твор. *им* (произн. *јим*), предл. *о нём* (с вставным между основой и предлогом *н*); в женском роде основа *јеі̯-*: род. и вин. *её* (форма *ея* книжная и употребляется вообще только на письме, вторгаясь, впрочем, и в живую речь под влиянием школьной грамматики;[2] *её* заменило древнее *еѣ*), дат. *ей*, твор. *ей* (*ею*), предл. *о ней;* во мн. числе для всех родов:[3] род. и вин. *их* (произн. *јих*), дат. *им* (*јим*), твор. *ими* (*јими*), предл. *о них*. Формы с начальным *н* известны не только в предложном, но также во всех других падежах, как только они употребляются после предлогов: *с неё*, *от него*, *k нему*, *k ней*, *с ним*, *с нею*, *с них*, *k ним*, *с ними*.

4. Местоимения, изменяющиеся по родам и числам и не получающие особого окончания в мужеском роде, по значению своему распадаются на притяжательные, указательные, определительные, вопросительные.

Притяжательные. При *я* является *мой* с основой *мой-* (*мои̯-*): в женском роде *моя*, в среднем *моё*, во мн. *мои* для всех родов. Склоняется так: *мой*, род. и вин. *моего*, вин. *мой*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём; моя*, род. *моей*, вин. *мою*, дат. *моей*, твор. *моей* (*моею*), предл. о *моей; моё*, род. *моего*, вин. *моё*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём;* мн. *мои*, вин. и род. *моих*, вин. *мои*, дат. *моим*, твор. *моими*, предл. *моих*. Так же склоняются *твой*, являющееся при *ты*, *свой* при возвратном *себя*. При *мы* притяжательное *наш*, *наша*, *наше;* склоняется как *мой*, но ударение удерживает на основе. При *вы* является *ваш*. При *их* находим *ихний*, не получившее полного права гражданства в литер. речи (еще менее употребительно в этой речи *ихой*).

Указательные. *Тот*, *та*, *то;* форма им. мужеского рода представляет сложение старой формы *тъ* с основой *то-;* от этой основы образованы все остальные падежи; в твор. ед. мужеского рода и во всем множ. числе основа является в осложненном виде те- (из toi̯-);

---

[1] Имеются в виду написания названной формы по старой орфографии. Реформой орфографии 1918 г. узаконено одно написание *они* как для мужеского и среднего, так и для женского рода. (Ред.)

[2] Реформою орфографии 1918 г. написание *ея* было упразднено и заменено отвечающим произношению вариантом *ее*. (Ред.).

[3] В рукописи, очевидно, по описке, — «чисел». (Ред.)

осложнённая основа (toi̯-) является также в склонении женского рода, но сохраняется здесь как toi̯- в положении перед гласными окончаниями; в женском роде необосложненную основу представляет только вин. падеж: *ту.* Склонение: *тот,* род. и вин. *того,* вин. *тот,* дат. *тому,* твор. *тем,* предл. о *том.* Женск.: *та,* вин. *ту,* род. *той,* дат. *той,* твор. *той* (*тою*), предл. о *той.* Средн.: *то,* вин. *то,* род. *того* и т. д., как в мужеском. Мн. для всех родов: *те, тех, тем, теми, о тех.*

Указательное *таков* изменяется только по родам и числам: *таков, такова, таково, таковы;* по падежам изменяется *таковой, -ая, -ое.*

Указательное *этот* склоняется как *тот,* но ударение удерживает всегда на *э;* во мн. *эти, этих, этим, этими, этих. Сей* устарело; сохраняется в нескольких выражениях: *на сей раз, сию минуту, сегодня, от сих до сих.* В склонении различаются следующие образования: им.-вин. *сей, сия, сию, сиё, сии;* основа *се-* только в мужеском и среднем роде: *сего, сему, о сём;* основа *си-* (из *сеі̯-*) в твор. ед. и во мн.: *сим, сих, сим, сими, сих;* основа *сеі̯-* в женском роде: род. *сей,* дат. *сей,* твор. *сей* (*сею*), предл. *сей.*

Определительные. *Весь, вся, всё;* от основы vьs'ā- еще только в женском роде *всю* и мн. *вѣ* (по форме вин. мн.). Остальные падежи: от основы *вѣ-* (из vьsoi̯-); таковы твор. ед. *всем* и все косвенные падежи мн. числа: *всех, всем, всеми, всех;* от основы *всей-* (vьśei̯-) косвенные падежи женского рода: род. *всей,* дат. *всей,* твор. *всей* (*всею*), местн. *всей;* от основы *все-: всего, всему, о всём.*

Сам, сама, само; мн. *сами;* от основы *самā-* только вин. женского рода *саму* (редко употреб.). От основы *само-:* род. *самого,* дат. *самому,* предл. *о самом;* от основы *сами-,* заменивший *самѣ-* (из samoi̯-): твор. *самим,* род. мн. *самих,* дат. *самим,* твор. *самими,* предл. *о самих.* От основы *самой-* (samoi̯-) с гласными окончаниями: род. и вин. *самоё* (вместо стар. самоѣ), вин. *самою,* дат. *самой,* твор. *самой* (*самою*), предл. *о самой.*

Некой сохраняет отчасти старое склонение: мужеский и средний род: *некоего, некоему, о некоем,* но *с некиим* вместо *с некоим.* В женском роде *некая* вместо старшего *некоя, некую* вместо *некою;* род. *некоей,* дат. *некоей,* твор. *некоей* (*некоею*), предл. *о некоей;* также во мн.: *некие, некиих, некиим, некиими, о некиих.*

Несложное *кой* (*на кой чорт*) употребляется редко: *коего, коему, о коем,* твор. *с коим;* мн. *кои, коих* и пр. В женском роде ед. число не употребляется.

Чей, чия, чиё. В мужеском роде *чьего, чьему, чьим, о чьём.* В женском роде *чьей* и т. д. Во мн.: *чьи, чьих, чьим, чьими, чьих.*

Каков, какова, каково, каковы. По падежам не изменяется. Рядом

склоняемое *каковой*. Так же: *одинаков, одинакова, одинаково, одинаковы*.

Всяк употребляется только в им. ед. мужеского рода; *всяко* это наречие (напр. *всяко бывает*).

5. Местоимения, склоняемые как прилагательные. В только что рассмотренной группе ударение переносится на окончания (кроме *кой, некой*); в этой же группе ударение на окончания не переносится. Одни из таких местоимений имеют ударение на окончании основы, другие на коренной ее части. К первым относятся: *такой, какой, таковой, каковой, другой, никакой, сякой* (употребляется только в им. мужеского рода).

Ко вторым: *каждый* (новообразование вместо кыжьдо), *оный, который, никоторый, самый, некоторый, всякой* (пишется *всякий*), *одинаковый*.

Глава XV.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Различаются два склонения. В первом окончаниями являются в им. падежах ед. числа: *-ой, -ая, -ое*. Во втором: *-ий, -ja, -je*. Об изменении этих окончаний им. падежа и о прочих окончаниях скажу ниже.

По происхождению своему местоименное склонение прилагательных (об именном мы говорили выше) есть сложное склонение. Некогда в сложном склонении склонялись обе части сложения: самое прилагательное по именному склонению и присоединенное к нему относительное местоимение (основа jo-). Но в большей части падежей старое склонение систематически вытеснено новыми формами, заимствованными из склонения местоимений. Старые формы сохранились в им. и вин. падежах ед. числа: *добрый* (из *добръ-jі*), *добрая* (*добра-ja*), *доброе* (*добро-je*); вин. женского рода *добрую* (*добру-jу*); им. мн. *добрые* (т. е. *добры-jѣ*, по форме вин. мн.). Об им. формах второго склонения (*лисий, лисья, лисье*) скажу ниже. Кроме того, старые формы сохранились (со стяжением двух гласных окончания первой части сложения и начала второй) в твор. ед.: *добрым* (вместо *добры-имь*, а это еще в общеславянскую эпоху вместо *добромь-имь*) и во мн. числе: *добрых* (вместо *добры-ихъ* из *добръ-ихъ*), *добрым* (из *добрымъ*, вместо *добромъ-имъ*), *добрыми* (из *добрыими*), *добрых* (из *добрыихъ*, вместо *добрѣхъ-ихъ*). — Остальные падежи представляют новообразования: род. *доброго* вместо *добраго* (а это из *добраего*), дат. *доброму*, вместо *добруму* (а это из *добру-ему*), местн. *добром* вместо *добрѣмь* (а это из *добрѣемь*), род. женского *доброй* вместо *добрыѣ* (из более древнего *добрыеѣ*), дат. и местн. женского *доброй* вместо *добрѣи* (из более

древнего *добрѣей*). Форма твор. пад. женского рода *доброю* (откуда позже *доброй*) может быть признана старой формой, ибо уже в старом языке *доброю-ею* заменено было через *доброю*. На появление новых форм повлияло склонение местоимений, напр. *того, тому, самого, всего* и т. д.

Первое склонение. В состав его вошли: 1) основы на -о, склонявшиеся по сложному склонению, 2) основы на *-jo*, склонявшиеся по тому же склонению. Ударение может падать или на коренную часть основы: *ста́рый, бе́лый, кру́глый, го́лый, весёлый, бога́тый, си́льный*, или на окончание основы: *босо́й, живо́й, морско́й*.

Об окончаниях замечу следующее. Окончанием им. ед. является *ой*, вытеснившее старое *-ый* фонетически как в ударяемом, такие и в неударяемом слоге; современное правописание требует сохранения *-ый* в неударяемом положении и замены его через *-ой* в ударяемом; основанием для этого является историческая традиция, до сравнительно недавнего времени удерживавшая *-ый* также под ударением (*второ́й, слепо́й*). В силу той же традиции, а частью и искусственного правила грамматики, после *k, г, х* пишется *и* вместо *о* в неударяемом положении: *пегий, строгий, крепкий, тугоухий*; между тем мы произносим здесь тот же звук, что в *добрый, старый*. Это не звук *ы*, а звук, изображавшийся нами в отделе фонетики через *α*; он явился на месте *о* в результате его редукции в неударяемом положении. Из основ на твердую согласную *-ой* передалось и в основы на мягкую согласную: вместо *чужий, синий, горячий* явились *чужой, *синёй, *горячёй*; понятно, что в неударяемых слогах *о* редуцировалось и после мягкой согласной перешло в *ε*, откуда *і* или почти *і*; наше *синий, горячий* не тождественно поэтому с древнерусскими *синий, горячий*, а, как указано, ведет к формам *синёй, горячёй*. После отвердевших согласных вместо *ε, і* такого происхождения является *ы*: *свежый, пригожый, похожый*.

В род. ед. мужеского рода является под ударением *-о́ва*, в неударяемых слогах *-αва* (после твердых согласных) и *-εва* (после мягких): *худова, добрава, син'єва*. На письме *-ова* изображается через *-ого* (*худого*), а *-αва* и *-εва* через *-аго, -яго* (*добраго, синяго*).[1] Написания *-аго*, господствовавшие лет двадцать пять тому назад и при ударении на предпоследнем слоге, объясняются книжною традицией, сохранившею церковнославянские написания; что до окончания *-го* вместо произносящегося *-ва*, то и здесь имеем дело с книжною традицией, поддерживавшеюся тем обстоятельством, что значительное число русских говоров (украинских, белорусских, южновеликорусских), между прочим

---

[1] Имеются в виду соотв. написания по старой орфографии. (Ред.)

и некоторые северновеликорусские говоры удерживали в этом окончании старое γ, h; переход *-оγо* в *-ово* можно считать великорусским явлением по преимуществу.

В дат. пад. находим *-ому́* под ударением, *-аму*, *-ɛму* в неударяемых слогах: *худо́му, добраму, синɛму*; в местном *-о́м* под ударением, *-ам*, *-ɛм* в неударяемых слогах: *худо́м, добрам, син'ɛм*; в твор. *-ым* после твердых согласных, *-им* после мягких: *худы́м, до́брым, си́ним.*

В им. ед. женского рода под ударением *-а́ӓ* (пишется *-а́я*), а в неударяемых слогах *-аӓ* после твердых согласных (пишется *-ая*), *-ɛӓ*, *-іӓ* после мягких согласных (пишется *-яя*): *худая, добрая, синяя.*

В вин. ед. женского рода под ударением -úįu (пишется *-у́ю*): *худу́ю*; что же касается неударяемых слогов, то господствующим в московском произношении окончанием является -αįu (после твердых согласных), -ɛįu, іįu после мягких согласных, но известно также окончание -uįu (вместо чего после мягких согласных -üįu или почти üįu), на письме только *-ую*: *добрую, синюю*. Окончание -αįu, -ɛįu заменило -uįu на почве грамматической аналогии; *α*, *ɛ* проникло из прочих падежей ед. числа: род. *добрай*, дат., местн., твор. *добрай*. Это видно из древнего языка, представлявшего и на письме формы вин. ед., как *милою, больною* и т. п. Ближайшим образом влияние могло быть оказано формой род. падежа, которая совпадала с вин. в личных местоимениях женского рода: *её* при *ею*, передаваясь и в указательные и определительные: *тоё* и *тою, всеё* и *всею, самоё* и *самою.*

Форма род. ед. женского рода на *-о́į* под ударением (пишется *ой*), *-αį* (после твердой согл.), *-ɛį* (после мягкой) в неударяемых слогах произошла из двух более древних форм *-уį* и *-оį*, которые в свою очередь заменили на почве грамматической аналогии *-ук*, *-ок*; а именно здесь сказалось влияние других падежей — дат. и твор., имевших более краткое окончание, чем род.; то же влияние еще раньше повело к переходу окончания твор. ед. *-оįи* в *-оį*. Окончание *-ук* это остаток сложного склонения прилагательных: *xudук*, *s'ińік* (вместо *śińьк* под влиянием грамматической аналогии); окончание *-ок* явилось под влиянием местоименного склонения *xudок*, *śińек*; ср. сказанное выше о замене окончаний сложного склонения окончаниями склонения местоименного.

Об окончании твор. женского рода -оį (-αį, -ɛį и -іį) сказано выше; старые формы *-о́įи*, *-αįи*, *-ɛįи* едва ли известны в живом употреблении. В дат. и местн. находим *-о́į* при *-αį*, *-ɛį* и *-іį* в неударяемом положении.

Во множ. числе окончанием им. пад. является *-уі*, после мягких согласных *-іі*: xudyi, śińii; эти окончания восходят фонетически к *-ук*, *-ік*, так как *к* в неударяемом положении может переходить в *і* (напр.

колѣни, двѣсти); возможно, впрочем, что *-уі, -іі* заменили непосредственное *-уе, -іе*, причем е на месте *ѣ* в неударяемом положении. На письме удерживается *-ые, -ие*, что указывает на старшие *-ыѣ, -иѣ*. Формы *-ыѣ, -иѣ* (вместо *-ъѣ*) представляются по своему происхождению формами имен. и вин. мн. женского рода и формами вин. мн. мужеского рода; эта форма вытеснила как старое окончание имен. мн. м. рода *-ии* (хꙋдии, добрии), так и окончание им.-вин. мн. среднего рода *-ꙗ* (хꙋдаꙗ, добраꙗ); вытеснение всех форм одною общею стоит в связи с общим совпадением форм всех трех родов во мн. числе; ср. то же в местоимениях. В нескольких книжных выражениях удерживается окончание им.-вин. мн. *-ая*, напр. *во вся тяжкая.*

В род.-местн. общим окончанием для всех родов является *-ых*, после мягких согласных *-их*: *худых, синих*. В дат. мн. *-ым, -им*: *худым, синим*. В твор. мн. *-ыми, -ими*: *худыми, синими.*

Отмечу здесь ряд прилагательных, получивших значение существительных, но не утративших своего старого склонения: *Верный* (название города), *сотской* (пишется *сотский*), *прохожай* (пишется *прохожий*), *лешай* (пишется *леший*), *лесничей* (пишется *лесничий*); в женском роде *горничная, столовая, передняя, гостинная;* в среднем роде *жаркое, пирожное, мороженое, Бологое.*

Второе склонение обнимает старые основы на *-i̯o*; звук *і̆* был в общеславянском языке в таком положении полукратким, а потому подлежал в позднейшее время выпадению. Сложное склонение представляло первоначально такие окончания: им. ед. lišii̯ĭ. lišii̯aja, lišii̯eje, вин. женского lišii̯uju; род. lišii̯aho (из lišii̯a-eho), lišii̯ѣѣ; дат. lišii̯umu, lišii̯ii̯; твор. lišii̯ii̯imь, lišii̯eju; местн. lišii̯ii̯imь, lišii̯i; им. мн. lišii̯ii̯i, lišii̯ѣi̯ѣ, lišii̯aja; род. мн. lišii̯ii̯iхъ и т. д. В формах им. и вин. пад. ед. числа русский язык получил новообразования; вместо двух тождественных сочетаний i̯aja, i̯eje, i̯ii̯i, i̯ѣi̯ѣ явилось одно i̯a, i̯e, i̯i, i̯ѣ: *liši̯a, liši̯e, liši̯i, liši̯ѣ*; это вызвало новообразование и в им. ед. мужеского рода: вместо lišii̯ĭ здесь явилось lišiĭ. Также: *козий, медвежий, человечий, божий* вместо *козьий, медвежьий, человечьий, божьий*. В остальных падежах видим те же окончания, что в первом склонении. Фонетически lišiĭ, откуда liši̯i, должно было измениться в lišei̯; наше liši̯i, вероятно, непосредственно заменяет lišei̯.

Глава XVI.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

Склонение числительных количественных должно быть рассматриваемо особо в виду некоторых явлений, свойственных только этому склонению. Впрочем, мы видим здесь вообще смешение склонений,

свойственных существительным и местоимениям. Одни числительные склоняются как существительные, другие склоняются как местоимения, образуя некоторые формы по именному склонению.

1. Как существительные, склоняются все вообще числительные, оканчивающиеся на мягкую согласную, как *пять*, *шесть*, *десять*, *одиннадцать*, *двадцать*, *тридцать* и т. д. Они склоняются только в ед. числе как имена женского рода на мягкую согласную (напр. *kость*), отступая только тем, что здесь (исключая, впрочем, те, которые оканчиваются на *-надцать*) переносится ударение на окончание: *пять*, род., дат., местн. *пяти*, твор. *пятью́*, *тридцати́*, *тридцатью́*; между тем имена женского рода, как мы видели, переносят ударение на окончание только в местн. ед. после предлогов *на*, *в*. Старое ударение сохранилось в твор. пад., употребленном как наречие: *пятью-пять*, *во́семью-восемь*. В склонении *восемь* является вставная гласная в формах им. и твор.: *восемь*, *восемью*.

В сложных *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* склоняются обе части сложения: *пятидесяти*, *шестьюдесятью*, *семьюдесятью*, *восьмидесяти*. Впрочем, в твор. пад. известны и новообразования, как *пятидесятью*, *семидесятью*. Очевидно, в сознании говорящих утрачено представление о том, что *-десят* это форма род. мн.; но замечательно, что в им. пад. держится твердая согласная, причем, следовательно, старая форма род. мн. не отождествлена с им. ед. — В сложениях, как *пятьсот* — *девятьсот*, точно так же склоняются обе части; форма род. мн. *сот* держится только в им. пад. (и, конечно, также в род.).

Сорok склонялось некогда как существительное мужеского рода на *-о*, но теперь сохранилась только одна форма род. ед. *сорoká*, которая получила функции всех остальных падежей; мы говорим: *от сорока рублей*, *к сорока рублям*, *с сорока рублями*, *в сорока рублях*, равным образом — *по сорока рублей*.

Девяносто в нашем языке во всех падежах звучит одинаково; но в косвенных падежах наше d'ɛvénóstɑ восходит, вероятно, к форме *девяноста*, ср. выше *сорока* и ниже *ста*.

Сто является формой им. и вин. пад., в других падежах — одна общая форма *ста*, заменившая древние *сту* (дат.), *сте* (местн.), *стом* (твор.); ср. *от ста рублей*, *k ста рублям*, *в ста рублях*. Дат. *сту*, напр. *по сту рублей*, моему словоупотреблению чуждо, я говорю *по ста рублей*, ср. *по сорока* (и *по сто*, ср. *по сорок*).

В *пять сот*, *шесть сот* и т. д. сохраняется, впрочем, только в формах им. и вин., форма род. мн. от *сто*. В других падежах склоняются одновременно обе части сложения: *от пяти сот*, *k пяти стам*, *в пяти стах*, *пятью стами*, *о пяти стах*.

Тысяча склоняется как существительное женского рода: *тысячу, от тысячи, к тысяче, в тысяче*; но в твор. — *тысячью*, как от основы на -ĭ; в виду этого возможно, что и в дат.-мести. существует форма *тысячи*, а не *тысяче*. Быть может, *тысячи* только в сложении с существительным: *о тысячи рублях, к тысячи рублям*, но об этой *тысяче*, к той *тысяче*.

Сто, двести, триста, пятьсот и т. д. *тысяч* в косвенных падежах склоняют все части сложения: *со ста тысячами, в ста тысячах, в трех стах тысячах, с тремя стами тысячами, о пяти стах тысячах, в четырех стах тысячах*. Возможно, впрочем, и сохранение *тысяч* род. мн. без изменения, напр., *в пяти стах тысяч* экземпляров, *на пяти стах тысяч* рублей; мне, однако, такое словоупотребление не свойственно.

Миллион склоняется как существительное мужеского рода.

Существительное *пол* можно рассматривать как числительное. Подобно числительным *сорок, сто* слово *пол* для всех косвенных падежей образует одну форму *полу́*. *Пол* употребляется в сложениях как с существительными, так и с числительными. В соединениях с существительными находим в им. пад. ед. числа и мн. или *пол-* или *полу-*: *пол-* в редких случаях, как *полдень, полночь*; *полу-* в остальных: *полустанок, полушинок, полукруг, полуостров*; в косвенных падежах и в тех и в других случаях только *полу-*; итак, с одной стороны: *к полудню, от полуночи, с полуднем*, с другой стороны: *на полуострове* и т. д. Кроме того известны и такие соединения, где за *пол-* следует существительное в род. пад. ед. числа: *полгода, полминуты*; склоняются обе части таких сложений: *к полугодам, с полуминутами*. — *Полтора*, т. е. польтора, в женском роде *полторы* — образуют: *полу́тора* (так во всех косвенных падежах: *к полутора годам, в полутора верстах*); в старом языке было бы *к полутору году, в полуторе версте*.

В *полтора, полторы* видим во второй части сложения старые формы порядкового числительного *второй*, а именно формы именного склонения. Такое склонение имели некогда и другие порядковые; в современном языке они сохранились только в им. пад. ед. мужеского рода в соединении с предшествующим *сам-*: *самдруг, самчетверт, самшост* и т. д. Едва ли известны в обычном языке соответствующие формы женского рода; *она явилась сам шост, пшеница уродилась сам пят*, а не *сама шеста, сама пята*. При *третий* именной формой является *третей* в выражении *сам третей*.

2. Числительные *один, два, оба, три, четыре* склоняются как местоимения. *Один* образует падежи как *тот*, но вместо *е* имеет в окончании основы в соответствующих падежах *и*: *одного, одному* — *одним, одни, одних* и т. д. Что до форм *одне, однех*, которые школь-

ная грамматика рекомендует как формы женского рода,[1] то в живом языке они употребляются вместо *одни, одних* без отношения к роду. В моем словоупотреблении *одне* является только при женском роде (непоследовательно) под влиянием школьной грамматики.

Два в мужеском и среднем роде, *две* в женском образуют остальные падежи от основы *дву-*, причем в твор. падеже имеется окончание *-мя*, отсутствующее у местоимений (диалектически известны: *имя, темя*): *двух, двум, двумя.*

Так же склоняется *три*, образующее падежи от основы *тре-*: *трёх, тремя. Четыре* образует падежи от старой основы на -ĭ, являющейся в закрытых слогах в виде *четыре-*, а в открытых в виде *четыр-*: *четырём, четырёх* при *четырьмя.*

Оба образует падежи от основы *обойи-*: *обоих, обоим, обоими.* В женском роде *обе* — от основы *обейи-*: *обеих, обеим.*

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и более редкие *восьмеро, девятеро, десятеро* склоняются только во множ.: *двоих, семерых, пятерым.* В твор. мн.: *двоими, троими* (*четверыми, пятерыми* и т. д. чужды моему словоупотреблению). *Двое, трое, четверо* и т. д. употребляются также в соединении с именами, знающими только мн. число: *двое ворот, k двоим воротам, двое саней, на двоих санях* (но также *k двум воротам, на двух санях, трем воротам*).

Порядковые числительные *первый, второй, третий, четвертый, сороковой* и т. д. склоняются как прилагательные.

Глава XVII.

СПРЯЖЕНИЕ.

В отделе, посвященном глаголу, необходимо рассмотреть, во-первых, глаголы в собственном смысле, во-вторых, спрягаемые имена прилагательные и причастия, в-третьих, склоняемые глагольные имена с атрибутивным значением (причастия), в-четвертых, несклоняемые глагольные имена с неатрибутивным значением (инфинитив), в-пятых, глагольные наречия (деепричастия). Все эти слова объединяются частью тем, что образуются посредством определенных окончаний от общей основы (глаголы, причастия спрягаемые и склоняемые, деепричастия, инфинитивы), частью тем, что изменяются по общим всем им категориям, чуждым другим частям речи (категории времени, залога и вида объединяют глаголы, причастия, деепричастия; категории залога и вида объединяют с указанными формами и инфинитив; кате-

[1] Реформою орфографии 1918 г. эти формы изъяты из практики письма. (Ред.)

гории лица и времени объединяют глаголы, спрягаемые имена прилагательные и причастия). Признав категорию лица наиболее характерною при определении глагола, ибо она неотъемлема от собственно глагольных (не именных) образований, мы называем изменение глагола по лицам спряжением. Сообразно с этим рассмотренные выше слова распадаются на две группы: а) слова спрягаемые (сюда относятся глаголы в собственном смысле, а также несклоняемые имена и причастия), б) слова неспрягаемые (инфинитив; причастия склоняемые и деепричастия). Сначала остановлюсь на спряжении, т. е. на изменении слов по категории лица; затем перейду к изменению спрягаемых слов по другим глагольным категориям; наконец, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

В русском языке различаются, как это было видно и при обзоре местоимений, три лица: первое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), ведущее речь от себя; второе — обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), к которому обращена речь; третье — обозначающее лицо или предмет, о котором идет речь. То обстоятельство, что речь может вестись не только одним лицом, но и несколькими, причем она может быть обращена не только к одному, но и к нескольким лицам, является основанием тому, что 1-е лицо определяется или как 1-е лицо ед. числа, или как 1-е лицо мн. числа, и так же определяются 2-е лицо ед. и 2-е лицо мн. числа. Лицо говорящее так же, как лицо, к которому обращена речь, может быть мужеского или женского рода; сообразно с этим 1-е лицо может быть 1-м лицом мужеского или женского рода, 2-е лицо 2-м лицом мужеского или женского рода. Равным образом предметом речи может быть не только один предмет, но и несколько предметов, поэтому при 3-м лице ед. числа является и 3-е лицо мн. числа. Предмет, о котором идет речь, может принадлежать к одному из трех родов: мужескому, женскому или среднему; сообразно с этим 3-е лицо ед. и мн. числа может быть 3-м лицом ед. числа мужеского рода, 3-м лицом ед. ч. женского рода, 3-м лицом ед. числа среднего рода, 3-м лицом мн. числа мужеского рода и т. д. Теоретически возможны еще и другие определения для всех трех лиц; так, возможно определение лица еще и двойственным числом, а именно речь может вестись от имени двух лиц, может быть обращена к двум лицам и может идти о двух лицах или предметах; во всех этих случаях возникало бы представление о 1-м, 2-м и 3-м лице двойственного числа. Но современному русскому языку чужда категория двойственного числа в именах; понятно, что ее нет (она не сохранилась) и в глаголах. Относительно различения рода (мужеского, женского и среднего) в лицах отметим, что категория рода возникла собственно в именах

и притом путем грамматическим, формальным (а не реальным, ибо, напр., к мужескому и женскому роду принадлежат слова, которые обозначают такие предметы, которые по реальному своему значению не могут быть отнесены ни к тому, ни к другому роду). Вследствие этого проникновение родовых различий в категорию лица глаголов могло произойти только под влиянием имен; в русском языке это влияние сказалось только на спрягаемых именах и причастиях. Как мы знаем, русский язык во мн. числе частью утратил совсем (в именах атрибутивных), частью утрачивает постепенно (в именах существительных) различия родовые; вследствие этого и в спрягаемых именах родовые различия наблюдаются только в ед., но не во мн. числе.

Из сказанного ясно вытекает необходимость рассмотреть отдельно спряжение глагола от спряжения имен и причастий.

1. В спряжении (изменении по категории лица) глаголов различаются шесть лиц: три лица ед. числа и три лица мн. числа. Различия эти образуются особыми окончаниями. Окончаниями 1-го лица ед. числа являются *-у* (*несу, прошу, гор'у, играју*), а в некоторых редких глаголах *-м* (*ем, дам*). Окончанием 2-го лица ед. числа является *-ш* (*берёш, ходиш, играјеш, еш, даш*), а для повелительного наклонения *-и*, которое в неударяемом положении переходит в *-й* после гласной и вообще отпадает после согласной (*несú, просú, дай, устрой, вынь, брось, реж, ляг*), сохраняясь, однако, после группы согласных: *почисти, отсохни, тресни*, а также в сложенных с *вы-*: *вынеси, вырази;* в глаголе *есть* окончанием 2-го лица и повел. накл. является *-ш* (*еш*). Окончанием 3-го лица ед. числа является *-т* (*плетёт, водит, сядет, даст, ест*) и архаическое *-т'* в *есть, бог весть*. Окончанием 1-го лица мн. числа служит *-м* (*гребём, носим, знајем, едим, дадим, дајом*, повел. накл. *идём*). Окончанием 2-го лица мн. является *-те* (*стережете, хвалите, дајоте, поспејете;* повел. накл. *идúте, хвалúте, дайте, выньте, лягте*). Окончанием 3-го лица мн. является *-т* (*несут, носят, горят, строят, спят, хотят, тревожат*). Способы присоединения указанных окончаний в основном будут рассмотрены ниже при обзоре спряжения глагольных основ. Здесь отметим, что указанные окончания свойственны только настоящему и будущему времени, а также повелительному наклонению.

2. В спряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц, семь для ед. числа и три для мн., причем в ед. числе три лица мужеского рода, три лица женского рода и одно (3-е) лицо среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* для мужеского и женского, *ты* для мужеского

и женского, *он, она, оно, мы, вы, они):* 1-е лицо мужеского *я весел, я был,* 1-е лицо женского рода *я рада, я ходила,* 2-е лицо мужеского *ты стар, ты носил,* 2-е лицо женского рода *ты молода, ты играла,* 3-е лицо мужеского *он прост, он собрал,* 3-е лицо женского *она бедна, она ушла,* 3-е лицо среднего *оно хорошо, оно упало,* 1-е лицо мн. *мы обижены, мы упали,* 2-е лицо мн. *вы виноваты, вы устали,* 3-е лицо мн. *они счастливы, они отказали.* Повторим сказанное выше при обзоре местоимений: *они* употребляется безразлично для мужеского и женского рода; вместо *они* известно также *оне* также для мужеского и женского рода; различение *они* и *оне* как формы мужеского и женского рода искусственно и не оправдывается ни историей, ни современным употреблением. Понятно, что вместо местоимения 3-го лица *он, она, оно, они* может быть употреблено имя существительное: *женщина вышла, дети веселы.*

Рассматриваемое спряжение распадается на два резко друг от друга отличных отдела. К первому принадлежит спряжение причастия на *-л: я был, ты крала, оно прошло* и т. д. Формы на *-л* в настоящее время утратили свое первоначальное причастное значение прош. вр. и употребляются только как спрягаемые формы прош. вр. Ко второму отделу принадлежит спряжение всех остальных причастий (на *-т, -м, -н),* а также и прилагательных. Формальным отличием спряжения второго отдела от первого является следующее: окончанием мн. числа в первом отделе служит *-и*: *были, ходили, ели, несли,* между тем как во втором отделе таким окончанием является *-ы: веселы, биты, любимы, брошены (-и* является только в простор.: *ради, виновати, квити).* Относящиеся ко второму отделу спрягаемые слова изменяются, в противоположность причастиям на *-л,* по временам; простое соединение их с указанными выше местоимениями, а также с существительными обозначает настоящее время: *я молода, женщина убита, солдат ранен;* но соединение их с формами прошедшего или будущего времени вспомогательных глаголов (о них скажем ниже) служит для выражения этих двух времен, напр. *я был весел, она была рада, мы будем довольны, они будут брошены, они бывали неисправны* и т. п. В подобных сложных образованиях вместо формы на согласную в мужеском роде, на *-а* в женском, на *-о* в среднем, на *-ы* во мн. числе употребляются не после вспомогательного глагола *был, буду* и формы на *-ым* в мужеском роде, *-ой* в женском, *-ым* в среднем, *-ыми* во мн. числе; по происхождению своему это формы твор. пад.: *я стал веселым, она бывала веселой, небо стало пасмурным, он сделался серьезным.* Равным образом при помощи вспомогательных глаголов образуются этими спрягаемыми именами наклонения повелительное и сослагательное: *будь весела, было бы скучно.*

В целом ряде глаголов окончание 3-го лица ед. числа *-т* в настоящем и будущем времени не вносит в глагольную форму категории лица: эти глагольные формы, хотя и говорят о том или другом действии или состоянии, но не содержат указания на то, чтобы это действие или состояние производилось определенным субъектом. Ср. безличные глаголы как *шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается*. Аналогично с этим окончание *-о* в форме прошедшего времени не вносит категории лица, напр. в формах как *морозило, рассвело, чесалось, думалось*. И точно так же безлично употребляются именные формы (причастия и прилагательные) на *-о: здесь весело, мне тошно, ему больно*.

От этих безличных форм отличается употребление 3-го лица мн. глаголов и причастий на *-л* без определенно выраженного субъекта; при безличных глаголах субъект не только не выражен определенно, он даже не подразумевается, между тем при формах 3-го лица мн. (на *-ут, -ат* и *-ли*) субъект подразумевается и притом во мн. числе: *пишут, говорят, твердили, смеялись* (подразумевается: *люди*).

Форма повел. накл. на *-и* (или на согласную, за которой отпало *-и*), при употреблении с существительным или местоимением 3-го лица или местоимением 1-го лица, утрачивает значение 2-го лица и получает значение 3-го лица или 1-го лица условного наклонения: *приди он раньше, знай я это раньше, ничего бы не было; скажи он это было бы все исполнено; будь он посмелее, его бы не тронули; вспомни я раньше об этом, все было бы хорошо; будь я там, этого бы не случилось; будь мы там*. Также реже при 1-м и 2-м лице мн.: *будь мы, будь вы*. Отмечу еще употребление формы повел. на *-и* в значении 3-го лица ед. повел. накл.: *помилуй бог, помоги ему бог, провались он на месте* (также и во мн. *провались они все*), *пропадай моя головушка, сохрани его господь*.

1. Категория времени.

Глагол и прочие спрягаемые слова посредством тех или иных формальных средств образуют различные времена. Действие или состояние предмета представляется или продолжающимся в настоящем времени, или относящимся к прошедшему времени, или, наконец, относящимся к будущему времени. Наст. вр. глаголов определяется теми личными окончаниями, которые рассмотрены выше: *иду, хожу, просишь, видим, даёте, носят, ем, едим*. Наст. вр. прочих спрягаемых слов определяется отсутствием вспомогательного глагола при спрягаемом слове: *они веселы, он убит, он задушен, он тронут, она ранена, книга найдена* (наст. вр., состоящее из причастия совершенного

вида, в противоположность другим формам наст. вр., можно определить как наст. вр. совершенного вида). Прош. вр. глаголов образуют формы спрягаемого причастия на *-л: он был, он убил, она пришла, она веселилась.* Прош. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в прош. вр.: *она была рада, они были удивлены, они были тронуты.* (Прошедшее время от глаголов совершенного вида, а также от спрягаемых причастий совершенного вида можно определить как прош. вр. совершенного вида.) Буд. вр. образуется от глаголов двояким способом: или оно по форме основы и по своим окончаниям тождественно с наст. вр. (будущее совершенного вида), напр. *съем, сыграет, набросит, залезет, заставим;* или оно представляет соединение инфинитива с вспомогательными глаголами *буду, стану* (будущее несовершенного вида): *буду играть, стану сказывать,* причем это образование возможно только от тех глаголов, основа которых не имеет значения совершенного вида (нельзя сказать *буду поиграть, будет сказать*). Буд. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличностью при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в буд. вр.: *я буду полезен, я буду избит, она станет сильной.* (Соединение с причастием совершенного вида образует будущее совершенное).

Наст. вр. от глаголов совершенного вида имеет не только значение будущего совершенного, но также и наст. вр. при рассказе о часто повторяющихся событиях: *он встанет, оденется и выйдет в сад погулять, походит по дорожкам и вернется домой.*

Таким образом, если примем во внимание обнаруживающиеся видовые отношения, видим, что в нашем языке различаются следующие шесть времен: настоящее несовершенного и совершенного вида, прошедшее несовершенного и совершенного вида, будущее несовершенного и совершенного вида.

2. Категория наклонения.

Наклонениями называются те различия в глагольных формах, которыми обозначается отношение субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; действие или состояние может представляться связанным с субъектом непосредственно, в этом случае глагольная спрягаемая форма определяется как изъяв. накл.; действие или состояние может представляться связанным с субъектом только при известном условии или определяться как нечто желаемое: сослаг. накл., наконец, действие или состояние связывается с субъектом только в акте воли говорящего лица: повел. накл. Выражения для сослаг. и повел. накл., равно как и для других наклонений (напр.

условного, желательного), могут быть даны разнообразными синтаксическими сочетаниями (напр.: *если он скажет, пошел бы ты, да будет, молчать* и т. п.), но в морфологии мы останавливаемся только на тех различиях, которые даны в самой грамматической форме. С этой точки зрения различаем в русском языке только три вышеназванные наклонения. Данное выше определение наклонения исключает возможность признать инфинитив наклонением хотя бы неопределенным: в нем не выражается отношения субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; поэтому неопределенную форму, представляющуюся простым названием действия или состояния, удобнее назвать иностранным термином инфинитив.

Признаком изъяв. накл. являются наличность в глагольной и вообще спрягаемой форме возможности сочетаться с субъектом в каждом из шести лиц и отсутствие частицы *бы* за формами прошедшего времени: *я иду, ты несёшь, они хотели, они дадут, они будут сидеть, она молода, она была больна.*

Признаком повелительного наклонения является отсутствие возможности сочетать глагольную форму с 1-м лицом ед. числа и 3-м лицом ед. и мн. числа; обычно она сочетается только со 2-м лицом ед. и мн. числа: *сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте;* в глаголах совершенного вида, а также определенно-моторных (см. ниже) форма повел. накл. может относиться и к 1-му лицу мн., выражаясь при этом формой 1-го лица мн. наст. вр., но не сочетаясь с местоимением 1-го лица мн.: *идём, бросим, несём, скажем.* Форма *пошол*, не сочетаемая с местоимением 2-го лица ед. или принимающая за собой это местоимение только постпозитивно (*пошол ты вон*), служит также для выражения повел. накл. Повел. накл. являются и частицы *на, нате.* Особою разновидностью повел. накл. является его предостерегательное значение. Оно образуется двояким способом: во-первых, из соединения отрицания *не* с повел. накл. глагола совершенного вида (который вообще с отрицанием не соединяется): *не потеряй, не усни, не урони, не убейся, не попадись, не упади, не укради, не убей* (из заповедей), *не уколись, не прозевай;* во-вторых, из соединения повел. *смотри, прошу, пожалуйста* с повел. накл. (несовершенного и совершенного вида), сопровождаемых отрицанием: *смотри не вырони, смотри не шали, не откажитесь, прошу вас, смотри не вынь* (несчастливого жребия), *смотри не проиграй, не рассердись пожалуйста.*

Сослаг. накл. (согласно предыдущему, имеющее значение условного и желательного накл.) определяется наличностью частицы *бы* при формах прош. вр. на *-л: я бы сел, она хотела бы, они бы вышли, она была бы* добрее. Впрочем, как мы видели, для выражения этого

накл. (точнее накл. условного) употребляется и форма 2-го лица ед. повел. накл. в сочетании с 1-м и 3-м лицом ед. числа, реже мн. числа: *приди он раньше, послушайся я его совета, догадайся я, что это так.*

3. Категория вида.

Видами называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой. Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии. Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, при чем значение видов затрогивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов.

В русском глаголе различаются следующие два главные вида: вид несовершенный (имперфективный) и вид совершенный (перфективный). Несовершенный вид означает действие или состояние, длившееся в прошедшем или продолжающееся (не в своем результате, а в самом действии или состоянии) в настоящем или имеющее длиться в будущем: *смотрю, я ходил, буду читать, поговаривают, ты нёс, он бежит.* Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю, похожу, посидит, побегал* (т. е. длительность была налицо, но говорящий говорит о ней как о прекратившейся, законченной в прошедшем или будущем); или он обозначает результат действия (состояния) как нечто законченное в прошедшем, настоящем или будущем: *он прибежал, он принёс, он ранен, он наказан; она крикнет, он уйдет,*

В подавляющем большинстве случаев форма совершенного вида отличается от соответствующей формы несовершенного вида; в редких случаях формы совершенного и несовершенного вида совпадают в звуковом отношении. Во всех, однако, случаях формы обоих видов отличаются друг от друга в грамматическом употреблении, а именно: во-первых, форма, имеющая в глаголах несовершенного вида значение наст. вр., в глаголах совершенного вида получает значение буд. вр., напр. *говорю, наговорю, несу, принесу, смеюсь, засмеюсь; доношу начальству, доношу старое платье; она телеграфирует мне сегодня, она телеграфирует мне завтра.* Во-вторых, в глаголах несовершенного вида буд. вр. образуется посредством соединения вспомогательных глаголов *буду, стану* с инфинитивом; в глаголах совершенного вида такое соединение не допускается: *буду говорить, буду слушать*; следовательно, в соединении *буду телеграфировать* глагол несовершенного вида. В-третьих, от глаголов несовершенного

вида образуются причастия настоящего времени: *играющий*; от глаголов совершенного вида не может быть образовано причастие на *-щий*. В-четвертых, от глаголов совершенного вида не употребительно причастие наст. страдательного залога, между тем его образуют глаголы несовершенного вида: *любимый, уважаемый, это не произносимо, он всеми видим.* В-пятых, повел. накл. совершенного вида по общему правилу не соединяется с отрицанием *не*, а если соединяется (иногда с *смотри, пожалуйста, прошу*), то имеет значение предостерегательное: *не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не отоприсъ.*

Перехожу к формальным отличиям совершенного вида от несовершенного. Как указано, в подавляющем числе случаев форма совершенного вида глагола отличается от соответствующей формы несовершенного вида. Отличие это выражается или 1) в обосложнении основы несовершенного вида предлогом *браню — побраню, выбраню*, или 2) в самом строении основы. Рассмотрю отдельно тот и другой способ образования совершенного вида.

1. По общему правилу глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности. Приведу ряд примеров с различными предлогами: *за: забарабанить, зарезать, застрелить, задрожать, задремать; воз: воспылать, вознегодовать; по: полететь, побежать, побрести, повалить, погнать; от: отсидеть, отстоять, отпеть; на: нападать, накурить, написать, напутать; из: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; вы: высечь, выкрасить, выругать; про: прогреметь, пробормотать, прождать, прозвучать, проездить; у: украсть; с: сделать, сыграть, снести, слетать, слукавить; раз: разбудить, разбогатеть, развеселить; о, об: остолбенеть, осиротеть; по: повенчать, построить, покраснеть.* Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по: поговорить, поиграть, полечиться, походить, почесаться, поторопиться.*

2. Различие в основах, означающих совершенный и несовершенный вид, образуется разными способами и восходит к разным эпохам. Необходимо иметь в виду следующие четыре группы глаголов совершенного вида: а) несложенные с предлогами основы на согласную и на *-и*, имеющие при себе в несовершенном виде основы на *-а;* б) основы несложенные с предлогами, при которых исчезли соответствующие основы несовершенного вида; в) несложенные с предлогами основы на *-ну;* г) сложенные с предлогами основы.

1) Число основ, несложенных с предлогами, оканчивающихся на согласную и на *-и* и имеющих значение совершенного вида, весьма ограниченно. Сюда относятся: *дам* (основа *дад-*) при основе *дава-* в несовершенном виде (но в наст. вр. основа *дajo-*), *паду* (основа инфинитива *пад-*) при основе *пáда-* в несовершенном виде (*падаю*); основы на *-и*: *благословлю* при *благословляю* в несовершенном виде, *брошу* при *бросаю* в несовершенном виде, *кончу* при *кончаю*, *лишу* при *лишаю*, *пленю* при *пленяю*, *прощу* при *прощаю*, *пущу* при *пускаю*, *рожу* при *рождаю*, *решу* при *решаю*, *ступлю* при *ступаю*, *хвачу* при *хватаю*, *явлю* при *являю*. Сюда же относится *куплю* при *покупаю* в несовершенном виде. Глагол *хватить* (ударить) не имеет при себе несовершенного вида, но ясна связь его с *хватать*.

2) При *сяду — сесть*, *лягу — лечь*, *стану — стать*, *дену — деть* не известны теперь соответствующие формы несовершенного вида (впрочем, известен инфинитив *девать*), но раньше при них существовали образования как **сѣдать* украинск. *сідати*), *лѣгать*, **ставать*, **дѣваю*.

3) Несложенные с предлогами основы на *-ну* принадлежат все к совершенному виду, за исключением тех, которые обозначают не активное действие предмета, а пассивное его состояние (как *тонуть*, *виснуть*, *киснуть*, *пухнуть*, *мокнуть*, *сохнуть*), а также еще глагола *тянуть*. Соответствующие глаголы несовершенного вида производятся от основы на *-а*. Примеры для глаголов совершенного вида на *-ну*: *зевнуть*, *крикнуть*, *шагнуть*, *чихнуть*, *ахнуть*, *хлопнуть*, *топнуть*, *резнуть*, *кольнуть*, *толкануть*, *кашлянуть*, *бацнуть*, *вернуть*, *кинуть*, *минуть*.

4) Глаголы совершенного вида, сложенные с предлогами, сохранившими реальное свое значение, имеют при себе по общему правилу глаголы несовершенного вида, сложенные с теми же предлогами, но образованные от другой основы. При этом различаются две группы: а) основа несовершенного вида не является основой производной от основы совершенного вида; б) основа несовершенного вида производная от основы совершенного вида.

а) Глаголы несовершенного вида со значением моторным производятся от родственной основы с неопределенно-моторным значением, когда совершенный вид (сложенный с предлогом) содержит основу с соответствующим определенно-моторным значением. Так, при *отнести* является *относить*, ср. *нести — носить*; так же: *завезти — завозить*, *донести — доносить*, *залететь — залетать*, *привести — приводить*. Сложенный с предлогом глагол *лезть*, напр., *залезть*, *вылезть*, рядом с *лазить — залазить*, *вылазить* может иметь и образование с производною основой: *залезать*, *вылезать*. Только с производною основою образует соверш. вид глаголов *плыть*, *ехать*, *бежать* соответствующие основы

несоверш. вида: *приплыть — приплывать* (не **приплавать*), *приехать — приезжать* (не **приездить*), *набежать — набегать* (не **набѣгать*).

б) Остальные глаголы совершенного вида образуют несовершенный вид от соответствующей производной основы. При этом известны производные основы на *-а*, производные основы на *-ja*, производные основы на *-ывать, -ивать*. Рассмотрю отдельно все эти производные основы.

Производную основу на *-а* (после гласных на *-ва*) находим от всех глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на согласную и на гласную при односложности основы совершенного вида: *прода-ть — продавать; напеть — напевать, нажить — наживать, задуть — задувать, забить — забивать, покрыть — покрывать, обуть — обувать, сознать — сознавать;* также: *отпадать, оседать, отсекать, запасать*. При этом в древнейшем периоде краткие, исконно краткие, гласные в корне подвергались растяжению: *о* переходило в *а*, *е* в *ѣ*, *ъ* в *ы*, *ь* в *и*; в русском языке, в частности в великорусском, такие *а*, *ѣ* заменены были с течением времени под влиянием аналогии через *о*, *е* (напр. *погребать* вместо *погрѣбать, налегать, помогать*), но *ы*, *и* на месте старых *ъ*, *ь* сохранились: *умирать* (ср. основу настоящего ꙋмьр- в *умру*), *простирать* (наст. простьр- в *простру*), *натирать* (наст. натьр- в *натру*), *сиитать* (наст. съчьт- в *сочту*), *начинать* (наст. начьн- в *начну*), *пожирать* (наст. пожьр- в *пожру*), *пробирать* (ср. бьр- в пробьрати). Производную основу на *-а* находим (с таким же растяжением исконно кратких гласных) и при глаголах с инфинитивом на *-нуть*: *увянуть — увядать, утонуть — утопать, заснуть — засыпать, закинуть — закидать, передвинуть — передвигать*. Производную основу на *-а* находим в редких случаях при основе наст. вр. на -je и основе инфинитива на *-а*: *насыплю — насыпать, обрежу — обрезать*. Производная основа на *-а* является далее в соответствии с основой на *-и* в совершенном виде в том случае, если в соответствующих глаголах несложенных соверш. и несов. вида известны те же обе основы: *наступить — наступать*, (ср. *ступить — ступать*), *запустить — запускать*; сюда же *закупить — закупать* (ср. *купить* совершенного вида, не имеющее, впрочем, при себе *купать*). Производная основа на *-а* является еще в нескольких случаях: *загораться, пригорать, закипать*.

Производную основу на *-ja* находим при основе на *-и* по общему правилу, однако, только тогда, когда в основе настоящего времени ударение падает на это *и*: *обвинишь — обвинять, уснащать, отвращать, наделять, угощать, объявлять, отличать, упрощать, устремлять, усыплять, укреплять;* также еще и там, где ударение в наст. вр. колеблется, но где в инфинитиве оно падает на *и*: *отучать, умолять, провожать, погружать, выгружать, переменять*. В словах книжных,

заимствованных из церковнославянского, образование на *-ja* при основе на *-и*, независимо от ударения основы настоящего и инфинитива, составляет общее правило: *украшать* при *укра́сить, управлять, наставлять, прославлять, приготовлять, отвечать, отправлять, замечать, отмечать.*

Производную основу на *-ыва* с ударением на корне находим в других неотмеченных выше глаголах в положении после твердой согласной. Так, при основе инфинитива на *-ну: заглядывать, притискивать* (здесь *и* вместо *ы* после *k*), *запихивать* (то же после *х*), *отстёгивать* (то же после *г*), *затрогивать, подуськивать, проскальзываю, улепётывать, отпрядывать.* При основе инфинитива на *-а* и *-о* с основой настоящего времени на *-je: заказывать, срезывать, слизывать, помазывать, отклёвывать, отплёвываться, закалывать.* При основе инфинитива на *-а* с основой наст. вр. на *-аје: забрасываю, запугиваю, учитываю, отмежовываю, заламываю, упитывать, закусывать, закутывать, зарабатывать.*

Производную основу на *-ива* с ударением на корне находим в положении после мягкой согласной. При основе наст. вр. и инфинитива на *-и*, когда ударение в инфинитиве или наст. вр. (здесь кроме 1-го лица ед.) падает на корень: *расцвечивать, отпячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загораживать, отсвечивать, покучивать, отвинчивать, залечивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, выменивать, выучивать, выколачивать, выпиливать, обнаруживать, отшучиваться, озадачивать, обнадёживать, удерживать, открещиваться, усваивать, удваивать.*

При основе наст. вр. на *-јаје: увенчивать, замешивать.* При основе наст. на *-и* и основе инфинитива на *-ѣ (-а): высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать* (несмотря на удар. *просиди́т*), *замалчивать, отстаивать.*

3. Некоторые сравнительно немногочисленные глаголы имеют одну общую форму как для совершенного, так и для несовершенного вида. Сюда относятся глаголы: *женю, крещу, казню, велю, дарую, образую, организую, телеграфирую* и, повидимому, *обещаю.* Глаголы *организую* и *телеграфирую* представляются новообразованиями; *обещаю, дарую, образую, крещу* несомненно слова книжные, заимствованные из церковнославянского; значение слова *женю* дает основание предположить, что и оно такого же происхождения; понятно, что и *казню, велю* можно признать церковнославянизмами. Следовательно, совмещение двух значений видовых имеет место а) в словах, заимствованных из церковнославянского, б) в новообразованиях. Оба видовые значения

перенесены из самого церковнославянского языка; здесь, в силу необходимости создавать неологизмы, а другой раз в силу невозможности прибегнуть к новообразованиям, в ряде случаев, как увидим, стирались первоначальные отношения между обоими видами. Быть может, сюда же должно отнести следующие глаголы, в настоящее время известные только со значением совершенного вида, но еще недавно употреблявшиеся и со значением несовершенного вида: *молвлю*, *раню*. Отдельно стоят русские по форме глаголы *ворочý* и *полоню*, известные только в совершенном виде, причем, однако, *ворочý* употребляется в виде несовершенном, напр. в выражении *он рыло ворóтит*; эти глаголы, в особенности *полоню* (вместо *ворочý* чаще *возвращу*, *верну*), представляются устаревшими.

Из предыдущего выясняется, что бóльшая часть глаголов совершенного вида представляет сложение глагола с предлогом. Мы можем указать на сравнительно немного глаголов с основой на согласную и на *-и* в инфинитиве, имеющих значение совершенного вида; возможно, что такое значение они получили позже под влиянием того, что при них были однозначащие глаголы с основой на *-а*, которым было присвоено значение соответствующего несовершенного вида; при этом вероятно думать, что, напр., *явить* при *являть* получило значение совершенного вида вследствие именно того, что рядом с несовершенным *объявлять* (с производной основой) существовало *объявить;* ср. еще *ступить — ступаю* при *наступить — наступаю*; *купить* совершенного вида под влиянием *накупить — накупаю; родить — рождаю* под влиянием *зародить — зарождаю.* Как мы только что видели, число глаголов, несложенных с предлогами, где значение совершенного вида не связывается с только что указанными условиями, совершенно незначительно (*женю, раню* и т. п.). Итак, сложение с предлогом по общему правилу вызывает замену несовершенного вида глагола видом совершенным:[1] *видеть — увидеть, красть — накрасть, бросать — забросать* и т. д. Это общее положение нуждается, однако, в более подробном исследовании, в виду того, что ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняет свое первоначальное значение несоверш. вида. Сюда относятся следующие группы глаголов.

Во-первых, те глаголы, сложенные с предлогами и имеющие значение несоверш. вида, которые не имеют при себе простых беспредложных глаголов; эти глаголы рассмотрены выше, причем указано, что они образованы от производной основы при сложенных с теми же предлогами глаголах совершенного вида, образованных от основы

---

[1] В рукописи: «Замену совершенного вида глаголов видом несовершенным». (Ред.)

непроизводной. Так, находим со значением несовершенного вида: *замечать, забавлять, украшать, угощать, укрощать, заворачивать, заколачивать, разламывать* при отсутствии простых беспредложных **мечать, *ворачивать, *ламывать;* ясно, что перед нами новообразования, явившиеся при глаголах совершенного вида: *заметить, добавить, заколотить* и т. п.

Во-вторых, группа глаголов с основой производной на -*а*, сохраняющих значение несовершенного вида в сложении с предлогами, несмотря на наличность при них простого, беспредложного глагола с тою же основой; сюда относятся: *бывать: забываю, отбываю, убываю, добываю* и др. (но в соединении с *по* совершенный вид: *побываю); давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю* (но в соединении с *на* совершенный вид: *надаю); кидать: покидаю* (но в соединении с другими предлогами совершенный вид: *закидаю, накидаю, выкидаю); девать: одеваю, задеваю, продеваю* (но в соединении с *по: подеваю); пускать* и простор. *пущаю: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождать, зарождать; решать: отрешаю; ступать: заступать, отступаю, наступаю, приступаю, выступаю, поступаю; рыгать: изрыгаю, отрыгаю; являть: заявлять, объявлять, изъявляю.* Едва ли может подлежать сомнению, что несовершенный вид в глаголах этой группы сохранялся под влиянием глаголов первой группы; при всех этих глаголах имеются родственные образования совершенного вида в сложениях с теми же предлогами: *забыть, подам, покину, одену, отпущу, зародит, отрешит, наступлю, изрыгнет, изъявлю* и т. д. Глаголы *забывать, подавать, отрешать,* ассоциируясь с *забыть, подать, отрешить,* представлялись такими же производными, как, напр., *затевать* при *затеять, покрывать* при *покрыть, увядать* при *увянуть;* вследствие этого они и получили значение несовершенного вида. Ср. с одной стороны несовершенный вид в сложениях, как *забываю, подаю, покидаю* при сложных *забуду, подам, покину;* а с другой совершенный вид в сложениях *побываю, надаю, подеваю, накидаю* в виду отсутствия сложных **надам, *подену* и другого значения таких сложных, как *побуду, накину.*

В-третьих, группа глаголов, обозначающих движение, как *ходить, носить, водить, возить, летать,* в сложении с предлогами сохраняют несовершенный вид: *отношу, заношу, завожу, привожу, перелетаю* (но рядом с совершенным видом сложение, как *поношу ребенка по комнате, слетаю в город, схожу за ним*). Сохранение несовершенного вида вызвано здесь тем, что сложенные совершенного вида, как *отнести, завести, привезти, налететь,* получили при себе в качестве несовершенного вида образования, как *относить, заводить, привозить, налетать,* — и это в виду существования при *нести, везти, вести, ле-*

теть производных основ *носить, возить, водить, летать.* Появление совершенного вида в указанных выше *поносить, слетать, сходить* объясняется тем, что сложенные *понести, слететь, сойти* не ассоциировались с ними по значению. Поэтому ***заносить платье*** — совершенного вида (ибо нельзя ***занести платье***), ***заводить кого до усталости*** — совершенного вида (ибо ***завести*** имеет другое значение). Сравнивая ударение глаголов *выноси́ть, выводи́ть, выходи́ть, вывози́ть* и глаголов *вы́носить, вы́ходить, вы́возить,* видим, что в несовершенном виде оно непервоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлог *вы;* следовательно, это ударение явилось под влиянием производных с ударением на примете *-а;* отсюда видно, что не только *выходить* и т. д., но и *доходить, заводить, привозить,* со значением несовершенного вида надо рассматривать как новообразование.

В-четвертых, ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняющих несовершенный вид, оказываются заимствованными из церковнославянского языка, где, как указано, были нарушены первоначальные условия различения видов вследствие неологизмов, новых искусственных образований, нарождавшихся при переводе на славянский язык греческих текстов. Ср. с этим аналогичное явление в русском языке, где глагол *выглядеть,* образованный по образцу немецкого языка, сохраняет значение несовершенного вида. Церковнославянские глаголы этого рода или имеют при себе простые беспредложные, или известны только в сложении с предлогами. К первым относятся, например: *предвидеть, провидеть, подлежать, надлежит, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, состоять, предстоять, пастоит* нужда, *сожалеть, поносить* (бранить), *предчувствовать, сочувствовать, наследовать, преследовать, разуметь, прообразует.* Ко вторым относятся, напр.: *зависеть, изволить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязает, поборать, угрожать, поблажать, подобать, подозревать, подражать, подразумевать, отрицать, порицать, созерцать, увещевать, управлять, упражнять, изобиловать, повиноваться, приветствовать, приличествовать* и др.

Сказанное убеждает нас в том, что первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида. Несовершенный вид в таких глаголах вызывался или необходимостью иметь новообразование несовершенного вида при соответствующем глаголе совершенного вида, или искусственным подражанием другим языкам — греческому (в церковнославянском), немецкому (глагол *выглядеть* в русском).

Совершенно ясно, что указанное происхождение совершенного вида — путем сложения глагола с предлогом — ведет к следующему

положению: совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем противоположения сложенного с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как *несу — занесу*, *прошу — попрошу*, *курю — накурю* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и в другие случаи. А именно, во-первых, сложенные с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением), глаголах несовершенного вида; для образования их, как мы видели, прибегли к производным основам (*занесу — заношу*, *упрошу — упрашиваю*, *закурю — закуриваю*); во-вторых, видовые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем, под влиянием аналогии сложенных с предлогами, несовершенный вид получали из сходных по значению чередующихся между собою основ основы на *-а*, а значение совершенного вида основы на согласную или на *-и* в инфинитиве (так явились: *явить — являю*, *ступить — ступаю*). Отмечу, напр., что еще недавно *кончиться* употреблялось в несовершенном виде; теперь это только совершенный вид под влиянием глагола *кончаться*. Также глагол *решить* употреблялся в несовершенном виде. В церковнославянском языке и в образовавшемся под его влиянием книжном русском языке два видовые значения стали различаться и в некоторых единичных глагольных основах (*крещу — крещу*, *дарую — дарую*).

Из предыдущего следует, что значение совершенного и несовершенного вида соотносительное. Вследствие этого при данном глаголе совершенного вида существует обыкновенно соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида обыкновенно имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида. Однако из обоих этих положений имеются исключения.

При некоторых глаголах совершенного вида неизвестны соответствующие образования несовершенного вида [1]. Мы видели такие глаголы среди беспредложных. Сюда относятся: *купить* (несовершенный вид при нем: *покупать*), *хватить* (в значении ударить), *сесть* (несовершенный вид *садиться*), *лечь* (несовершенный вид *ложиться*), *стать* (в значении сделаться, несовершенный вид *становиться*), *вернуть* (несовершенный вид *возвращать*), *бацнуть*, *ринуться*, *хлынуть*, *грянуть;* далее сюда же относятся теперь: *полонить*, *воротить*, *молвить*, *ранить* (см. выше). Среди глаголов, сложенных с предлогами, не образуют совершенного вида ряд глаголов на *-ся*, по значению своему ассоциирующиеся непосредственно с простыми, беспредложными, так как предлоги в этих глаголах не сохранили своего реального значения

[1] В рукописи: «Образования совершенного вида» (Ред.)

(а мы знаем, что новообразования несовершенного вида возникают только при тех сложенных с предлогами глаголах, в которых предлоги сохранили свое реальное значение); так, находим совершенный вид *насидеться, насмотреться, наглядеться, накричаться, наспаться, наволноваться, належаться, докричаться, расплакаться, разговориться, разнежиться, разъехаться* (в значении распасться), *разоспаться, развеселиться;* они относятся к несовершенным: *сидеть, спать, веселиться.* Кроме того находим: *уснуть, укусить* (при *спать, кусать*), *уронить* (при *ронять*), *положить* (при *класть*).

Укажу теперь на такие глаголы несовершенного вида, которые не образуют при себе вид совершенный. Сюда относятся, во-первых, некоторые несложенные глаголы, как *удить, силиться (усилиться?), значить,* книжный глагол *долженствовать.* Во-вторых, ряд сложенных глаголов церковнославянского происхождения: *обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать* и т. д. (см. перечень таких глаголов выше). В-третьих, глагол *перекоряться.* В-четвертых, несколько глаголов на *-ивать,* как *заискивать, отсвечивать, отцвечивать, ухаживать, охорашиваться.* В-пятых, глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие: *приплясываю, подпеваю, припеваючи, присвистывать.* В-шестых, глаголы, обозначающие действие «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (определение Востокова): *разговариваю, разгуливаю, распеваю, расхаживать.*

4. Категория залога.

Формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту. Таким образом, под понятие залога подходят те формы, которые может принять тот или иной глагол для выражения указанных отношений. Определение залогов составляет предмет морфологии постольку, поскольку при этом выясняются те формальные средства, к которым для указанной цели прибегает язык.

В русском языке существуют два формальные способа для выражения различий в отношениях действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту: 1) в причастиях искони различались причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие или состояние, проистекающее от самого субъекта (*уважающий, убежавший, принесший, зеленеющий*), и причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (*уважаемый, принесенный*); первые

из этих причастий принадлежат к действительному залогу, а вторые к страдательному; благодаря употреблению спрягаемых форм причастий страдательного залога для выражения форм времени и наклонения частью в соединении с вспомогательным глаголом, частью самостоятельно, в нашем языке могут быть образованы, напр. от глаголов *уважать*, *принести* формы страдательного залога: *я уважаем*. *я был уважаем*, *он принесен*, *был*, *будет принесен*, *будь уважаем*, *был бы принесен*, *быть уважаемым*, *принесенным*; они противополагаются формам: *я уважаю*, *уважал*, *принес*, *принесу*, *уважай* и т. д., которые таким образом относятся к действительному залогу; 2) к разным глаголам, выражающим как действия, так и состояния, может присоединиться в русском языке частица *-ся* (по происхождению и по первоначальному значению это возвратное местоимение 3-го лица; прибавление этой частицы вносит различия в основное значение глагола, и большая часть этих различий суть различия залоговые, ибо ими вносится изменение в значение той связи между предикатом и субъектом, которая дана в основном глаголе. В противоположность основным глаголам без *-ся*, относящимся к действительному залогу, глаголы на *-ся* можно определить, как глаголы недействительного залога; но, имея в виду, что одни из них имеют значение страдательного залога, а другие такого значения не имеют, мы эти последние обозначим общим термином — глаголы среднего залога.

Итак, различаем в русском языке следующие залоги:

1. Действительный, обозначающий действие или состояние, проистекающее от самого субъекта, производимое или осуществляемое им: *нести*, *ходить*, *глохнуть*, *богатеть*. Формально этот залог отличается от среднего отсутствием окончания *-ся* в произведенных от соответствующего глагола формах.

2. Страдательный, обозначающий действие, переходящее на субъект предиката с другого (психологического) субъекта. К страдательному залогу принадлежат причастия наст. вр. на *-м* (*-мый*) и прошедшего времени на *-н* (*-ный*) и *-т* (*-тый*). Спрягаемые формы образуются: а) спрягаемыми формами указанных причастий, причем отчасти при помощи вспомогательных глаголов могут быть выражены все те глагольные категории, которые выражаются и действительным залогом: *я любим*, *ты разорён*, *он будет убит*, *они были бы позваны*, *будь любим* (повел. накл. вообще редко в подобных образованиях); б) посредством присоединения частицы *-ся* к формам глаголов с переходным значением; наст. вр.: *эта песня распевается нами*; прош. вр.: *книги мною не продавались и не покупались*, *комната отпиралась подобранным ключом*; сослаг. накл.: *такие продукты вывозились бы на рынок, если бы...*; буд. вр.: *этот человек будет вами цениться*; прича-

стие: *предполагающаяся нами постройка, привозившиеся окрестными торговцами товары*; повел. накл. таким способом не образуется; это зависит от того, что вообще формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице ед. и мн.; для выражения 1-го и 2-го лица прибегают к первому способу образования страдательного залога. От глаголов совершенного вида может быть образовано вообще только буд. вр., но ни прош. вр. (нельзя сказать: *эти дети полюбились нами*, а в выражении «*полюбились нам*» *полюбились* не страдательный, а средний залог), ни также причастие наст. и прош. вр.: *скатерть зальется чернилами* (но не *залилась чернилами*, а только *была залита чернилами* и не *зальющаяся* или *залившаяся чернилами*).

3. Средний залог, обозначающий, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся: моется, чешется, она оделась, они бранятся, ссорились, он учится, интересуется, снег белеется, он плакался, стучался*. На значениях, вносимых в действие состояния глагола, мы остановимся ниже.

Частица *-ся* способствовала сохранению в глаголах среднего залога некоторых форм, исчезнувших в глаголах действительного залога; так, в глаголах на *-ить* деепричастие совершенного вида на *-я* исчезает, но в глаголах на *-иться* сохраняется *-ясь* (*простив его проступок*; но — *простясь с ним*).

В некоторых случаях средний залог не может быть образован одной частицей *-ся*, а только одновременною приставкою предлога. Сюда относятся глаголы, как *выспаться, наговориться, расплакаться, насидеться* и т. п., обозначающие полноту действия и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не все глаголы на *-ся* принадлежат к глаголам среднего залога, при многих из них нет соответствующих глаголов действительного залога, причем, следовательно, частица *-ся* не отделима от этих глаголов: *бояться, смеяться, побираться, толпиться, осунуться, расстаться, разъесться, належаться, напиться, дозваться*. В этих глаголах таким образом нет формы залога. Отсюда следует, что русские глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы, обозначающие залоговые различия, 2) глаголы, такого различия не обозначающие; в этом последнем классе одни имеют ту же форму, что глаголы действительного залога, но не могут соединяться с частицей *-ся*: *идти, долженствовать, телеграфировать, возненавидеть, вознегодовать*; а другие ту же форму, что глаголы среднего залога, но не могут быть отделены от частицы *-ся*: *бояться, взгромоздиться*. Эти последние глаголы можно обозначить термином отложительные.

5. Прочие значения глагольных основ.

В предыдущих отделах мы имели дело с двумя категориями значений глагольных основ: видовыми и залоговыми. Кроме этих значений, необходимо иметь в виду еще некоторые другие грамматические значения, частью совершенно независимые от рассмотренных, частью однородные с ними. Остановлюсь на некоторых из них.

1. Глаголы могут иметь или переходное значение, или непереходное. Переходными глаголами называются те, которые выражают действие, переходящее с субъекта действия на объект: *он ест грушу, она рвала цветы, они принесли письма.* Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это те, которые могут иметь за собой прямое дополнение в вин. пад. Грамматически переходные глаголы отличаются от непереходных тем, что могут образовывать причастия страдательного залога, а соединяясь с *-ся* давать формы страдательного залога: книга *читается, читана.* Глаголы переходные все принадлежат действительному залогу; между тем непереходные могут быть как стоящими вне залога, так действительного залога и среднего (*ходить, торговаться*); следовательно, глаголы на *-ся* не могут иметь переходного значения, а только непереходное.

2. Глаголы несовершенного вида обозначают вообще действие или состояние, продолжающееся в настоящем или продолжавшееся в прошедшем. Течение такого действия может быть различное. Оно может быть непрерывным, не разлагающимся на отдельные моменты: *говорю, веселюсь, завидую, плету, тону, сижу, просматриваю, съедаю* и т. п.; это значение назовем длительным. Течение действия может быть непрерывным, но при этом указывающим на отдельные неопределенные моменты: *он носит ребенка взад и вперед, он ежедневно носит нам булки, он ходит по комнате, птица летает* (т. е. имеет свойство летать, или летает в определенном пространстве, но не в определенном направлении; *он уж ходит* — означает, что он может ходить и двигаться в разных направлениях; *он ходит по комнате* — означает, что двигается по комнате в разных направлениях, быть может, временами и останавливаясь и прерывая движение; *он ездит по этой дороге*, не теперь, не сейчас, а в разное время).

Такое значение, свойственное глаголам движения (*гонять, летать, бегать, ползать, лазить, плавать, ездить, ходить, водить, косить, возить, бродить, катать, таскать*) назовем неопределенно-моторным. Ему противополагается такое значение тех же глаголов движения, которым обозначается, что оно протекает в том или ином определенном направлении и притом в определенный, данный момент; *он несет мне письмо, он вез* (т. е. в то время он вез) *всю сумму*

денег, он ехал (т. е. именно тогда) *не один* (он ездил не один, но в этот раз ехал без обычного своего проводника). Значение глаголов *лететь, плыть, ехать, бежать, гнать, брести, катить, тащить, идти, нести, вести, везти* назовем определенно-моторным. Заметим, что определенные глаголы движения соотносительны с неопределенными: определенность их значения зависит от наличности при них глаголов со значением неопределенным. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается из того, что некоторые сложенные с предлогами определенные глаголы (получающие при этом значение совершенного вида) образуют при себе соответствующие глаголы несовершенного вида от основы неопределенных глаголов: *довести — довозить, приходить — придти, улететь — улетать* (но *ехать* образует несовершенный вид от производной основы *-езжать, бежать* от производной основы *-бегáть, ползти* от *-ползáть, лезть* от *лезáть, плыть* от производной основы *-плывать*). Это обстоятельство, как мы уже видели, было причиной того, что соединение неопределенно-моторных с предлогами не изменяет их несовершенного вида в совершенный; основы неопределенно-моторные заменили ожидаемые по общему правилу основы производные. В связи с этим отметим, что соединение их с такими предлогами, с которыми не сочетаются определенно-моторные основы, влечет за собой переход их несовершенного вида в вид совершенный; напр., предлог *по* в соединении с определенно-моторными означает начало действия, выраженного несложенным глаголом: *понести — нести*; между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: *поношу ребенка — ношу ребенка*; вследствие этого *понести* и *поносить* не соотносительны между собой; *понести* — совершенный вид при *нести*, а *поносить* — совершенный вид при *носить*. Равным образом предлог *за* в *заездить, забегать, завозить, заводить, заплавать* не сохранил того реального значения, которое имеется, напр., в *заехать, забежать, завезти, завести*; вследствие этого они, будучи совершенного вида, ассоциируются с *ездить, бегать, возить, водить, плавать*, как с глаголами несовершенного вида, между тем как *заехать, забежать* вызывают при себе новообразования *заезжать, забегать*, а *завезти, завести — завозить, заводить*, в значении несовершенного вида. Отмечу еще одно формальное отличие определенно-моторных как от неопределенно-моторных, так и вообще от длительных: они для обозначения 1-го лица мн. повел. накл. могут употребляться (так же, как глаголы совершенного вида) в форме 1-го лица наст. вр. изъяв. накл.: *несём, едем, идём.* Кроме того 1-е лицо ед. числа этих глаголов может получить значение будущего времени: *иду, еду, лечу, бегу, несу.*

Глаголы, обозначающие действие или состояние, повторяющееся в настоящем или повторявшееся не раз в прошедшем, определяем в их значении как глаголы многократные: *он к нам хаживает, владыка говаривал, что..., я его не видывал, мы здесь отроду не нашивали, он видывал и не такие виды.* Все такие глаголы производятся от производных основ на *-ива, -ыва, -ва*, реже *-ja, -а*, возникающих при основах длительных или неопределенно-моторных: *петь — певать, ходить — хаживать, гостить — гащивать, стоять — стаивать, платить — плачивать, кутить — кучивать, пить — пивать, ездить — езжать, есть — едать.* В виду этого ясно, что многократные вообще представляют несложенную с предлогами основу, ибо сложенные с предлогами основы вообще имеют значение длительно-производное; впрочем, от сложенных с предлогами глаголов неопределенно-моторных может быть также произведен соответствующий многократный глагол: *заходить — захаживать, заносить — занашивать* (*он частенько занашивает к нам письма;* в выражении «*он занашивает свое платье*» глагол имеет значение длительно-производное, ибо при этом имеется в совершенном виде *он заносит свое платье*). Вообще же многократные основы, соединяясь с предлогами, получают значение длительно-комитативных: *певать — припевать*, длительно-дистрибутивных: *говаривать — разговаривать*, длительно-прерывистых: *хаживать — похаживать*, или вообще длительно-производных: *певать — напевать, распевать; кашивать — накашивать; шучивать — вышучивать.* Впрочем, здесь, как и в случаях *принести — приносить*, имеем, собственно, дело не со сложением многократных основ с предлогами, а с совпадением новых производных основ с старыми производными основами, бывшими известными вне сложений. Многократные глаголы имеют чрезвычайно ограниченное употребление; в современном языке они известны почти только в прош. вр.; исключение составляет глагол *хаживаю, захаживаю*, повел. *захаживайте*, инфинитив *захаживать*; не употребляется также причастие наст. вр. и деепричастие.

Глаголы несовершенного вида, произведенные от соответствующих глаголов совершенного вида, сложенных с предлогами, имеют значение длительное; ассоциация их с глаголами совершенного вида вносит, однако, известный оттенок в их значение (значение интенсивной длительности): *наливать, накашивать, направлять, закусывать.* Определяем эти глаголы как длительно-производные. Глаголы, означающие действие, сопровождающее другое действие, сложенные с предлогами *при* и *под*, но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-комитативные: *приплясывать, припеваючи, присвистываючи.* Глаголы, сложенные с предлогом *раз* и обозначающие действие, «сообщающееся

разным предметам и простирающееся по пространству» (Востоков), но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-дистрибутивные: *разговариваю, расхаживаю, распеваю.*

Глаголы, обозначающие действие или состояние «учащаемое или перемежающееся» (Востоков) и сложенные с предлогом *по*, определяем как глаголы длительно-прерывистые (Фортунатов: прерывисто-кратные): *посиживаю, они подумывают, он побаливает, покашливает, помашивает.*

Отмечу, что между определенно-моторными и неопределенно-моторными существует отношение, сходное с тем, которое имеется между длительными и многократными. Так, после отрицания *не* определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными; мы говорим: *я не носил, я не ходил сегодня в школу* (между тем: *я иду сегодня в школу*, а не *хожу*); равным образом после отрицания особенно часта замена длительных многократными: *я не кашивал, не видывал* вместо *я никогда не косил, никогда не видел.*

3. Глаголы совершенного вида представляют два основных значения: а) результативное: его имеют почти все глаголы совершенного вида, б) детерминативное (термин Ульянова): оно принадлежит сложениям глаголов длительных с предлогом *по*: *посидеть, понянчить*; детерминативное значение ограничивает или прекращает длительное значение, данное в простом глаголе. В результативных глаголах выделяются следующие две группы: группа результативных, имеющих при себе соответствующий глагол в несовершенном виде, как *ступить — ступаю, принести — приносить, выхвалить — выхвалять*; группа результативных (а именно сложенных с предлогами), имеющих при себе в несовершенном виде другой глагол (несложенный с предлогами). Этот вид результативных *понести — нести, закричать — кричать* представляется более первоначальным, чем второй вид; мы назовем его поэтому, вслед за Ульяновым и Фортунатовым, результативным 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления; так, начало указывается предлогами *за, по; заговорить* (т. е. начать говорить; рядом *заговорить* кого-нибудь представляет результативный 2-го вида, ср. *заговаривать*), *понести, закричать, забить* (тревогу), *полететь*; конец действия — предлогом *от: оттанцовать, отсидеть, отстоять* (но *отстоять* известно и как результативный 2-го вида, ср. *отстаивать*); полноту проявления действия вносят, напр., предлоги *на, с, про, вы, из, раз: нападать, покормить, написать, сделать, снести, съездить, слетать, сварить, сконфузить,*

прогреметь, проездить (весь день), *прослабить, прозвучать, высечь, выругать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатеть, разгромить, развеселить.* Результативные 2-го вида, как указано, отличаются от результативных 1-го вида тем, что имеют при себе соответствующий глагол несовершенного вида, тождественный с ними по значению: *ступить — ступаю, залить — заливаю*; предлоги в сложенных глаголах этого вида вносят в значение глагола особый реальный оттенок, и потому, не ассоциируясь с простым, беспредложным глаголом, образуют при себе соответствующий глагол в несовершенном виде: *просить — выпросить — выпрашивать; лить — вылить — выливать; лить — полить* (цветы) — *поливать* (цветы).

К результативным значениям относится и то значение, которое определяется, как однократное или моментальное: оно указывает на то, что результат совершился или совершится в один из моментов того действия, которое выражается соответствующим длительным глаголом несовершенного вида. Сюда относятся глаголы *бросить, хватить* (ср. *бросать, хватать*), а также большая часть глаголов на *-нуть*, напр., *крикнуть, дрогнуть, ахнуть.* Это все несложенные с предлогами глаголы. В сложении с предлогом они удерживают свое однократное значение: *вздрогнуть, вскрикнуть.*

Относительно детерминативных надо заметить, что они образуются в результате соединения *по* с глаголами длительного значения. В соединении *по* с определенно-моторными не получается детерминативных: *понести* значит начать нести. Детерминативные в противоположность результативным не вносят в повел. накл. с отрицанием предостерегательного значения: *смотри не донеси, смотри не повенчай,* но нельзя сказать: *смотри не поиграй, не полечи, не помолись.*

4. Различение реальных значений глагола, связанных с его переходностью и непереходностью, не находит себе формального выражения ни в словообразовании, ни в грамматических формах. Впрочем, как указано выше, переходные глаголы, требующие за собой вин. пад. объекта, не могут оканчиваться на *-ся* и в противоположность другим глаголам образуют формы причастий страдательного залога. Замечу еще, что переходные глаголы не имеются в том классе глаголов, которые оканчиваются в основе инфинитива на *-е(-ѣ)*, а в основе наст. вр. на *-еjе*; равным образом нет переходных глаголов и в том классе глаголов, которые в основе инфинитива оканчиваются на *-ну*, а прош. вр. образуют от основы на согласную, предшествующую этому *-ну*. Оба эти класса содержат глаголы, обозначающие подвижное состояние предмета: *богатеть, толстеть, краснеть, желтеть* и т. д., т. е. становиться богатым, толстым, красным; сюда же такие глаголы, как

дорожать, крепчать, мельчать, где *а* вместо *ѣ* после смягченной согласной; *глохнуть* (*глох*), *пухнуть* (*пух*), *гаснуть* (*гас*), *чахнуть* (*чах*), *стынул* (*стыл*). Такие глаголы мы будем называть глаголами подвижного состояния.

5. Средним залогом, как указано выше, обозначаем ту форму глаголов, которая содержит частицу *-ся*, видоизменившую значение соответствующего простого глагола, образованного без этой частицы; простому глаголу присвоивается таким образом особое залоговое значение действительное. Глаголы среднего залога распадаются на несколько классов по своему формальному значению, причем классы эти частью отражают различия, замечаемые в глаголах действительного залога. Основное различие между глаголами среднего залога зависит от того, произведены ли они от переходных или от непереходных глаголов. Присоединяясь к глаголу переходному, частица *-ся* видоизменяет основное свойство такого глагола, способность переносить его действие на объект; но результаты такого видоизменения могут быть весьма разнообразны; вместе с тем они сводятся к тому, что переходное значение заменяется непереходным, или, пользуясь употребительным в данном случае термином, возвратным. Присоединяясь к глаголам непереходным, частица *-ся* усиливает значение этого глагола: мы определим его термином усилительно-определительное значение.

Возвратное значение глаголов среднего залога распадается на следующие оттенки: а) возвратно-непереходное значение, когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект: *собака **кусается*** (ср. *собака **кусает** прохожих*), *крапива **жжется*** (ср. *крапива жжет мне руки*), *бык **бодается**, народ **строится**, ты понапрасну **тратишься**, она целый день **убирается**, он **просится** в город, он **бранится**, он **обещается** придти*; б) возвратно-переходное значение, когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (напр. внешность), или его всего, выдвигая его, выставляя его определенным образом: *он моется, я чешусь, ты купаешься, она одевается, завивается, румянится, — он защищается, бросается, кидается, крадется, лошадь плетется, упирается, он носится с мыслью, превозносится, он собирается, готовится, направляется, берется, забывается, занимается, присоединяется, твое отсутствие кидается в глаза.* Глаголы возвратно-переходного значения в ряде случаев совпадают по форме с глаголами страдательного залога: ср. *он моется* и *шерсть моется, он готовится* и *урок готовится, я направляюсь* и *выстрел направляется*; но в форме прош. вр. совершенного вида совпадения нет; ср. возвратно-переходные: *она оделась, вымылась, бросилась*; страдательные: *она была одета, была вымыта, была брошена*; в) возвратно-взаимное, когда действие

двух или нескольких субъектов переходит взаимно с одного на другой или когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга: *они познакомились, он встретился с ним, он виделся с ними, они бранились, ссорились, торговались.* Формально глаголы с этим значением отличаются от глаголов возвратно-переходных тем, что по форме не совпадают с страдательным залогом на *-ся*; г) возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта: *радоваться, печалиться, горячиться, веселиться, влюбиться, сердиться, учиться, заботиться, беситься, томиться, хвалиться, обидеться, баловаться, интересоваться, любоваться, решаться, томиться.* Формально и эти глаголы отличаются от возвратно-переходных тем, что не совпадают по форме со страдательным залогом на *-ся.*

Усилительно-определительное значение глаголов среднего залога развивает из себя следующие два оттенка: а) усилительное, когда действие субъекта совершается в его интересах: *плакаться, хвастаться, стучаться, звониться*; б) определительное, когда состояние субъекта ограничивается одним определенным моментом или определенными условиями: *снег белеется, что-то чернеется, вишня краснеется на дереве* (ср. *белеет парус:* продолжительное время, уже давно; *вишня краснеет* — в значении становится красною); сюда же *загораться, загореться.* Как указано выше, глаголы с этим значением производятся от глаголов непереходных, и в этом их отличие от глаголов возвратных, которые все произведены от глаголов переходных.

6. Отложительными глаголами, как указано, называем все те глаголы на *-ся*, которые не имеют при себе простых глаголов и в которых, следовательно, частица *-ся* не вносит значения залога. По значению своему отложительные глаголы близко совпадают с глаголами среднего залога, причем и здесь наблюдаются те самые оттенки, которые мы только что рассмотрели. Так, отложительные *мчаться, побираться, толпиться, осунуться, взгромоздиться* имеют значение, совпадающее со значением возвратно-переходным; *бояться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надеяться* ср. со значением возвратно-общим; *бороться, расходиться, расстаться* ср. со значением возвратно-взаимным. Сходство значений отложительных глаголов и глаголов среднего залога зависело во многих случаях от перехода глаголов среднего залога в отложительные благодаря утрате соответствующего глагола действительного залога. — Особенный класс отложительных глаголов составляют те сложенные с предлогами глаголы, которые имеют при себе простые беспредложные глаголы не на *-ся.* Глаголы эти можно было бы отнести к глаголам среднего залога только в том случае, если бы при них являлись простые сложенные с предлогами. Значение их по сравнению с наличными простыми глаголами

усилительно-определительное, причем, следовательно, такое значение вносится, во-первых, частицей *-ся*, во-вторых, предлогом; так при *пить, кричать, звать, ждать, будить* и т. д. находим *напиться, накричаться, докричаться, дозваться, дождаться, добудиться*; при *плакать, говорить, спать* и др.: *расплакаться, разговориться, разоспаться*; при *есть, сидеть, лежать: насидеться, разъесться, належаться*. При *плыть* находим *расплыться* и далее несовершенный вид *расплываться*, при *бежать — разбежаться* и далее несовершенный вид *разбегаться*. Оставляя в стороне последние глаголы, видим, что в приведенных выше (как *добудиться* и т. д.) одновременно внесены две категории: категория вида (совершенного) и залога (среднего).

7. Частица *-ся*, присоединяясь к глаголам переходным, делает их, как мы видели, или безобъектными (непереходными), или превращает в объект самый субъект действия. Замечательно, что та же частица, присоединяясь к форме 3-го лица ед. числа глаголов действительного залога, превращает их в глаголы бессубъектные, безличные. Можно при этом различать следующие два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение; в этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога, причем безличною формой становится 3-е лицо ед. числа страдательного залога за опущением грамматического субъекта: *думается, предполагается*, здесь *упоминалось;* возможно, однако, что безличность вызывалась просто самой частицей *-ся*: *вется сытно, торгуется хорошо, как здесь говорится, ему не терпится, ему неймется, не работается*. В другом случае частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге непереходное значение; здесь исключена возможность какого-либо иного объяснения кроме того, что бессубъектность внесена частицей *-ся: ему сладко спится, не сидится, икается, хочется, хорошо живется, ей не можется, ему не приходится, не пришлось, ему достанется*. Замечательно, что исконно бессубъектные глаголы являются в действ. залоге (*морозит, гремит, меня тошнит);* но новые бессубъектные, при которых известны исконно личные глаголы, образуются посредством *-ся*. Таким образом, в языке выработалась категория личности и безличности: личный глагол может быть превращен формальным способом в безличный. Все эти бессубъектные глаголы относятся к среднему залогу.

6. Неспрягаемые глагольные формы.

Сюда относятся: инфинитив, причастия и деепричастия.

1. Инфинитив по своему происхождению представляется именною глагольною формой. В русском языке инфинитив заменил и до-

стигательное наклонение, оканчивавшееся в общеславянском праязыке на *-тъ* и употреблявшееся в древнерусском языке. Окончаниями инфинитива являются *-ти* и *-т'*; *-т'* заменило более древнее *-ти* с *и* полукратким в неударяемом положении. Вследствие этого в современном языке *-ти* является только тогда, когда ударение падает на *и*: *нести́, пасти́, трясти́, сойти́*, но *дать, взять, играть, ходить*. Рядом с окончанием *-ти* иногда от тех же глаголов употребляется и *-т'*: ср. *отнести* и *отнест'*, *понести* и *понест'*. Впрочем, последние формы мало употребительны в литер. языке. В *вынести, вымести, выйти, вытрясти, вывести* сохраняется конечное *и* неударяемое под влиянием несложных: *нести, мести* и т. д. В основах на согласную вместо *-ти*, *-т'* является *-ч'*, когда основа оканчивается на задненебную согласную: *сечь, мочь, стричь, течь, лечь, жечь*. Основа *греб-* оканчивается в инфинитиве на *-сти: грести*. Зубные *д, т* переходят перед *-ти*, *-т'* в *с*: *вести, мести, красть*.

Инфинитив весьма редко встречается от глаголов многократных; *хаживать, захаживать* представляются исключениями. — Как указано, инфинитив может при особенно сильном на нем ударении получать значение повел. накл., но далеко не от всех глаголов, ср. *молчать, сидеть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвечать*. — Широкое употребление имеет инфинитив в сложной форме буд. вр., причем, однако, как мы знаем, в этой форме известен инфинитив только от глаголов несовершенного вида: *я буду лежать, говорить, разговаривать, захаживать, хаживать*.

2. **Причастия настоящего времени нестрадательного залога** принадлежат все к неспрягаемым глагольным формам; но они изменяются по родам и по падежам (склоняются). По происхождению своему, как видно из звукового состава их суффикса, все эти причастия не русские, они заимствованы в русский язык из церковнославянского. Суффиксом является звук *щ* (*-ащ-* и *-ущ-*). Причастия употребляются только в формах сложного, местоименного склонения. Глаголы среднего залога, а также отложительные глаголы, образуют также это причастие. Примеры: *несущий, горящий, пылающий, отказывающийся, веселящийся, едущий, борющийся, носящий* и т. д. Замечательно, что *-ся* никогда не заменяется в причастии через *-с* (в неударяемом положении). Не образуют причастия на *-ущ-*, *-ащ-* глаголы совершенного вида; *последующий* явилось под влиянием *следующий*. Не образуют его также многократные глаголы, за исключением *хаживающий, захаживающий*. Склонение причастий наст. вр. рассмотрено выше в отделе, посвященном сложному склонению. — Как увидим, именные формы причастий наст. вр. получили значение деепричастия.

От причастий на *-ущ-*, *-ащ-*, церковнославянских по своему происхождению, должны быть отделены прилагательные на *-уч-*, *-ач-*; по происхождению своему это русские причастные образования: *живучий, могучий, тягучий, висячий, горячий, сидячий, лежачий, стоячий*, ср. еще прилагательные на *-уч-* от глагольных основ, которые по правилу должны были бы образовать прилагательные на *-ач-* или *-аюч-*: *вонючий, линючий, горючий, трескучий, плакучий*. Такие прилагательные известны и в краткой форме: *горяч, живуча*.

Причастия прошедшего времени нестрадательного залога образуются от основы инфинитива; к окончанию его на согласную присоединяется *-ш-*, а к окончанию на гласную *-вш-*. Так, с одной стороны: *несший, ведший, увезший, несшийся, нашедший* (основу *шед-*, неизвестную теперь в инфинитиве, ср. в прош. вр.: *шел, шла*); с другой стороны: *бывший, говорившееся, тонувший, говоривший, давший, проклявший, резавший*. Некоторые основы на зубную согласную (по правилу выпавшую перед *л* в прош. вр.) образуют причастие прош. вр. не на *-ш-*, а на *-вш-*, напр. *севший, съевший, укравший, павший* (*падший* употребляется уже как прилагательное), *кравший*. В виду очевидного церковнославянского происхождения причастий наст. вр. на *-ущ-*, *-ащ-*, можно думать, что такого же происхождения и причастие прош. вр. Это причастие не образуется вообще от глаголов многократных, за исключением *хаживавший, захаживавший*. Краткие (именные) формы этих причастий употребляются, как увидим, в значении деепричастия.

Причастия настоящего времени страдательного залога образуются от основы наст. вр. посредством суффикса *-м-*: *ведомый, несомый, творимый, уважаемый, направляемый, видимый*. Повидимому, все такие причастия церковнославянского происхождения; этим объясняется их редкость. Чаще всего они образуются от основ на *-а*. Ср. ряд прилагательных на *-мый*, образованных от глагольных основ, по происхождению своему причастий: *зависимый, непроходимый, недостижимый, неуловимый, неукротимый* (и т. п. сложные с *не-*), *терпимый, любимый*. Краткие формы таких причастий (а также прилагательных) спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и вспомогательными глаголами: *он направляем, он был видим всеми* и т. д. В соединении с *быть* в старом языке употреблялась форма дат. пад. с именным окончанием *-у* (для выражения инфинитива страд. залога): *быть любиму, уважаему*. Теперь такая форма окончательно вытеснена и из литературного языка. — Понятно, что причастие на *-мый* (*-м*) образуется только от основ несовершенного вида, так как основы совершенного вида утратили значение наст. времени.

Причастия прошедшего времени страдательного залога по общему правилу образуются от основы инфинитива; суффиксами являются *-н-* и *-т-*; суффикс *-н-* присоединяется к основе инфинитива при помощи соединительной гласной *е*, когда основа оканчивается на согласную или на *-i* (*-i̯*). Суффикс *-н-* употребляется для образования причастий, во-первых, от основ на согласную: *погребен, занесен, запряжен, острижен, прочтен;* во-вторых, от основ производных на *-i* (*-i̯*): *прославлен, учен, говорен, удалён;* в-третьих, от основ на *-а: дан, продан, узнан, воспитан, отрезан, выстрадан, убран, замаран, вымазан*; в-четвертых, от основ на *-е (-ѣ) виден, удержан.* Суффикс *-т-* употребляется для образования причастий от основ на гласную *-у (-ну), -о*, а также односложных на *-и, -у, -ы, -е (-ѣ)*, и еще *-а* (восходящее к малому юсу): *пролит, обут, прикрыт, отпет, одет, проклят, снят, взят, приколот, смолот, тронут, кинут, двинут, сунут*; наконец, от основы на *-ер: припертый, простёртый.* Повидимому, и эти причастия церковнославянского происхождения (в их полной, склоняемой форме); это видно, во-первых, из общих соображений о том, что русский язык утратил склоняемые причастия (ср. выше), во-вторых, из того, что причастия на *-н* образуют полную форму свою по церковнославянскому образцу (позднейшего времени) с удвоением *н: отрезанный, убранный, данный* и т. д., в-третьих, из того, что формы на *-ный*, с одним *н*, имеют в русском языке значение прилагательных: *варёный, печёный, солёный, моченый, плетеный, калёный.* Таким образом, выясняется, что все причастные формы на *-ный* должны писаться с двумя *н* (*читанные им книги, подмоченная репутация*), а прилагательные на *-ный* с одним *н* (*раненые* как прилагательное, с одним *н*, а *раненные злодеем прохожие* — с двумя).

Причастия прош. времени страд. залога образуются преимущественно от основ совершенного вида, но известны также и от основ вида несовершенного: *битый* (также в значении прилагательного), *краденный* (и *краденый* прилагательное), *читанный, невиданное зрелище, неслыханное злодеяние.* Производные основы несовершенного вида, являющиеся при основах вида совершенного, не могут образовать такого причастия: не **бросанный*, а только *брошенный* (однако от совершенного вида: *разбросанный*), не **покупанный*, а только *купленный*, не **нахоженный*, а только *найденный*, не **отвечанный*, а только *отвеченный*, и т. д. По той же причине не **бранный*, а *взятый*, не **кладенный*, а только *положенный.* — Глаголы многократные могут образовать это причастие в соединении с отрицанием: не *слыхивано*, не *видывано* (только в краткой форме). — Как мы знаем, краткие (именные) формы причастия на *-н-*, *-т-* спрягаются, соединяясь с лич-

ными местоимениями и с вспомогательным глаголом: *я одет, мы тронуты, они ранены, она брошена* и т. д. Форма дат. пад. на *-у* от такой краткой формы, употреблявшаяся в соединении с инфинитивом *быть*, теперь исчезла из литер. языка: *быть брошену, одету, помилованy*—формы устаревшие.

Итак, общим для причастий явлением в русском языке был переход их в прилагательные в полной (сложной) форме; в виду этого книжный язык сохранил с значением причастий соответствующие церковнославянские образования.

3. Деепричастие несовершенного вида по происхождению своему представляет краткие формы причастия настоящего времени, потерявшие свою связь как с родом, так и с числом и падежом; одно из окончаний деепричастия *-а* (после *j* и мягких согласных) представляет старое окончание им. ед. мужеского рода: *идя, ходя, делая*; другое *-учи* представляет старое окончание им. мн. мужеского рода (*-учи* при и вместо *-уче*): *идучи*. Господствующим в литер. языке окончанием является *-а*. Оно присоединяется к основе наст. вр., таким образом, деепричастие образуется только от основ несовершенного вида. Впрочем, обычно деепричастие образуется только от тех основ наст. вр., которые звуковой стороной своей не отличаются существенно от основы инфинитива: *ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, плывя, видя, нося, водя, таща, учась, играя, страдая*. Но основы наст. вр. на *-je-*, имеющие при себе основу инфинитива на *-а*, деепричастие не образуют; таковы глаголы *пишу, режу. мажу, вяжу, лижу, пашу* и т. д.; равным образом не образуют деепричастий глаголы *беру, тру, мру, жну, кляну, мну, кую, плюю*, так как в инфинитиве являются основы, отличные от основы наст. вр.: *брать, тереть, мереть, жать, клять, мять, ковать, плевать*. Впрочем неодносложные основы на *-уje-* при инфинитиве на *-ова-* образуют деепричастие: *торгуя, волнуясь, горюя, милуя*. Основы на задненебную согласную не образуют вообще деепричастия; таковы, напр., глаголы *стригу, могу, секу, влеку*. Глагол *могу* образует причастие несовершенного вида (?) *могши* (но *могши* имеет значение прош. вр.).

Деепричастия на *-учи* представляются с точки зрения современного литер. языка устаревшими; держится форма *идучи*, реже—форма *живучи*; *припеваючи, играючи, крадучись* употребляются только в определенных выражениях.

Деепричастия несовершенного вида образуются только от основ несовершенного вида.—Утратив значение наст. вр., они сохранили однако временное значение. Это видно из того, что большая часть их может быть заменена описательными выражениями с *в то время как* с последующими формами наст. или прош. вр. Но некоторые деепри-

частия, теряя временное значение, становятся простыми наречиями; ср. отмеченные выше *играючи* (учиться), *жить припеваючи;* также *лёжа, сидя, стоя* (но те же деепричастия могут сохранять и свое временное значение), *судя* (напр., *судя по всему), не взирая, находя, полагая* и т. д.

Деепричастие совершенного вида образуется трояким способом: 1) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную, посредством окончания *-а* со смягчением предшествующей согласной, напр.: *пройдя, пронеся, прочтя, отвезя;* 2) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на гласную, посредством окончания *-в: открыв, дав, узнав, поговорив, улетев, поспев, толкнув, двинув;* 3) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную посредством окончания *-ши: промокши, нанесши;* от основы на гласную посредством *-вши: давши, купивши.* От этого основного правила видим следующие отступления: 1) некоторые основы на согласную *д* (опускаемую перед окончанием прош. вр. *-л*) образуют деепричастие на *-в* и *-вши* с опущением этой согласной: *украв, упав, упавши;* 2) глаголы на *-иться* могут иметь окончание *-ась: устремясь, простясь, перекрестясь*; 3) глаголы на *-уться, -оться, -аться, -еться* (*-ѣться*), *-иться* оканчиваются обыкновенно на *-увшись, -овшись, -авшись, -евшись* (*-ѣвшись*), *-ившись: уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, заперевшись, видевшись, устремившись, простившись;* 4) основы инфинитива на заднеёбную не образуют деепричастия на *-а*, а только на *-ши: высекши, остригши, не смогши;* 5) основы на *-ну*, означающие подвижное состояние, рядом с окончанием *-нув* могут образовать деепричастие на согласную *-ши: оглохнув* и *оглохши, поникнув* и *поникши, вымокнув* и *вымокши, высохнув* и *высохши*; 6) глаголы с основой на согласную перед окончанием *-ся* образуют деепричастие на *-ась*, если деепричастие простого глагола оканчивается на *-а: пронесясь, пройдясь*, и на *-шись*, если простой глагол оканчивает его на *-ши: остригшись, отрекшись.*

Кроме того, замечу, что в языке старинном при *-в* было известно *-вши*, но в настоящее время это окончание, восходящее к форме им. мн. причастия прош. вр. (*видевши* вместо видѣвше), вообще вытесняется. Сохранение *-вшись* при *-в* ср. с сохранением *-ась* при *-ив*, о чем выше.

Некоторые деепричастия совершенного вида в наречных выражениях, где они потеряли значение временное, сохраняют старое окончание *-а* от основ на *-и;* напр. ***спустя*** рукава, ***сломя*** голову, ***сложа** руки,* ***положа** руку на сердце,* ***отступя** на шаг,* ***свеся** ноги,* ***заломя** шапку;* также от основ на *-ну: **разиня** рот,* ***высуня** язык.* Сюда же деепричастие ***походя*** (*учиться, делать что-нибудь* ***походя***).

7. Обзор глагольных основ.

Различные формы одного и того же глагола могут быть образованы или от одной основы, или от двух разных основ: от одной основы, основы наст. вр., образуются наст. вр. или буд. совершенное (с повел. накл., причастием наст. вр. нестрад. залога, причастием наст. страд. залога и деепричастием несовершенного вида), от другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитив (с прошедшим временем, причастием прошедшего времени на *-вший*, причастием страд. прош. на *-н, -т*, деепричастием на *-в, -вши*). Распределение глаголов по основам представляет известные трудности в виду несоответствия, замечаемого в спряжении многих из них между основами наст. вр. и инфинитива. Считаю наиболее удобным распределять в русском языке глаголы по основам наст. вр., так как это время представляет вследствие изменения по лицам и числам наибольшее количество разнообразных форм; кроме того, практически удобно различать три главных вида основы наст. вр., из которых первый оканчивается на *е — о* (*ведёт, плачет*), второй на *-и* (*точит, сидит*), третий на согласную (*дад-ут, ед-ят*). Основа наст. вр. на *-е* может образовать следующие разновидности: 1) основа на *е — о* с предшествующею окончанию основы исконно твердою согласною, ставшею впоследствии мягкою и частью позже отвердевшею, напр: *веду — ведёт, плюну — плюнет, могу — может*; 2) основа на *е — о* с предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердевшею: *мелю — мелет, колю — колет, плачу — плачет, пашу — пашет;* 3) основа на *е — о* с предшествующим *j* (*i̯*): *вьёт, кроет, плюёт, знает, сеет, богатеет, читает, празднует*. Сообразно с этим и комбинируя еще различия в соответствующих основах инфинитива, делю наши глаголы на следующие классы и образцы.

Первый класс. Основа настоящего времени на *е — о*.

Разряд А: окончанию основы предшествует исконно твердая согласная.

1-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на согласную: *веду — ведёш*, инфинитив *вести* (из **вед-ти*).

2-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную *а* из носового *е*, восходящего к *ен, ем: жну — жнёш*, инфинитив *жать* (из **жен-ти*).

3-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *в*, основа инфинитива на гласную *ы, и: живу — живёш*, инфинитив *жить, плыву — плывёш*, инф. *плыть*.

4-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на *-ну*: *двину — двинеш*, инфинитив *двинуть*.

5-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на гласную *а*, *е* (*ѣ*): *надену — наденет*, инфинитив *надеть*, *стану — станет*, инф. *стать*.

6-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на гласную *а*: *беру — берёш*, инфинитив *брать*, *лгу — лжеш*, инф. *лгать*.

Разряд Б: окончанию основы предшествует исконно мягкая согласная.

7-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною, основа инфинитива на *оро*, *оло*: *борюсь — борешься*, инфинитив *бороться*, *мелю — мелеш*, инфинитив *молоть*.

8-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкою согласною (теперь частью отвердевшею), основа инфинитива на *а* с предшествующею исконно твердою согласною: *плачу — плачет*, инфинитив *плакать*, *пашу — пашеш*, инф. *пахать*, *стелю — стелеш*, инфинитив *стлать*, *режу — режет*, инф. *резать*.

Разряд В: окончанию основы предшествует *i̯* (*j*).

9-й образец, основа наст. вр. односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: *крою — кроет*, инфинитив *крыть*, *мою — моеш*, инфинитив *мыть*, *лью — льёш*, инф. *лить*, *пою — поеш*, инф. *петь*, *знаю — знаеш*, инф. *знать*.

10-й образец, основа наст. вр. на *-аје* или *-аваје*, основа инфинитива на *-ава*: *даю — даёш*, инфинитив *давать*, *сознаю — сознаёш*, инфинитив *сознавать*.

11-й образец, основа наст. вр. двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на *ја*: *чаю — чаеш*, инфинитив *чаять*, *сею — сееш*, инфинитив *сеять*, *лаю — лаеш*, инф. *лаять*.

12-й образец, основа наст. вр. на *-еје*, осн. инфинитив на *е*: *богатею — богатеет*, инфинитив *богатеть*, *спею — спеет*, инф. *спеть*.

13-й образец, основа наст. вр. на *-аје*, основа инфинитива на *а*: *читаю — читает*, инфинитив *читать*, *стращаю — стращает*, инф. *стращать*.

14-й образец, основа наст. вр. на *-ује* многосложна, основа инфинитива на *-ова*, *-ева*; *зимую — зимует*, инфинитив *зимовать*, *горюю — горюет*, инфинитив *горевать*.

15-й образец, основа наст. вр. двусложна и оканчивается на *-ује*, основа инфинитива на *-ова*: *плюю — плюёт*, инфинитив *плевать*, *жую — жуёт*, инфинитив *жевать*.

Второй класс. Основа наст. вр. на *-и* (*j*).

16-й образец, основа инфинитива на *-е*, а после *j, ж, ч, ш, щ* на *-а*: *горю — горишь*, инфинитив *гореть*, *стучу — стучит*, инф. *стучать*, *боюсь — боишься*, инф. *бояться*.

17-й образец, основа инфинитива на *-и*: *хожу — ходишь*, инфинитив *ходить*.

Третий класс. Основа наст. вр. оканчивается на согласную.

18-й образец, основы *дад-, ед-*; глагол *есмь*.

Четвертый класс. Основы неправильные и недостаточные.

19-й образец, глаголы *идти, ехать, обретать, реветь, ошибить, ошибиться*.

20-й образец, глаголы *гнать, спать*.

21-й образец, глаголы *хотеть, бежать, чтить*.

Перехожу к обзору спряжения глагольных основ, располагая их по указанным образцам. В русском языке различаются три спряжения, соответствующие трем отмеченным классам глаголов: в первом спряжении соединительными гласными между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончаниями основы) являются *е* и *о*; *е* во 2-м и 3-м лице ед. числа, 1-м и 2-м лице мн., *о* в 1-м лице ед. и 3-м лице мн., причем *о* перед первоначальными окончаниями *-он* и *-нть* изменилось в носовое *о*, откуда *у*. Во втором спряжении соединительною гласною между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончанием основы) является *и*, причем, однако, в 1-м лице ед. числа *и* перед первоначальным окончанием *-он* исчезло совсем, а в 3-м лице мн. окончанием является теперь *-ат* из более древнего *-ęть*. В третьем спряжении личные окончания приставлены непосредственно к основам на согласную (поскольку, однако, первоначальные формы не заменены новообразованиями). Сообразно с этим распределяем наши образцы по трем спряжениям, а после обзора их даем обзор неправильных глаголов.

8. Первое спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ет — ут*.

1-й образец. Перед *-ет — -ут* является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Пример: *несёт — несут*, инфинитив *нес-ти*.

Основа наст. вр. Согласные задненёбные перед *е* переходят в шипящие: *стережош, жжош, бережот, можем, напряжош, увлечош, течот, сечом, печоте, печотесь, ляжете, толчоте* и т. д. Вместо *жжош* употребительно и *жгёш*. — В повел. накл. окончания *-и, -ите* только под ударением, а в неударяемом положении находим мягкую согласную во 2-м ед., мягкую согласную с последующим *-те* во 2-м мн.: *неси, пеки*,

секи, толките, жгите, но *сядь, сядьте, лезь;* от *лягу — ляг, лягте* с твердыми *г;* но неударяемое *и* сохраняется в *вынеси, выпеки, выжги*. Повелительное от *могу* не употребительно; не *моги*, не *могите* — только в просторечии. — Деепричастие несовершенного вида на *-а* со смягчением предшествующей согласной: *неся, ведя, ростя, грызя, гребя;* окончание *-учи* только в *крадучись;* после согласных задненебных окончание *-а* в деепричастии неизвестно; неупотребительно также деепричастие от *мру, пру, тру*, что зависит от особого вида основы инфинитива при этих глаголах. — Причастие наст. нестрадательное на *-ущий: несущий, пекущийся* и т. д.

Ударение во всех формах, образованных от основы наст. вр., падает на окончание основы, следовательно, в наст. вр. на *е* (которое переходит при этом в *о*) и *у*, в повелительном на *и*, в деепричастии на *а*, в причастии наст. вр. на *у*: *несёт, несу́, неси́, неси́те, неся́, несу́щий*. Только в *лезу, сяду, лягу* ударение сохраняется всегда на корне. При *краду, кради́* и т. д. является в деепричастии с другим ударением: *кра́дучись. Могу́, могу́щий*, но — *мо́жеш, мо́гут* и т. д. Но приставка *вы-* перетягивает ударение на себя: *вынесу*.

От основы инфинитива образованы формы инфинитива: с окончанием *-ти́*, напр. *нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти* (собств. *рости́*), *брести, блюсти, трясти, приобрести, спасти, ползти* (рядом менее употребительны в сложных *привесть*); с окончанием *-т'*: *грызть, лезть, сесть, красть, счесть, пасть, прясть;* с окончанием *-ч'* (восходящим к *кт, гт*): *мочь, стричь, беречь, волочь, толочь, лечь, отречься, сечь, запрячь* (произносится *запреч'*); основы на *-ер, -ол* изменяют *-ер, -ол* в форме инфинитива в *-ере, -оло: мереть, отпереть, простереть, толоч*. Основы на губную оканчиваются в инфинитиве на *-сти: гребу — грести* (из *гребс-ти*), *скребу — скрести* (из *скребс-ти*); *с* представляется вставкой.

Далее от основы инфинитива произведены: прошедшее время на *-л;* зубные *т, д* выпадают перед *-л: клал, вёл, упала, плели, росла;* в форме мужеского рода *-л* сохраняется только после гласных: *прочёл, крал, набрел, вымел:* после согласных *-л* отпадает: *жок* (из *жегл*), *грёп, грыз, сек, берёк, мок, умер, припер, простёр, рос* (из *ростл*) и т. д. Основа *толк-* (инфинитив *толоч* можно объяснить из *толчи*, как результат так называемого второго полногласия) образует в мужеском роде *толок* (а рядом: *толкла, толкли*). От той же основы произведены: причастие страдательное на *-ен: плетён, выметен, острижен, украден, натолчён, приобретён;* от основ на *-р* производится то же причастие с суффиксом *-т: приперт, простёрт, натёрт*. Далее от основы инфинитива произведено причастие прош. вр. нестрадательное на *-вший* после гласных и *-ший* после согласных: *украв-*

ший, севший, напавший, стершийся, могшие, умершие, лёгшие, росшие. Затем деепричастие совершенного вида, которое после гласных по общему правилу оканчивается на *-в* (следовательно, в основах на выпавшие *д, т,* а также в основах на *-ере*): *украв, напав, присев, умерев, простерев, приперев,* реже на *-вши: укравши,* но правильно на *-вшись: усевшись, оперевшись, заперевшись* (рядом *запершись,* форма более простонародная); после согласных находим вообще окончание *-ши, -шись: остригшись, обжегшись, проползши, стёрши, оперши́сь, подперши́сь, помогши, отвлёкши, отрёкшись, вылезши, напрягши.* Реже окончание *-а* в деепричастии совершенного вида; оно также производится от основы инфинитива: *приобретя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя.*

Ударение основы инфинитива. Одни глаголы имеют ударение всегда на коренной гласной основы: *сесть, грызть, пасть, стричь, прясть, красть, класть, тереть, простереть, сечь;* поэтому *сели, грызла, остри́жен; клала, крала, укра́ден, пряла, пала, натёрла, простёрла, секла.* Другие глаголы имеют ударение вообще всегда на окончаниях: *брели́, росла́, плетён, метено́, могло, берегли́сь, приволокли́.* В инфинитиве от глаголов с основой на задненёбную согласную является окончание *-ч'*, а не *-чи́*: *влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь.* В деепричастии ударение не переходит на окончание *-ши*: *отползши, привлёкши.* Глаголы *переть, мереть* точно также в форме инфинитива не переносят ударение на окончание (*-т'*, не *-ти́*); в прош. вр. и в причастии страдательном глаголов *мереть, переть* ударение переносится на окончание в женском роде: *заперла́, умерла́, заперта́, приперта́;* в мужеском, среднем роде ед. и во мн. числе ударение остается на корне: *мёрли,* а в сложенных с предлогами оно переносится на предлог: *за́пер, о́тперли, за́мерли, у́мерли, за́перт, о́тперт, ро́сперт.* Глаголы на *-ся* следуют ударению простых: *секлись, грызся, натёрлась, оселась;* в прош. вр. в мужеском роде ударение переносится на *-ся* после предшествующих *л, р: завелся́, блюлся, обрелся́, приплелся, заперся, оперся́* (но конечно: *натёрся, простёрся,* ибо в этих глаголах ударение неподвижно); ср. рядом: *берёгся, остерёгся, запрёгся, увлёкся* (редко: *отрекся́*). В противоположность глаголам без *-ся,* глаголы на *-ся* переносят ударение на *-шись* после *р* в случаях, как *заперши́сь, отперши́сь, подперши́сь* (формы преимущественно просторечные).

По значению своему большая часть относящихся сюда основ несовершенного вида; совершенного вида глаголы *сяду — сесть, лягу — лечь, паду — пасть,* а также все сложенные с предлогами: *приобресть, украсть, загрызть, спасти, припереть, увлечь, натолочь.* К определенно-моторным относятся: *везу, несу, веду, ползу, лезу, бреду.* Боль-

шая часть глаголов этого образца переходные; непереходны: *ползу, лезу, бреду, лягу, сяду, росту, могу, паду*. Глагол *пещись* — *пекусь* из церковнославянского языка.

Не во всех глаголах замечается полное звуковое соответствие между основами наст., вр. и инфинитива; так, благодаря носовому инфиксу, при *сесть, лечь* находим *сяду, лягу* (из sędǫ, lęgǫ); при основе с коренным ъ (впоследствии выпавшим) перед *р* в наст. вр. находим основу с *-ер* в инфинитиве: *умру, простру, натру, запру* при *умереть, простереть, натереть, запереть;* относительно *толку* — *толочь* выше указана возможность объяснять *толочь* как второе полногласие вместо *толчь* — *толчи* (ср. *толкла*). В *жгу* — *жечь* видим в инфинитиве основу *жег-*, а в наст. вр. *жьг-*; но при *жег-* в инфинитиве было известно и *жьг-* (*жгли*, а в *жог* из *жегл* гласная восходит к ъ); в *зачесть* — *зачту* видим в инфинитиве обычную замену ь через *е* (восходит к *зачьсть*).

2-й образец. Перед *-ет* — *-ут* являются носовые *н, м;* основа инфинитива оканчивается на *а* (из носового *е*).

Сюда относятся сложные с **иму* — **ять*, далее: *жму* — *жать, жну—жать, мну—мять, кляну—клясть, распну—распять, начну—начать*. Относительно этих глаголов заметим: в сложных с **иму* звук *и* сохраняется после *н* с предшествующей согласной: *подниму сниму, отниму;* после предлогов, содержащих гласную, *и* переходит в *й*, выпадая в положении за предлогом *при: найму, пойму, дойму, займу, приму*; после согласных находим *-му* со смягчением предшествующего звука (из *-ьму*): *возьму*; после предлога *вы-* вместо *-му* является *-ну* под влиянием глаголов на *-ну, -нуть*. В инфинитиве видим *-нять* после всех вообще предлогов, кроме *вз-*: *снять, поднять, принять, донять*, но *взять;* вместо *вынять* — *вынуть* под влиянием указанной аналогии. Форма *кляну* заменила более древнее *клену* (из кльнѫ), а вместо инфинитива *клять* под влиянием аналогии явилось *клясть*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, находим: повел. накл. *кляни, жни, жмите;* причастия наст. вр. *мнущий, жмущий, клянущий, жнущий*. Деепричастие: только *кляня*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы.

От основы инфинитива произведены формы прош. вр. *жал, клял, начал, распял, мял*. Деепричастия совершенного вида: *начав, зажав, смяв, заняв, прокляв, распяв; начавшись, смявшись, занявшись, прижавшись*. Причастия страдательные на *-т: начат, снят, зажат, распят, помят*. — Ударение основы инфинитива в одних глаголах с неподвижным ударением: *нажал, пожал, смяла, замят, примята*. В других глаголах ударение подвижное в женском роде прош. вр. и

причастии страдательного залога оно переносится на окончание: *начала, сняла, кляла, взята, начата, проклята* (исключение только: *ра́спяла, ра́спята*); в мужеском роде, среднем роде и мн. в прош. вр. и причастии страдательном ударение в несложенных с предлогами и двусложных формах на коренной гласной: *кляли, сняло, взяли*, а в сложенных с предлогами на предлогах: *прокляли, распял, подняли, начат, на́чато, на́чаты*. В сложенных с *-ся* ударение в глаголах с ударением подвижным переносится в мужеском роде на *-ся*, а в среднем роде и во мн. ч. на окончание: *взялся, взяло́сь, взяли́сь, начало́сь, сняли́сь, поднялся́*.

Относящиеся сюда глаголы, несложенные с предлогами, все несовершенного вида, а сложенные с предлогами совершенного.

3-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является согласная *в*; основа инфинитива оканчивается на гласную *ы* или *и*.

Сюда относятся *живу, плыву, слыву*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, повел. накл.: *живи, плывите*; причастие наст. вр.: *живущий, плывущий, слывущий*; деепричастие: *живя, плывя, слывя*, и также еще *жи́вучи*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы, кроме только что указанного деепричастия.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *жил, плыли, слыла́*; причастие прош. вр. *живший, слывший*; деепричастие совершенного вида: *нажив, прожив, прослыв*; причастие страдательное: *за́жито, про́жито*. — Ударение этих основ подвижное: в женском роде оно падает на окончание: *жила́, плыла́, слыла, прожита́*; в других формах прош. вр. и причастии страдательном ударение на корне, а в сложенных с предлогами на предлоге: *жили, прожили, за́плыли, про́жито*, но *прослы́л*. В глаголах на *-ся* ударение переносится в мужеском роде прош. вр. на *-ся*: *нажился́*, а в прочих формах на окончание: *нажили́сь, сплыло́сь*.

Рассмотренные глаголы несовершенного вида; *плыть* с определенно-моторным значением.

4-й образец. Перед *-ет* — *-ут* согласная *н*; основа инфинитива оканчивается на *-ну*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, а также будущего совершенного (*тону, кину, верну, уснём*), образуются формы повел. накл.: *кинь, тронь, двинь, тяни́, тони́, верни́*; *-и* неударяемое после двух согласных: *сохни, зябни, крикни*. Причастие наст. вр.: *тянущийся, сохнущие, гнущийся*. Деепричастие на *-а* совсем неизвестно.

Ударение основы настоящего времени может лежать или неподвижно, на корне: *ки́ну, сту́кну, привыкну*, на окончании: *зевнёт, ущипну́, толкнёт, качнём*; или подвижно, падая на окончания *-у* в

1-м лице ед., -*и* в повел. накл., -*ущий* в причастии, но переносясь на корень при других окончаниях: *тону*, *тянущийся*, *тони*, *тоните*, *тяните*, но *тонет*, *тянут*, *взглянет*. Подвижных по ударению основ очень немного.

От основы инфинитива производятся: прош. вр. *тянул*, *вернул*, *отпрянул*, *тронул*, *отвергнул*; причастие прош. вр. *тронувший*, *тянувшийся*, *вернувший*, *кинувший*; деепричастие: *потянув*, *кинув*, *столкнув*, *почерпнув*; деепричастие *кинувшись*; причастие страдательное *подтянут*, *перевёрнут*, *покинут*. — Ударение этой основы лежит неподвижно или на корне, или на -*ну*; только в причастии на -*т* оно переносится всегда на корень: *тянул*, *натянут*, *натянута*, *повёрнуты*. Односложные переносят при этом ударение на предлог: *подогнут*, *замкнут*, *взоткнут*.

Особая группа глаголов, отличающаяся от прочих и по своему значению, образует прош. вр. (обязательно), а также причастие прош. вр. и деепричастие совершенного вида (с колебаниями) не от основы инфинитива на -*ну*, а от основы на согласную, предшествующую в инфинитиве окончанию -*нуть*. Так, в прошедшем от *чахну* — *чахнуть* находим *чах*; также *оглох*, *озяб*, *прилип*, *высох*, *повис*, *прокис*, *протух*; от основы на зубную: *завял*. Причастие прош.: *оглохший*, *озябший*, *высохший*, *прокисший*. Деепричастие: *заглохши*, *оглохши* и *оглохнув*, *прокиснув*.

Отдельно стоят *отвергнуть*, которое образует *отверг* и *отвергнул*, *подверг* и *подвергнул*, *подвергшийся* и *подвергнувшийся*. Также *достигнуть* при *достичь*, ср. *достиг*, *достигший*.

Глагол *вынуть* — *выну*, как мы видели, восходит к более древним формам: *вынять*, *выму*.

Среди глаголов этого образца значительная часть совершенного вида: сюда относятся, во-первых, все сложенные с предлогами; во-вторых, несложенные с однократным значением, как *крикнуть*, *топнуть*, *плюнуть*, *копнуть*, *вильнуть*, *кануть* и т. д.; в-третьих: *вернуть*, *минуть*, *вынуть*. Несовершенного вида та особая группа, о которой сказано выше, имеющая особое значение глаголов подвижного состояния: *глохнуть*, *виснуть*, *дрогнуть* (рядом *дрогнуть* совершенного вида с неоднократным значением), *мёрзнуть* и т. д.; также еще глаголы: *гнуть*, *тянуть*, *тонуть*, *дрыхнуть*.

5-й образец. Перед -*ёт* — -*ут* согласная *н*; основа инфинитива оканчивается на гласные *а*, *е* (*ѣ*), *ы*.

Сюда относятся немногочисленные глаголы, как *стану* — *стать*, *дену* — *деть*, *стыну* — *стыть*, *застряну* — *застрять*.

От основы наст. вр. с неподвижным ударением на корне: *надену*, *остыну*, *надень*, *стань*; причастие наст.: *стынущий*.

От основы инфинитива с неподвижным ударением на корне: *одел, стал, остыл, застрял* (мы ожидали бы *застряп*, от *стряпать*). Деепричастие: *устав, надев, застряв*. Причастие прош.: *надевший, застрявший, остывший*.

Глаголы *стать, деть* совершенного вида; *стыть* несовершенного. Сложные — все совершенного вида.

6-й образец. Перед *-ет* — *-ут* являются исконно твердые согласные; инфинитив содержит производную основу на *а*.

Сюда относится ряд корней, содержавших исконно звуки ъ, ь: *тку — ткать, лгу — лгать, рву — рвать, вру — врать, жду — ждать, жру — жрать*. Иногда такому корню в инфинитиве соответствует корень с *о, е* в наст.: *зову — звать, беру — брать, деру — драть*. Единичны: *стону — стонать, ору — орать*.

Перед окончанием *е* в основе настоящего задненебные переходят в шипящие: *лжош, тчёш* (но и *ткёш*).

От основы наст.: *врёт, ври, ждите*. Деепричастие: *зовя*. Причастие наст.: *дерущий, берущий, зовущий* и т. д. — В основе настоящего ударение всегда на окончании. Только при *стону, стони́* является *сто́неш, сто́нет* и даже *сто́нущий*.

От основы инфинитива: прошедшее *лгал, звал*; причастие прош. страдательное на *н*: *по́зван, при́врано, при́бран*. Деепричастие соверш. *солгав, набрав, призвав, сотка́в*. — В *стонать, орать* ударение неподвижно; во всех остальных оно подвижно: в простых ударение переносится на окончание женского рода *-а*: *звала́, звана́*; в сложных с *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *звалс́я, бралс́я, брали́сь, брало́сь*; в сложенных с предлогами глаголах не на *-ся* ударение (кроме формы женского рода) переносится на предлог: *со́ткан, по́зван, при́званы, на́браны, обо́дран, по́жран, взо́рван, про́ждан*; в глаголах на *-ся* ударение остается на окончании: *назвалс́я, дождалс́я, собрали́сь, продрало́сь*; но *взорва́лся, порва́лся, залга́лись*.

В деепричастии ударение всегда на корне.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида; они совершенного вида в сложениях с предлогами.

7-й образец. Перед *-ет* — *-ут* исконно мягкая согласная; в инфинитиве основа оканчивается на *оро, оло*.

Сюда относятся: *мелю — молоть, колю — колоть, порю — пороть борюсь — бороться, полю — полоть*.

От основы настоящего: *колет, порют, боремся, борись*. Причастие наст.: *ко́лющий, ме́лющий*. Деепричастия на *-а* неупотребительны; малоупотребительно: *ме́лючи*. В основе наст. вр. ударение подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. наст. вр. и в повел. накл.: *мелю́, мели́, мели́те*, но *ме́лет, ме́лют, ме́лющий*.

От основы инфинитива образуются: прош. *колол, молол*; причастие прош. *боровшийся, коловший*; деепричастие соверш. *наколов, смолов*; причастие страдательное на *-т*: *смолот, приколот*. Ударение основы инфинитива неподвижно на корне, но в причастии страдательном вместо *оло́* находим *о́ло* в *смо́лот, ко́лот*.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида: они совершенного вида в сложениях с предлогами.

8-й образец. Перед *-ет — -ут* исконно мягкие согласные; производная основа инфинитива оканчивается на *а*.

Относящиеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная перед окончанием представляется в наст. вр. в смягченном виде: вместо *г, к, х* являются *ж, ч, ш*: *плачу — плакать, пашу — пахать*; вместо *с, з — ш, ж*: *мажу — мазать, лижу — лизать, чешу — чесать*; вместо *т* в исконнорусских словах — *ч*, а в заимствованных из церковнославянского *щ*: *мечу, топчу, шепчу, скрежещу, ропщу, клевещу, трепещу;* вместо *д* в русских словах *ж*, в церковнославянских *жд*: *гложу — глодать, стражду — страдать, созижду — созидать;* вместо *ст — щ*: *свищу — свистать;* вместо *ск — щ*: *ищу — искать;* вместо *зг — жж* (пишется *зж*): *брызжу — брызгать;* вместо *п, б, в, м — пл, бл, вл, мл*: *дремлю — дремать, колеблю — колебать, сыплю — сыпать; р, л, н* переходят в мягкие *р, л, н*: *глаголю — глаголать*.

Вместо ожидаемого *ржу — рзать* находим *ржу — ржать*; аналогично вместо *жажду — жадать* находим *жажду — жаждать*; вместо *слю — слать* является *шлю — слать*. Единично *стелю — стлать*.

От основы наст.: *плачет, плачь, чеши, чешите* (от *жажду, стражду, зижду* повелительное не употребляется); причастие наст. *плачущий, пашущий, страждущий, ищущий*. Деепричастие на *-а*: *плача, дре́мля, колебля, скрежеща, клевеща*; но вообще они мало употребительны (не говорят: *чеша, мажа, ропща, пиша́, паша́, режа* и т. п.). Вместо *сыплю — сыплеш* весьма обычно *сыплю — сыпиш*. — Ударение основы настоящего может быть неподвижно на корне: *а́лчу, поя́шу, коле́блю, глаго́лю;* в некоторых основах оно подвижно, перенося́сь на окончание в 1-м лице ед. и в повел. накл.: *клевещу́, ищу́, ропщу́, дремлю́, пишу́, паши́, топчи́те, лижи́те*.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *лиза́л, пла́кал;* причастие прош. *плакавшие;* деепричастие соверш. *запла́кав, сма́зав, задрема́в;* причастие страдательное на *-н*: *нарезан, оклеветан, обглодан*. — Ударение в одних основах лежит неподвижно на корне: *поя́сать, кли́кать, ма́зать*, в других на *-а* в окончании основы, причем, однако, в причастии страдательном оно переносится на корень: *оты́скан, обгло́дан, оклеве́тан*. Основы *стла-* и *сла-* переносят ударение на предлог: *по́слан, разо́стлан*.

При *поколебать* причастие страдательное *поколе́блен* (указывающее на **поколебить*). При *двигать* причастие наст. страдательное *дви́жемый*, но рядом *недвижим*.

Все относящиеся сюда несложенные глаголы несовершенного вида, а сложенные с предлогом совершенного.

9-й образец. Перед *-ет — -ут* является *i̯ (j)*, причем основа наст. вр. односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная в основе наст. вр. и инфинитива одна и та же по происхождению, но в основе наст. многие из этих гласных под влиянием особого своего положения подверглись изменениям. Так, гласная *е* (*ѣ*, по происхождению дифтонг oi̯) в основе *пе-(петь)* является в основе наст. вр. в виде *oi̯*: *пою́*. К более поздним изменениям относится выпадение гласной *и* в этой основе: *пью, шью, вью, лью, бью* (но в *гнию и* сохранилось в связи с наличностью перед ним двух согласных; в *почию́* сохранение обязано церковнославянскому происхождению; в *брию*, откуда *брею*, сохранение обязано той же причине, что в *гнию*). Еще позже произошло изменение *ы* в основе настоящего в *о*: *крою, мою, рою, вою, ною;* аналогично изменение *и* в *е* в *брею*. Без изменения сохранились гласные *а* (*знаю*), *у* (*дую, обу́ю*), *е* (*ѣ*) из ē (*грею; спею*).

Основа наст. вр.: *бью, бьёт, кро́ю, гнию́, пою́;* повел. всегда на *-й, -йте: пойте, грейте, ду́йте, знай;* на месте *ы*, понятно, *о*: *крой, мойте;* на месте *и — е* не только в *брей, брейте*, но также в *лей, шей, вей, бейте* и т. д. (*гнию* не образует повел. накл., при *почию* является *почий*). Причастие наст. вр.: *бьющий, гниющий, поющий*. Деепричастие только не от глаголов, выпускающих *и* в основе наст.: *поя́, ро́я, бре́я, гния́, ду́я* (но не *лья, вья, бья* и т. п.). — Ударение форм, образованных от основы наст., обычно на корне; на окончании только в *пою́* и в глаголах с коренным *-и*, как *гнию́, гнию́т, вьёт* (исключается глагол *бре́ю*, а также книжное *почию*).

Основа инфинитива образует прош. вр.: *бри́ла, крыла, пела, би́ла;* причастие прош. вр.: *бивший, почивший;* деепричастие совершенного вида: *накрыв, пролив, запев, прибив;* причастие страдательное от основы на *-а* оканчивается на *-н: знан, узна́н;* от всех прочих на *-т: пропет, накрыт, сбрит, про́лит*. Ударение основы инфинитива в одних глаголах неподвижно: *бить, шить, крыть, рыть, обуть, петь, брить;* в других оно подвижно: сюда относятся только глаголы *пить, вить, лить* — в них ударение в прош. вр. переносится на *-а* в женском роде: *пила́, вила́, лила́;* в сложенных с предлогами так же: *пролила́, свила́, запила́*, причем в других формах прош. вр. ударение переносится на предлог: *про́лил, за́пили, за́вили*. В этих глаголах на *-ся*

сложенных с предлогом, ударение вообще переносится на окончания: *развилсй, впилась, залилйсь, полилсй.* Те же глаголы имеют такое же, как в прош. вр., колебание в причастии страдательном прош. вр.: *развитá*, но *рáзвит, пролитá, прóлиты, óтпито, óблит* и т. д. В причастии страдательном от *знать* в сложенных с предлогами ударение в формах мужеского рода и мн. числа переносится на предлог: *ýзнан, прйзнаны, опóзнан.*

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида, но в сложении с предлогами они вида совершенного: *обую, почию, узнáю, пропою, зашью.*

10-й образец. Перед *-ет — -ут* в наст. вр. является *aj*, в повелительном наклонении, деепричастии и причастии наст. страд. сохраняется основа на *аваје*; инфинитив представляет двусложную основу на *ава.*

Сюда относятся: *сознаю, признаю, узнаю, настаю, достаю, даю.*

В наст. вр.: *даю, даёт, настают;* причастие наст. вр.: *дающий, достающий, сознающий;* в повел.: *прйзнавай, доставай, давай;* деепричастие: *признавая, доставая, давая;* причастие наст. страдательное: *даваемый, сознаваемый.* Ударение в основе наст. вр. на окончании; в основе повел. и деепричастия на слоге *ва.*

Основа инфинитива имеет ударение на слоге *ва* и притом неподвижное: *давал, дававший.*

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида; они представляются производными при соответствующих глаголах совершенного вида (*сознать, достать, дать*), причем в наст. вр. отступают от обычного вида производных; в виду этого *даю, сознаю* и т. д. можно признать позднейшими новообразованиями вместо *давáю, сознавáю, доставáю.* Что до сложных с *даю*, то они остаются несовершенного вида, ибо, напр., *задаю* такое же производное несовершенного вида при *задáть*, как *даю* при *дáть.* Повидимому, *давай, давая* извлечено из глаголов, сложенных с предлогами.

11-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *i̯ (j)*, причем основа настоящего двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся притом на *ја.*

Сюда относятся: *лаять, чаять; чуять; сеять, веять, блéять* (и *блеять*).

Основа наст. вр.: *лает, чаю, чуют;* повел.: *сей, вейте;* деепричастие: *сея.* Ударение основы обычно на корне, но только при *блéю* известно *блею.*

Основа инфинитива: *чуял, сеял, посеяв, чаявшие.* Ударение обычно на корне, только при *блеять* известно и *блеять.*

Сюда же относится многосложная основа *лелеять.*

Сюда же относится *вопиять;* основа наст. вр. *вопије-: вопиют* (глагол этот церковнославянский и известен только в книжной речи).

12-й образец. Перед *-ет — -ут* в настоящем является *еј*, причем основа настоящего многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Сюда относятся глаголы со значением подвижного состояния: *богатею, старею́сь, краснею* и т. п., также *болею.* Ударение основы наст. вр. и инфинитива неподвижно и обычно лежит на *е́*. Все эти глаголы несовершенного вида; совершенный вид они получают только в сложениях с предлогами: *устарею, состарею́сь; забере́менею.*

При *старею́сь, состарею́сь* употребляется с другим ударением: *старею́сь, соста́рею́сь.*

13-й образец. Перед *-ет — -ут* является окончание производной основы *aj*; основа инфинитива на *а*.

Сюда относятся две группы глаголов: а) гла́голы несложенные несовершенного вида и соответствующие сложенные совершенного вида; б) глаголы сложенные с предлогами несовершенного вида. В первой группе основа может иметь ударение на корне или на примете *а*: *слу́шаю, пры́гаю, ло́паюсь, ду́маю, ку́таю, па́даю, запры́гаю, меряю, отмеряю, воро́чаю, ку́шаю; чита́ю, игра́ю, ступа́ю, сажа́ю, стара́юсь, пострада́ю;* во второй группе ударение падает всегда на примету *а*: *отпада́ю, отмеря́ю, отвлека́ю, отсыла́ю, отставля́ю, покупа́ю, полага́ю, отреша́юсь.* В этой второй группе сравнительно небольшое число глаголов известно с тою же основой без сложения (следовательно, с основой, относящеюся к первой группе), напр., *объявляю — являю, отрешаю — решаю, наступа́ю — ступаю, отпускаю — пускаю, зарождаю — рождаю* (при всех этих глаголах несложенных несовершенного вида известны глаголы на *-ить* совершенного вида: *явить, решить, ступить, пустить, родить*); большая же часть таких глаголов не имеет при себе соответствующих глаголов несложенных.

Основа настоящего: *па́даю, па́дай, па́дающий, па́дая.* Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *па́даю, гада́ю.*

Основа инфинитива: *падать, па́дал, па́давший, выпада́л, выпада́вший, прочита́в;* причастие страдательное: *читан, взволно́ван.* Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *па́дал, гада́л, гада́ла, погада́в.* Но в причастии прош. страдательном ударение переносится с *а* (*-ан, -ана, -ано, -аны*) на предшествующий слог: *чи́тана, воспи́таны, зако́паны, отга́дан, осви́стан, зама́ран, пове́нчан, взволно́ван, отпи́хан, замо́тан, отпу́ган* и т. д. Понятно, что такое причастие образуется только в первой группе и совсем неизвестно от глаголов второй группы.

О видовых значениях глаголов этого образца сказано выше.

К этому же образцу относятся производные основы на *-ываю*, *-ывать*, *-иваю*, *-ивать*, которые являются в простых глаголах: *хаживаю*, *сиживаю* (с многократным значением) и в сложенных: *попиливаю*, *навёртываю*, *угадываю*.

14-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является окончание производной основы *уj*; основа инфинитива оканчивается на *ова*, *ева*.

Большая часть относящихся сюда глаголов представляет многосложные основы; двусложная стала такова благодаря выпадению *ь* в глаголе: *днюю* — *дневать*. Обычно перед *-у* в наст., *-ова* в инфинитиве согласная тверда, но в некоторых глаголах видим мягкую согласную, причем *-ова* переходит в *-ева*: *днюю*, *горюю* — *горевать*, *ночую* — *ночевать*.

От основы наст. вр. производятся формы: *зиму́ю*, *советует*, *пра́зднуют;* повел.: *горюй*, *советуй*, *зимуйте;* причастие наст.: *чувствующий;* деепричастие: *празднуя*, *зиму́я*. Ударение основы наст. вр. неподвижное на корне или на примете *у*: *сове́тую*, *пра́здную*, *избалу́ю*, *зиму́ю*, *образу́ю*.

От основы инфинитива: прош. *зимова́л*, *горева́ла;* причастие прош. вр. *советовавший*, *почивавший;* деепричастие соверш. *почувствовав*, *отпраздновав*. — Ударение неподвижное или на корне или на слоге *ва*: *поименова́л*, *зимова́ла* и т. д. Но в причастии страд. на *-ан* ударение со слога *ва* переносится на предшествующий: *поимено́ван*, *избало́ван*, *налино́вана*.

По общему правилу глаголы несложенные несовершенного вида, а сложенные совершенного: *зимую*, *зазимую*. Но некоторые несложенные употребляются в значении несовершенного и совершенного вида; сюда относятся, во-первых, русские глаголы: *ночу́ю*, *мину́ю*, *зиму́ю* (?), во-вторых, иностранные по происхождению своему глаголы, как *телегафи́рую*, *аранжиру́ю*, *ассигну́ю*, *абониру́юсь*, *аресту́ю*. Церковнославянские сложенные с предлогами глаголы, как *образу́ю*, употребляются и в совершенном и в несовершенном виде. Простой церковнославянский *дару́ю* совершенного вида, сложенный *обнаро́дую* также совершенного вида; *прообразу́ю* несовершенного вида.

15-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в двусложной основе является *уj;* основа инфинитива оканчивается на *ова*, *ева*.

Сюда относятся: *кую*, *сую*, *жую*, *клюю*, *плюю*. Отличием от предыдущего образца является двусложность основы настоящего и инфинитива, а также ударение на окончании основы в настоящем.

От основы настоящего: *кую́*, *куй*, *кую́щий*, *жующий*, *плюю́щийся;* деепричастие: *жуя́*, *плюя* (но *куя* не употребительно). Основа инфинитива: *клевал*, *жевал*, *плевавший*, *жо́ванный*. Ударение в основе инфинитива неподвижно на *ва*, но в причастии страдательном прош. оно переносится на предшествующий слог: *ко́ван*, *заплёван*, *разжо́вано*.

9. Второе спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ит* — *ат*.

16-й образец. В наст. вр. *-ит* — *-ат;* в инфинитиве основа оканчивается на *е* (*ѣ*), которое после исконно мягких согласных (*j, ж, ч, ш, щ*) переходит в *а*.

Таким образом, благодаря звуковому изменению *ѣ* в *а* в основе инфинитива, глаголы этого образца распадаются на две группы глаголов на *-еть* и на *-ать*; к первой относятся, напр.: *сидеть, висеть, видеть,* ко второй — *лежать, дрожать, держать, пищать, слышать* и т. д. Обе группы отличаются и в наст. вр.; в первой перед *и, а* исконно твердые согласные, во второй исконно мягкие, восходящие к смягчившимся *г, k, х. Кишеть* заменило ожидаемое *kишать.*

Основа наст. вр. В 1-м лице ед. числа согласные перед *i̯* (*j*) основы смягчились и перешли при этом: *п, б, м, в, ф* в *пл, бл, мл* (*терплю, скорблю, шумлю*), *д, т* в *ж, ч* (*гляжу, сижу, верчу, лечу*), *с* в *ш* (*вишу*). В некоторых глаголах такого смягчения нет: при *бдеть* не является *бжу*. Формы наст. вр.: *вижу, видят, дрожу, дрожит;* причастие наст.: *сидящий, лежащий, kишащий, вертящийся, терпящий;* деепричастие: *сидя,*[1] *лёжа, боясь, стоя, терпя, глядя;* причастие наст. страдательное *держимый, терпимый, слышимый.* Повел. накл. *сиди, лежи, терпи, вели, держи, дрожите*; от *видеть* повел. не употребительно; от *слышать* употребляется *слышь* в выряжении *слышь ты;* от *бояться* — *бойся,* от *стоять* — *стой.* Ударение основы наст. вр. или неподвижно: а) на корне: *ви́дя, ви́димый, слы́ша, ви́дящий,* б) на окончании: *боится, боя́сь, вися́, вися́т, вишу́, стучи́т, дрожа́т, велиш, велят, веля, kипя́т, ворчи́т, kиша́т, kиша́щий, торча́т, торчи́ш, торча́, пища́т, пища́, скрипя́, скрипи́т.* Или оно подвижно, причем в одних глаголах подвижность ударения замечается в наст. вр., а именно в 1-м лице ударение падает на окончание, а в остальных лицах оно ложится на корне: *смотрю́* — *смо́тришь, терплю́* — *те́рпишь, держу́* — *де́ржит, верчу́* — *ве́ртит* (в деепричастии: *смотря́, терпя́, держа́, вертя́*); в некоторых же глаголах перенос ударения замечается только в деепричастии, где оно ложится на корне: *си́дя, лёжа, сто́я, гля́дя* (при *глядя́*).

От основы инфинитива: *видеть, видел, увидев, смотревшие, насмотревшись, стуча́л, стуча́ла, державшийся;* причастие прош. страдательное: *виденный, слышанный, де́ржанный, рассмотренный, повелено́, умолчано.* Глагол *вертеть* образует *ве́рчен,* как бы от основы *верти-*; от *сидеть* в известных выражениях употребляется *си́жено, насиженное*

---

[1] В рукописи: *сижа* (очевидно, по описке; ср. ниже, в конце данного абзаца форму *си́дя*). Ред.

гнездо, от основы *сиди-*. Ударение основы инфинитива неподвижное или на корне, или на примете *а, е: ви́деть, слы́шать: держать, мчать, смотре́ть, сиде́ть, сиде́л, сиде́ла, висе́л, висе́ла.* В причастии страдательном ударение переносится с *а* на предшествующий слог: *де́ржан;* от *повелеть* в причастии страдательном находим с наконечным ударением: *повелено́*, а от *велеть: ве́лено.* О причастиях *ве́рчен, си́жен*, образованных не от основы инфинитива, сказано выше. Отметим ударение *зави́сеть* при *висе́ть.*

От глагола *видеть* известна еще форма *вишь* (*ишь*) в выражениях *вишь ты, вишь как, вишь оно* и т. п.; *вишь* восходит к первоначальному *вижь* 2-го лица повелительного при существовавшем некогда *вимь (подобно как при дамь существовало дажь).

Глагол *обидеть*, сложенный от *видеть* с предлогом *об;* причастие страдательное *о́би́жен*, ср. указанное выше *верчен.*

При *стоя́ть* явилось *сто́ить* с другим значением; возможно, что новообразование это исходило из форм наст. вр. *стою́, сто́иш, сто́ит, сто́ят;* отсюда 1-е лицо ед. *сто́ю* и затем неизбежное новообразование *стоить.* О глаголе *бежать* см. образец 21-й. Быть может, *зна́чить* заменило *знача́ть* так же, как *сто́ить* заменило *стоя́ть.*

Большая часть относящихся сюда глаголов в несложном виде представляют вид несовершенный, а в сложениях с предлогами вид совершенный. Однако совершенный вид имеет глагол *ве́леть*, употребляющийся и в несовершенном виде (*я этого ему не велю, хозяин не велит;* но — *я велю принести, ве́лено не пускать*). Замечательно, что *зависеть* имеет несовершенный вид; также *ненавидеть;* вероятно оба глагола книжные, церковнославянские.

17-й образец. В наст. вр. *-ит — -ат;* основа инфинитива оканчивается на *и.*

Звук *и* переходит в *j* и влияет таким образом на смягчение согласной в двух формах в спряжении глаголов на *-ить:* в первом лице ед. ч. наст. вр. перед окончанием *-у* (из *ǫ*), и в причастии прош. страдательном перед суффиксом *-ен;* напротив, перед *-е* во 2-м лице ед. и мн., 1-м лице мн. и в 3-м лице мн. наст. вр. *и* не переходит в *j; ие, иǫ* (откуда *ię*) сливаются в *и, ę* (отсюда в русском языке *а*); итак, *носи-ǫ* дало *ношǫ, носи-ен — ношен*, а *носиеши, носиеть, носиемъ, носиете — носиши, носить, носимъ, носите; носи-ǫть* дало *носięть* и далее носѧть (по-русски *нос'ать*). Мне неясна причина такого различия: возможно, что оно зависело в некоторых глаголах от различия в ударении и отсюда переносилось в другие глаголы: в *учу́, учён* ударение падало на *ǫ, е*, между тем как в *у́чиш, у́чат* оно падало (как и теперь) на предшествующий окончанию основы слог. Смягчаясь перед *j* из *i*, согласные подвергались таким изменениям: *п, б, м, в* (*ф*)

переходили в *пл, бл, мл, вл (фл)*, напр. *куплю, влюблён, сломлен, резвлюсь, славлю (потрафлю)*; только в глаголах церковного происхождения находим в причастии страдательном сохранение *в, м* перед -*ен*: *затмен, благословен*; в позднейшем по времени появления глаголе *клеймить* находим также *клеймённый* и даже *клеймю* (?); *с, з* переходят в *ш, ж*: *вожу, ношу, поражу, прошу́*; *д, т* в русских глаголах переходят в *ж, ч*: *рожу, хожу, сужу, шучу, колочу, сколочен, огорожен*; *д, т* в глаголах и формах церковнославянского происхождения переходят в *жд, щ*: *осуждён, предупреждён* (но *предупрежу* под русским влиянием), *освящу, упрощу, рождён, прекращу, запрещён, прекращён, огражден, вознаграждён, просвещён* и т. д.; *ст* переходят в *щ*: *прощён, перемещён, пущу*; *зд* в *жж* (пишется *зж, жд*): *езжу, заезжен, пригвождён, нагромождён*. Что до задненёбных, то они изменяются в соответствующие шипящие во всех формах от обеих основ в положении именно перед звуком *и*: *лечу, лечить, тужить, порбчат, перечишь* и т. д.

От основы наст. находим: *хоро́нят, моло́тишь, прошу́*; в повел. наклонении *и* под ударением: *хорони́, учи́те, носи, вози́те, предупреди*, реже в неударяемом положении после двух согласных: *чисти, кончи* (но, понятно, систематически в сложенных с *вы́-*: *вы́проси, вы́учи* и даже *вы́броси, вы́краси*, однако, *вы́ставь*); *и*, не имеющее на себе ударения, отпадает, оставляя след на мягкости предшествующей согласной: *славь, прославьте, брось*, не *чваньсЯ, покрась* (от *укра́сить* едва ли употребляется повел. наклонение), *упрочь, поставь*. После гласных *и* обычно заменяется через *й*: *устро́й, успоко́й, удво́й, присвойте*; но под ударением находим *и́*: *утаи́, скрои́, скрои́те* (но *закле́й*). Причастие наст. вр.: *говорящий, носящий, ста́вящий* и т. д. Деепричастие: *нося́, любя́, судя́, ценя, куря* и т. д., *носясь, перенося́сь*. От глаголов совершенного вида образуется деепричастие совершенное на -*ясь*: *перекрестясь, устремясь, простя́сь, пленясь, лиша́сь*; деепричастия совершенного вида на -*я* вышли из употребления, сохранившись только в некоторых наречных выражениях (*положа, потупя, сломя, спустя* и т. д.).

Ударение основы наст. вр. может быть неподвижным: а) на корне, напр.: *мо́лвлю, ста́влю, просла́влю, бро́шу, тра́чу, покра́шу, ко́нчу, си́литься*, б) на окончаниях: *грубя́т, резви́тся, черни́т, весели́т, сочиня́ть, дари́м, прости́м, морю́, поразя́т, огради́м, моря́т, тужи́т, роди́ть, лиша́т, храня́т, реша́т, греша́т*. Оно бывает и подвижным, а именно падает на окончания в 1-м лице ед. наст. вр., а также в деепречастии и причастии, и еще в повел. накл. — переносится на предшествующий слог во 2-м и в 3-м лице ед. и мн., а также в 1-м лице мн.; итак, *хожу́, ходя́, ходя́щий, ходи́*, но *хо́-*

дишь, хо́дят; сюда же: *ношу́, учу́, хороню́, брожу́, курю́, чиню́, лечу́, служу́, поручу́сь, тащу́, ворочу́, пущу́, заявлю́, куплю́, наступлю́, потружу́сь, положу́, загорожу́, прошу́, кучу́, хвачу́, колочу́, молочу́, тороплю́, варю́, укорочу́, заплачу́* и т. д. Группа глаголов с подвижным ударением многочисленнее группы глаголов с неподвижным ударением на окончании и, быть может, первоначальнее ее; в глаголах *платить, садить* при переносе на него ударения звук *а* заменяется через *о; запло́тит, пасо́дим* (в простор. и областном языке это явление еще более распространено: *падо́рим,* вместо литер. *подари́м, наво́рим,* вместо *нава́рим*).

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *носи́л, носи́ла;* причастие прош.: *носивший, учи́вший;* деепричастие совершенного вида: *поносив, подарив, научившись, окрасившись, сохранившись, накури́вшись, набро́сившись.* Причастие страдательное прош.: *ношенный, захвачен, заморо́жен, застрелен, прощён, учинено, ку́плено, обесче́щен.* — Ударение в формах, произведенных от основы инфинитива (кроме, однако, причастия страдательного), неподвижное или на корне или на примете *и: сла́вил, сла́вила, просла́вив, просла́вившие; учил, учи́ла, научи́в;* только при *роди́л, роди́ли, роди́ло* находим *родила́* (и также: *родился́, родили́сь, родило́сь*). В причастии страдательном ударение или переносится на предшествующий суффиксу *-ен-* слог: *поно́шен, похоро́нен, заме́чен, нау́чен, запу́щен, зая́влен, ку́плен, загоро́жен, запро́шен, прихва́чен, поколо́чен, обмоло́чен, зава́рен, укоро́чен, зада́влен, зава́лен, запла́чен* (произносится *заплочен*), *поса́жен* (произносится *посожен*), *пору́чен, сло́млен, надло́млен;* в женском роде то же ударение: *запу́щена, зая́влена, запро́шена, заколо́чена, укоро́чена* и т. д. Или же ударение причастия падает на *е* в мужеском роде, переносясь на окончания в женском, среднем роде и во мн. числе: *влюблён, влюблены́, похоронён, похоронена́, прощена́, научён, научена́, лишо́н, лишено́, рождён, рождены́, осуждён, осуждена́, освящён, освящена́* и т. д. Неясно, как, по какому основанию распределяются глаголы в обеих указанных группах.

Относящиеся к настоящему образцу глаголы по общему правилу вне сложения с предлогами имеют вид несовершенный, а в сложении с предлогами совершенный. Но при этом оказываются и исключения. Во-первых, ряд глаголов, несложенных с предлогами, имеют вид только совершенный, или, сохраняя вид несовершенный, могут иметь значение и совершенного вида; к глаголам, имеющим только совершенный вид, относятся: *решу, лишу́, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хва́тит* (напр.: *по́ лбу, до весны*), *пущу, пленю;* к глаголам, употребляющимся и в совершенном и в несовершенном виде, принадлежат: *воро́тит* (*он воро́тит деньги,* но — *он рыло воро́тит*), *роди́т,*

женит, родится, женится, мо́лвит и, кажется, *кре́стит*. Во-вторых, некоторые глаголы, сложенные с предлогами, сохраняют вид несовершенный: сюда относятся сложенные с предлогами глаголы моторно-неопределенного значения, как *относить, выносить, заводить, выводить, привозить, вывози́ть, зала́зить, выла́зить*.

10. Третье спряжение: 1-е лицо единственного числа на *-м*.

18-й образец. Основа наст. вр. оканчивается на согласную. Сюда относятся: *дам — дать* (основа наст. *дад-*, основа инфинитива *да-*): *дам, дашь* (вместо исконного *даси* из *дад-си*), *даст* (из *дас-ть*), *дади́м, дади́те* (основа *дади-* извлечена из повел. накл., которое, как увидим, производится теперь от основы *да-*), *даду́т* (вместо ожидаемого *дадят*, из дадять). — В повел. накл.: *дай, дайте* (ср. не *дай* бог, *подай;* от *даю* имеем *давай*). — От основы инфинитива: *дал, дала́, да́ло, да́ли, про́дал;* причастие страдательное: *дан, дана́, дано́, даны́; ро́здано, про́дано;* деепричастие совершенного вида: *зада́в;* причастие прош. вр.: *отда́вший, да́вший*. Подвижность ударения основы инфинитива выражается в том, что в прош. вр. и причастии страдательном оно переносится в несложенных на окончание, а в сложенных переносится на предлог в мужеском, среднем и во мн. числе, оставаясь на окончании в женском роде; в глаголах на *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *дался́, удался́, удало́сь, задали́сь*.

Ем — есть (основа настоящего *ед-*, основа инфинитива также *ед-*): *ем, ешь* (вместо исконного ѣси из *ѣд-си*), *ест* (из *ѣс-ть*), *еди́м, еди́те* (основа *еди-* извлечена из повел. накл.), *едят*. — В повел. накл.: *ешь, ешьте* (вместо *ежь, ежьте*). От основы инфинитива: прошедшее: *ел, ела, ело, ели, съел, поели, наелся;* причастие прош.: *евший;* деепричастие: *поев, заев;* причастие страдательное: *съеден, изъедена*. — Ударение в наст. вр. на окончаниях; основа инфинитива имеет неподвижное ударение на корне.

Есмь — быть. Формы наст. вр. вышли из употребления. Сохранились только формы 3-го лица ед. и мн. в весьма редких, впрочем, выражениях, напр.: *а есть а*, также в значении — имеется: *там всё есть, у нас есть все, что вам нужно;* 3-е лицо мн. *суть* изредка употребляется и в значении 3-го ед.: *это не суть важно*. Повел. накл. образуется от основы *буд-: будь, будьте, забудь*. Деепричастие: *бу́дучи*. От основы *буд-* образуется также и *буду, будеш* и т. д. в значении будущего времени: *забуду, побуду, добуду*. Причастие буд. вр.: *будущий*. — Основа инфинитива *бы-;* от нее, кроме инфинитива, произведены: *был, была́, бы́ло, бы́ли, забы́л, вы́был;* причастие прош.: *бывший;* деепричастие: *быв, забыв, забы́вшись*. — Ударение

основы инфинитива подвижное: в прош. вр. оно ложится на окончании в женском роде: *была́*, сохраняясь в других формах на корне; *бы́ло, бы́ли;* в сложенных с предлогами такой же перенос в женском роде: *добыла́, прибыла́, отбыла́, пробыла́;* в прочих формах ударение переносится на предлоги: *до́был, при́были, о́тбыл, про́были;* но в *забы́л* ударение неподвижно: *забы́ла, забы́лся.*

11. Неправильные глаголы.

Некоторые отступления от обычных отношений нам пришлось отметить уже выше. Здесь мы рассмотрим преимущественно те глаголы, которые образуют основы наст. вр. и инфинитива от разных вообще несочетающихся основ, а также и те, которые в пределах наст. вр. представляют формы, образованные от разных основ.

19-й образец. Относим сюда те глаголы, которые в наст. вр. изменяются по первому спряжению.

Глагол *иду́ — идёт, идут;* ту же основу находим в повелит. *иди́, иди́те,* в причастии наст. вр. *идущий,* в деепричастии *идя, и́дучи.* После предлогов *иду* изменяется в *йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду;* после *и й* отпадает: *приду́;* в этих сложениях деепричастие на *-а: найдя, выйдя, придя, сойдя́сь.* — Основа инфинитива *и-*: *ити́,* однако, заменилась формой *идти,* этимологически восходящей к *ид-ти,* причем *ид-* из основы наст. вр., ср. *найти, вы́йти;* отметим в сложных причастиях страд. *на́йден, про́йдено.* — От этой основы не могут быть произведены те формы, которые обычно восходят к основе инфинитива; эти формы производятся от основы шьд- (*шед-* в одном положении, *ш-* в другом); ср. *шол, шла, шло, шли, пошол, вышел;* причастие прош. *шедший, вышедший, наше́дшие;* деепричастие: *ушедши* (диалектическое произношение: *ушодши*), *нашедши, вышедши.* — Глагол *идти* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *еду, едет, едут;* формы повел. от этой основы не образуются (в противоположность областному языку) и заменяются формами *поезжай, поезжайте* (от вообще не употребительной основы *поезжа-*); прич. наст.: *едущий;* деепричастие *едя* не употребительно, выходит из употребления также *едучи.* — Основа инфинитива *еха-*: прошедшее *ехал, ехала;* причастие прош. *ехавший;* деепричастие: *съехав, съехавшись, въехав.* — Глагол *ехать* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *обрящу, обрящется* (*обрести, обрестись*) церковнославянского происхождения, что ясно из звука *щ* в наст. вр. Сходствуя по образованию основы настоящего и инфинитива с глаголами 8-го образца, приведенный глагол представляет в этих основах два

разных вида корня (ср. *сяду — сесть*). Глагол этот совершенного вида.

Глагол *реву — ревёт, ревýт;* повел. *реви́;* причастие: *ревущий;* деепричастие не употребительно. Инфинитив от основы *реве-;* отсюда же *ревел, ревела, ревевшие, заревев.*

Глагол *ошибу, ошибусь — ошибёт, ошибутся;* повелительное: *ошибись.* Основа инфинитива *ошиби-*, от нее образован инфинитив *ошибиться, ошибить,* а также деепричастие *ошибившись;* причастие прош.: *ошибившиеся;* от этой же основы причастие прош. страд.: *ошиблен, зашиблен.* Рядом основа *ошиб-*: от нее произведены прош. вр. *ошибся, ошиб, ошиблась, ошибли, ушибся.*

20-й образец. Относим сюда глаголы, изменяющиеся в наст. времени по второму спряжению.

Глагол *гоню́, гóнит, гóнят;* повел. *гони́, загони́те, прогони́те;* причастие наст.: *гонящий, гонящийся;* деепричастие: *гоня́.* Основа инфинитива *гна-* (из *гъна-*): прош. *гнал, гнала́, гна́ло, гна́ли, гнался́, гнало́сь, гнали́сь;* причастие прош.: *гнавший, прогна́вший;* деепричастие: *прогнав, нагнав, погнавшись;* причастие страдательное: *прóгнан, загнана́, зáгнаны.* Эта основа с подвижным ударением, как видно из приведенных форм; но в прош. вр. ударение не переносится на предлог (*прогна́л, прогнала́, прогна́ли, загна́ли, погнался́*); в причастии страдательном ударение в формах не женского рода на предлоге (*отóгнан, отóгнаны,* но *отогнана́*). Значение *гоню, гнать* определенно-моторное.

Глагол *сплю, спишь, спят;* повел. *спи, спи́те;* причастие наст.: *спящий.* Основа инфинитива *спа-*: прош. *спал, спала́, спа́ли;* причастие прош.: *спавший;* деепричастие: *поспа́в, вы́спавшись;* причастие страдательное: *за́спанный.* Эта основа имеет подвижное ударение: оно переносится на окончание женского рода *-ла́,* также на *-лся́, -ла́сь, -ло́сь, -ли́сь* в прош.; на предлог в других формах: *проспала́, проспался́, проспала́сь, проспали́сь;* но *прóспал, прóспали;* а также в причастии страдательном *за́спанный.*

21-й образец. Сюда относим глаголы, представляющие в наст. вр. две основы, одну, изменяющуюся по первому, другую по второму спряжению.

Глагол *хочу, хочешь, хочет* с основой *хоче-* в ед. числе, *хотим, хотите, хотят* — от основы *хоти-* во мн. числе; повел. не употребляется, заменяясь формой *захоти́;* старая форма *хочи́* исчезла (2-е лицо наст. *хошь* едва ли не вместо *хочи́, хочь,* проникших в наст. вр.). Причастие наст. вр. *хотящий.* Деепричастие: *хотя* (употребляется как союз).

Основа инфинитива *хоте-*: *хотел, хотела; хотевший; захотев.*

Глагол *бегу́,* 3-е л. мн. *бегу́т;* остальные формы наст. вр. от основы *бежи-*: *бежишь, бежи́т, бежи́м, бежи́те;* повел. накл. от основы 1-го

лица и 3-го лица мн.: *беги* (вместо первоначального *бези*), *бегите;* причастие наст.: *бегущий;* едва ли употребительно деепричастие *бежа́.*

Основа инфинитива *бежа-: бежа́л, бежа́ла; бежа́вший: забежа́в.* Значение *бегу, бежать* определенно-моторное.

Глагол *чту*, 3-е лицо мн. *чтут;* остальные формы наст. вр. от основы *чти-: чтиш, чтит, чтим, чтите*; причастие наст.: *чтущий.* Основа инфинитива *чти-: чтил, чти́ла, чтивший.* Рядом основа *чт-* (из *чьт-*): причастие страдательное *почтён.* В сложенном *почтить* в наст. вр. *почту*, а во всех остальных лицах основа *почти-: почтиш почтят.* (Рядом известен другой глагол *почесть: почту, почтёт почту́т;* прошедшее *почла* и т. д.).

В заключение своего курса я назову несколько сочинений, полезных при изучении грамматики современного литер. языка.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 4-е, Казань, 1913.

2. В. А. Богородицкий. Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными, Казань, 1909.

3. Ол. Брок. Очерк физиологии славянской речи, См. Энцикл. слав. филологии, выпуск 5, 2, СПБ, 1910.

4. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX в.), в 12-м выпуске Энциклопедии славянской филологии.

5. Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, вып. I, II и III, СПБ, 1901, 1902 и 1904. См. Сборник Отд. р. яз. и слов., т. LXXVII.

6. Е. Ф. Будде. Из истории русского литер. языка конца XVIII и начала XIX в., см. «Журн. М. нар. пр.», 1901, № 2.

7. Е. Ф. Будде. Значение Гоголя в истории русского литер. языка, см. «Журн. М. нар. пр.», 1902, № 7.

8. С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литер. и народном русском языке, СПБ, 1893.

9. А. Х. Востоков. Русская грамматика.

10. Я. К. Грот. Филологические разыскания, изд. 4-е, СПБ, 1899.

11. A. Mazon. Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908.

12. Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола.

13. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПБ, 1912.

14. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I, Введение; II, Составные части предложения и их замены, Харьк., 1888; III, Об изменении значения и заменах существительного, Харьк., 1899.

15. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4-е СПБ, 1907.

16. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии.

17. А. И. Томсон. Общее языковедение, изд. 2-е, Одесса, 1910.

18. Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава, 1891, ч. II, Варшава, 1895.

19. Ф. Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова, см. Сборник Отд. р. яз. и сл., т. LXIV.

20. Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, см. «Изв. Отд. р. яз. и сл.», 1899, кн. 1-я.

21. В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения, изд. 2-е, СПБ.

22. В. И. Чернышев. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению.

23. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ответственный редактор *С. П. Обнорский.*
Технические редакторы: *Н. Сахарова* и *О. Семенова-Тян-Шанская.*
Корректор *В. О. Шпринг.*

Книга сдана в набор 4/IX 1934 г. Подписана к печати 21/IX 1936 г.

У-40. Учпедгиз № 6249. Заказ № 806.
Уполн. Главлита № Б-30633.

Формат 62 × 94 *см.* Тираж 10000 экз.
Авт. листов 13,9. Изд. листов $13^3/_4$. Бум. листов $6^7/_8$. (86 000 знак. в 1 бум. листе).

Бумага Окуловской фабрики.

Цена 2 р. 25 к.

2-я типография ОГИЗ'а РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Шах

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

Стр. 54, строка 18 снизу

Напечатано:

ė: среднего ряда нелабиализ. напряж.

Следует читать:

ė: среднего ряда нелабиализ. ненапряж.

Шахматов—2087

Ответственный редактор *С. П. Обнорский.*
Технические редакторы: *Н. Сахарова* и *О. Семенова-Тян-Шанская.*
Корректор *В. О. Шпринг.*

Книга сдана в набор 4/IX 1934 г. Подписана к печати 21/IX 1936 г.

У-40. Учпедгиз № 6249. Заказ № 806.
Уполн. Главлита № Б-30633.

Формат 62 × 94 *см.* Тираж 10000 экз.
Авт. листов 13,9. Изд. листов $13^3/_4$. Бум. листов $6^7/_8$. (86 000 знак. в 1 бум. листе).

Бумага Окуловской фабрики.

Цена 2 р. 25 к.

2-я типография ОГИЗ'а РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.